

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (26)

2016

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Рвина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
М.А. Стеценко

Технический редактор:
Ю.В. Битюкова

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.09.2016.

Формат 60x84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 15,0.

Тираж 100 экз. Заказ 3-633-16.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия).

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия).

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая Академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

ПРЕДИСЛОВИЕ

24–26 ноября 2016 г. в Тольяттинском государственном университете состоится традиционная Всероссийская научно-практическая конференция «Правонарушение и юридическая ответственность».

Правонарушение – это социальное явление, вызывающее к себе пристальное внимание научной мысли на протяжении всего развития мировой цивилизации. Причины и условия совершения противоправных деяний зависят от различных факторов, прежде всего связанных с духовной, нравственной, культурной, религиозной, экономической и политической действительностью, сложившейся на конкретном историческом этапе.

Под обстоятельствами, способствующими совершению правонарушений, понимаются явления и процессы объективного и субъективного характера, которые наиболее существенно воздействуют на сознание и поведение людей, инициируя у них решимость на совершение тех или иных противоправных деяний.

В свою очередь, юридическая ответственность есть одна из фундаментальных правовых категорий, с которой непосредственно связаны все иные категории: права и обязанности; поощрения, запреты и наказания; меры защиты и меры приостановления. Таким образом, институт юридической ответственности имеет огромное научное и практическое значение.

Духовная жизнь российского общества занимает важное место в общем процессе социального развития и поступательного движения. Эта область жизни создает морально-психологический климат в стране, поддерживает и развивает, а при неблагоприятных условиях разрушает культуру, хотя именно она определяет систему ценностных ориентаций граждан, их нравственное и правовое сознание.

В связи с этим поддержка духовности является прямой обязанностью государства, которое устанавливает юридические нормы, регулирующие поведение физических лиц (граждан) и юридических лиц (организаций) в различных сферах жизни в интересах подавляющего большинства членов современного общества. В данном аспекте социальная ценность правомерного поведения служит важнейшим условием укрепления законности и правопорядка, обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Всестороннему анализу перечисленных и иных проблем посвящены выступления участников конференции, представленные в настоящем издании.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИУДЕЙСТВУЮЩИХ ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА Александров Илья Андреевич	9
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 163 УК РФ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО Безверхов Артур Геннадьевич	13
ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ОТВЕТСТВЕННОСТИ Быков Сергей Владимирович.....	17
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ И ОХРАННЫХ ДЕТЕКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Верхова Елена Анатольевна.....	22
ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ Володин Михаил Сергеевич	25
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ БАНКОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ Гогин Александр Александрович, Гогина Галина Николаевна	27
ДИАЛЕКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Джалилов Эльвис Алимович	31
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ XVII–XIX ВВ. Ельчанинова Ольга Юрьевна	36
К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРВИЧНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА СОСТОЯНИЕМ ПРЕСТУПНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ Закомолдин Руслан Валериевич	39
О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ Иванова Ольга Михайловна.....	41
ПРИПИСЫВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ – ПРИПИСЫВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ПО КОНЦЕПЦИИ АСКРИПТИВИЗМА Г.Л.А. ХАРТА) Касаткин Сергей Николаевич	45
СВЯЗЬ И СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА Корнуков Владимир Михайлович	49
ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ Макарова Наталья Алексеевна	53
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ УМЕРШЕГО Максимихина Юлия Олеговна.....	55
РЕЖИМ «ЗАКРЫТЫХ» ТЕРРИТОРИЙ: О ПРИРОДЕ САНКЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ Михеева Ирина Вячеславовна, Чесноков Павел Андреевич	60
ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ И НАКАЗАТЕЛЬНЫЕ САНКЦИИ НОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ Моисеев Александр Владимирович	64
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Мычак Татьяна Владимировна	68

КЛАССИФИКАЦИЯ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Немова Елена Николаевна.....	71
ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА КЛЕВЕТЫ, СОЕДИНЕННОЙ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ О НАЛИЧИИ У ЛИЦА ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ Норвартян Юрий Сергеевич	75
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ПОИСК И (ИЛИ) ИЗЪЯТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ Одоева Ирина Владимировна	77
ГОЛОВНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ МЕР ЧАСТНОПРАВОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ Оспенников Юрий Владимирович	80
О ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ Попрядухина Ирина Викторовна	83
ФИКЦИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ Пяткин Валерий Николаевич	86
О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Савельев Юрий Михайлович	89
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ Савельева Ольга Юрьевна.....	92
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА Саргсян Аделина Арменовна, Тананян Ани Вагеовна	95
НАЛОГОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Смагина Анастасия Юрьевна	98
МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Степанова Вера Владимировна	103
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА Тараканова Наталья Геннадьевна, Ямбушев Фаиль Шамильевич	107
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ Титов Андрей Николаевич	110
ИСТОКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Хачатуров Рудольф Леонович	114
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ Цалюк Алексей Михайлович	120
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ Шутемова Тамара Васильевна	122
Наши авторы	124

CONTENT

THE RESPONSIBILITY OF THE JUDAIZERS ACCORDING TO THE CODE OF CRIMINAL AND CORRECTIONAL PUNISHMENTS 1845 Aleksandrov Ilya Andreevich	9
SOME PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTICLE 163 OF THE CRIMINAL CODE, PROVIDING RESPONSIBILITY FOR EXTORTION OF RUSSIA Bezverkhov Artur Gennadyevich.....	13
SOCIAL PSYCHOLOGY SUBJECT (LEGAL) LIABILITY Bykov Sergey Vladimirovich.....	17
LEGAL REGULATION OF FIGHT AGAINST CRIMES CONNECTED WITH THE ACTIVITIES OF PRIVATE DETECTIVES AND SECURITY DETECTIVE ORGANIZATIONS IN FOREIGN LEGISLATION Verkhova Elena Anatolievna.....	22
IMPRISONMENT AS A KIND OF PUNISHMENT CRIMINALIZED Volodin Mikhail Sergeevich.....	25
PREVENTION AND ENFORCEMENT AS A MEANS OF BANKING RELATIONSHIPS REGULATION Gogin Aleksandr Aleksandrovich, Gogina Galina Nikolayevna	27
DIALECTICS RESEARCH IN THE FIELD OF LEGAL LIABILITY INTELLECTUAL PROPERTY Dzhalilov Elvis Alimovich.....	31
EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN DOMESTIC LEGAL DOCTRINES XVII–XIX CENTURIES Elchaninova Olga Yuryevna.....	36
TO THE QUESTION OF THE VALIDITY AND EFFECTIVENESS OF THE PRIMARY STATISTIC OBSERVATION THE SITUATION OF THE MILITARY PERSONNEL CRIME Zakomoldin Ruslan Valerievich.....	39
ON INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME Ivanova Olga Mikhaylovna.....	41
ASCRPTION OF ACTION – ASCRPTION OF RESPONSIBILITY (BASING ON H.L.A. HART’S CONCEPTION OF ASCRIPTIVISM) Kasatkin Sergey Nikolayevich.....	45
COMMUNICATIONS AND RELATION PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE RIGHT TO SECURITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS Kornukov Vladimir Mikhaylovich.....	49
OFFENSES AS BASES OF APPLICATION OF THE STATE COERCION Makarova Natalya Alekseevna	53
FEATYRES OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS CONCERNING A DECEASED Maksimikhina Yulia Olegovna.....	55
THE CLOSED TERRITORIAL FORMATIONS: ABOUT THE NATURE OF SANCTIONS FOR VIOLATION Mikheeva Irina Vyatcheslavovna, Chesnokov Pavel Andreevich.....	60
MOTIVATING AND PUNISHING SANCTIONS OF LEGAL LIABILITY RULE: GENERAL AND SPECIAL Moiseev Aleksandr Vladimirovich	64
CRIMINAL PROCEDURE OFFENSE AS THE CAUSE OF THE CRIMINAL PROCEDURE LIABILITY Mychak Tatyana Vladimirovna.....	68
CLASSIFICATION OF EXEMPTION FROM LEGAL RESPONSIBILITY Nemova Elena Nikolaevna	71
THE OBJECTIVE PART OF SLANDER, COUPLED WITH THE SPREAD OF FALSE INFORMATION ABOUT PERSON’S DISEASES THAT POSE A DANGER TO OTHERS Norvartyan Yuriy Sergeyeovich.....	75

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL SEARCH AND (OR) SEIZURE OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS FROM THE PLACE OF OCCURRENCE: SOME ISSUES OF THEORY AND PRACTICE	
Odoeva Irina Vladimirovna	77
GOLOVNICHESTVO IN THE SYSTEM OF PRIVATE LAW COMPENSATION	
Ospennikov Yuri Vladimirovich	80
ABOUT THE LEGAL ISSUES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF CREDIT ORGANIZATIONS	
Popryadukhina Irina Viktorovna	83
IN THE FICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS	
Pyatkin Valery Nikolaevich	86
ISSUES OF THE NOTIONS OF CRIMINAL LAW	
Savelyev Yuriy Mikhailovich.....	89
RESPONSIBILITY FOR DELIBERATE CAUSING HEAVY HARM TO HEALTH UNDER THE AGGRAVATING CIRCUMSTANCES	
Savelyeva Olga Yurievna	92
SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF MURDER BY THE MOTHER OF THE NEWBORN CHILD	
Sargsyan Adelina Armenovna, Tananyan Ani Vageovna	95
THE TAX RESPONSIBILITY AS AN INDEPENDENT TYPE IN A SYSTEM OF THE LEGAL RESPONSIBILITY	
Smagina Anastasia Yurievna	98
INTERSECTORAL NATURE OF INSTITUTE OF LEGAL RESPONSIBILITY	
Stepanova Vera Vladimirovna	103
LEGAL REGULATION OF LEGAL RESPONSIBILITY OF COURT USHERS BY THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY	
Tarakanova Natalya Gennadyevna, Yambushev Fail Shamilyevich.....	107
THE CRIMINAL-PROCEDURAL OFFENCES IN PRE-TRIAL INVESTIGATION REGULATORY DONETSK PEOPLE’S REPUBLIC	
Titov Andrey Nikolaevich.....	110
THE ORIGINS OF LEGAL LIABILITY	
Khachaturov Rudolf Levonovich.....	114
ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITIES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY	
Tsalyuk Aleksey Mikhailovich	120
THE PROBLEMS OF THE REALIZATION OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTGATION	
Shutemova Tamara Vasilievna	122
Our authors	124

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИУДЕЙСТВУЮЩИХ ПО УЛОЖЕНИЮ
О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА**

© 2016

И.А. Александров, преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: иудействующие; секта; особенно вредная ересь; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Российская империя.

Аннотация: В статье исследуются различные вопросы, связанные с ответственностью, так называемых иудействующих согласно статьям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Помимо норм, нашедших отражение в данном акте, рассматривается ряд положений других документов нормативного характера, необходимых для более полного освещения изучаемого вопроса. Отмечаются характерные черты учения этой секты, которые в том числе позволяют оценить степень опасности деятельности этого религиозного объединения для личности, общества и государства.

Иудействующие («субботники») представляют собой секту, возникшую во второй половине XVIII века. Это название связано со сходством учения данной секты с иудейской религией (признание только Ветхого завета, празднование субботы и др.) [1, с. 337–339].

Упоминание о соответствующем учении можно встретить в статье 207 (нумерация приводится согласно первоначальной редакции Уложения 1845 г.), в которой был закреплен перечень особенно вредных ересей (неисчерпывающий). В частности, в ней говорилось следующее: «Последователи сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, малаканами, *иудействующими* (курсив наш. – И.А.), скопцами, а равно и другие принадлежащие к ересям, которые установленным для сего порядком признаны или впоследствии будут признаны особенно вредными, за распространение своей ереси и совращение в оную других, по совершенном изобличении в сем преступлении, подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке из Европейской России в Закавказский край, из областей Кавказской и Каспийской и из губерний Грузино-Имеретинской в Сибирь, а по Сибири – в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожилов» [1, с. 218; 2].

Помимо этого, в рамках рассматриваемого акта можно выделить группу статей (209, 216 и 217), которые преимущественно связаны с сектой иудействующих. Статья 209 предусматривала, что «за допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере, или иной какой-либо ереси, или же участвовать в оных, родители сих детей или воспитывающие их» подвергались наказанию, аналогичному установленному статьей 207 Уложения. Сами малолетние, «производящие сии обряды», отсылались в батальоны и полубатальоны военных кантонистов (способные к военной службе) или на казенные фабрики (неспособные к военной службе). Позднее после ликвидации института кантонистов в качестве наказания для данных лиц осталась только работа на казенных фабриках [3, с. 94]. Статьи 216 и 217 предусматривали ответственность, соответственно, для евреев, высланных из мест распространения «жидовской ереси», а затем самовольно туда возвратившихся, и для лиц, давших приращение такого рода евреям.

Что касается использования термина «жидовская вера», «жидовская ересь», то для его лучшего понимания следует обратиться к более ранним документам. В частности, Синодский указ от 29 июля 1825 г., по Высочайше утвержденному положению Комитета Министров «О мерах к отвращению распространения Жидовской секты, под названием Субботников» содержит ряд интересных положений, разъясняющих в чем заключалась опасность данного учения с точки зрения духовных властей.

Подчеркивалось, что сущность секты, «не представляя прямо Ветхозаветного Иудейского Богослужения», содержалась «в некоторых токмо обрядах, как то: в праздновании субботы и обрезании, в составлении супружеств

и разводе оных по произволу, в погребении умирающих и в собраниях для моления. Зараженные Иудейством люди делают соседям своим, Правоверующим, соблазны и озлобления, именно: в праздничные дни и посты делают над Христианами насмешки, и тайно внушают молодым людям, что вера их лучше, нежели Христианская; что у них нет постов, что могут жениться на ком хотят, даже на родственницах; венчаются сами и разводятся по произволу; – каковыми и тому подобными прельщениями поселяют разврат, от чего многие однодворцы тайно пристают к их обычаям, уклоняясь от Церкви...» [4].

Также отмечалось, что «...содержание веры их состоит в том, что ожидают единого спасения в Моисеевом Законе, не ходят в Православную церковь, не изображая на себе крестного знамения, не принимают церковных Таинств, и Пасху совершают по Еврейскому Закону 15 числа Марта...» [4]. В частности, один из последователей этого учения характеризовался следующим образом: «...в заблуждении своем, а особенно в непризнании Триипостасного Божества, в отвержении Мессии, даже и в том смысле, в каковом Иудеи Его ожидают, в субботаствовании жидовском, в плотском понятии будущего Царствия, в непоклонении святым иконам и в других заблуждениях остался непреклонным...» [4]. Таким образом, констатировалось, что Святейший Синод «нашел таковое отступничество от Христианской Церкви, весьма опасным и соблазнительным для простого народа, более чувственностью водимого, а вообще для Христианства оскорбительным и вредным...» [4].

Рассматривая закрепление в нормативно-правовых актах мер, применяемых к последователям данной секты, необходимо учесть вышеуказанное специальное положение Комитета министров, Высочайше утвержденное 3 февраля 1825 г., которым предусматривались различного рода обязанности светских и духовных властей в отношении секты иудействующих [5, с. 58–61].

«Губернским начальствам» предписывалось «без всякого участия духовной власти и в виде обыкновенного полицейского распоряжения, взять в тех селениях, где секта сия находится, начальников оной и их помощников и отослать немедленно для определения в военную службу годных к оной, а неспособных к военной службе – на поселение в Сибирь» (особые правила действовали в отношении на субботников «Кавказской губернии, в Александровском уезде находящихся»). Таким же образом надлежало поступать впоследствии с теми, которые окажутся начальниками и распространителями секты. В Сибири указанные лица должны были размещаться «в отдаленные места и сколь можно отдельно, и чтоб земская Полиция строгое имела наблюдение, дабы они никого не вовлекали в свое заблуждение». Важно отметить, что данное положение содержало разъяснение о том, что начальниками секты следует считать тех, кто совершает какие-либо обряды, занимает первое место в богослужении или дает наставление «в правилах иудей-

ских». Из уездов, в которых находилась секта субботников и соседствующих с ними уездов следовало выслать всех евреев без исключения, где бы они не находились, и «впредь ни под каким предлогом пребывания там им не дозволять» (см. статьи 216 и 217 Уложения 1845 г.). На местные власти возлагалась обязанность затруднять «сколько возможно» общение «правоверных» жителей с иудействующими. Для этих целей предписывалось не выдавать паспортов никому из принадлежащих к этой секте для отлучки в другие места. Также мы сталкиваемся с правилом, согласно которому данные лица не должны были избираться ни «к каким общественным должностям». Вместе с тем, духовной власти полагалось употреблять способы убеждения к обращению отступников «паки в недра Церкви». Для этого следовало обращать особенное внимание на священников тех приходов, в которых «укореняется Иудействующая секта, стараясь, чтобы поведением, кротостью и твердым познанием в Законе Божиим соответствовали они важному предназначению своему». Приходские священники не должны были «домогаться какими-либо явными действиями или усилиями к обличению отступников. Им принадлежит только пользоваться приличными случаями к кроткому увещанию, а в распоряжениях, принадлежащих гражданскому начальству, не должны они принимать никакого участия» [5, с. 58–61].

Как указывает В.Б. Лебедев, в этом нормативном акте впервые в истории борьбы государства с сектантством и расколом расшифровывались (посредством перечисления ряда действий) понятия «наружное оказательство» секты и соблазн [3, с. 87]. Под «наружным оказательством» секты понимались: собрания из разных домов в один для молитвы, обрезание, венчание, погребение и прочие обряды, не имеющие сходства с христианскими, а под соблазнами – «всякое действие при Христианстве противное его Вере и в особенности хула и насмешки над правилами Церкви и над теми, кто следует оным» [5, с. 59].

В этом же акте разъяснялось использование выше-названного термина «жидовская секта» (вера, ересь), который, как указывает В.Б. Лебедев, был направлен на дискредитацию рассматриваемого религиозного учения [3, с. 87]. Буквально в рассматриваемом акте говорилось следующее: «Как ничто не может иметь большего влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и Субботники, в отношении Православной веры, то в сношениях местных начальств именовать Субботников Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть Жиды, ибо настоящее их наименование Субботников, или придерживающихся Моисееву закону, не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство» [5, с. 60].

С вышесказанным сопряжено указание о неразглашении действительного числа последователей секты иудействующих. «Губернским начальствам» предписывалось собирать данные сведения «со всею возможною скромностью и без явных распоряжений, дабы не дать повода к каким-либо неудобствам, как то: или оглашению еще большего числа сих русских евреев, доселе еще вероятно скрывающихся, или распространению толка, что они Правительством терпимы, подобно тому, как сие уже случилось при розысканиях о числе раскольников» [5, с. 59–60].

В дальнейшем данные правила были дополнены Высочайше утвержденным положением Комитета Министров от 8 июня 1826 г. «О наказании за подущение малолетних детей к исполнению обрядов Жидовской ереси» [6], которое позволяет более полно уяснить смысл статьи 209 Уложения 1845 г. Это положение со-

держит следующие сведения, объясняющие причину установления ответственности за деяние, предусмотренное указанной статьей:

«... между исполнителями духовных обрядов, по правилам Жидовской ереси, оказались виновными четыре 12-летние однодворцы; и как они не могут быть подвергнуты, на основании Высочайше утвержденных правил Комитета Министров 3 февраля (29 июля) 1825 года, ни отдаче в военную службу, ни ссылке в Сибирь на поселение, потому, что на счет малолетних нет никакого постановления... предавшиеся Жидовской ереси возмужалые люди нарочно употребляют малолетних к исполнению духовных обрядов, дабы себя избавить от определенного наказания и быв уверены, что сии исполнители их заблуждения, избегнут оного, по несуществованию об них постановления» [6].

Исходя из этого, Комитет министров утвердил ряд правил, которые с некоторыми изменениями нашли отражение в Уложении 1845 г.: 1) малолетних, производящих по «жидовской ереси» духовные обряды, в кругу своего семейства либо вне оного, «отсылать способных в Военно-сиротские Отделения»; 2) совершающих духовные обряды «жидовской секты» женщин (если субботники для совершения духовных обрядов станут употреблять вместо мужчин женщин), равно как и мальчиков, «неспособных в Военно-сиротские Отделения», отсылать на казенные фабрики; 3) За совершение малолетними этих обрядов «подвергать наказанию, на основании Высочайше утвержденных 3 февраля 1825 года правил, не родителей, а тех, кто по исследованию найдены будут виновными в принуждении или соглашении к тому малолетних, родители ли то, или посторонние...» [6]. Целесообразно отметить, что в отличие от данного положения согласно статье 209 Уложения 1845 г. наказанию в любом случае подлежали родители таких детей или лица, воспитывающие их.

Выше уже приводились выдержки из синодского указа 1825 г., посвященного секте иудействующих или субботников (по отношению к последователям этого учения также могло использоваться наименование «жидовствующий»), где описывались основные черты данного учения, в которых представители власти усматривали опасность для общества и государства. Для более развернутого представления о сути обвинений, выдвигавшихся в адрес иудействующих, также можно обратиться к литературе конца XIX – начала XX вв. Например, В.М. Скворцов выделял следующие пять пунктов, позволивших бы назвать эту секту одной из наиболее вредных:

1) не признавала (имеется в виду секта) пришествия в мир «Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа и Его Божественного достоинства», отвергала его учение, таинства, обряды и все установления христианской новозаветной церкви. Иудействующие допускали обрезание, праздновали субботу вместе с другими еврейскими праздниками и постами и, в целом, соблюдали Моисеев закон, а также предписания Талмуда.

2) учение секты воспитывало в ее последователях, «в коренных русских людях, отказавшихся от Христа, христианства и своей национальности», враждебное отношение к православной вере и вместе с тем к общественному строю «русской жизни». Также утверждалось, что иудействующие не считали себя подданными русского царя, а рассматривали себя пленниками России и ежедневно молились о скорейшем избавлении их «от русского ига и водворении в земле обетованной». Все же «чаяния» последователей этой секты, якобы, были прикованы к земным благам и наживе.

3) в своем быту иудействующие совершенно утрачивали «исконные черты русской народности и самобытности, перевоспитываясь до полного сходства с евреями, от которых усвоили не только внешние формы жизни, но и внутренние, вредные в общественном отношении, качества семитической расы».

4) учение этой секты, проповедуя «потворствующее чувственности многоженство», допускало и «легкие» разводы, что, согласно некоторым воззрениям, вредно отразилось на семейном устройстве и судьбе детей.

5) секта иудействующих характеризовалась как склонная к прозелитизму, т. е. распространению своего учения, как среди православных, так и среди последователей других сект [7, с. 4–6].

Впрочем, в других источниках отмечалось, что активной пропаганды своего «лжеучения» иудействующие почти нигде не вели. Но, не пропагандируя открыто, они («сами охотно читая сочинения Л. Толстого... и других противохристианских писателей») распространяли «их отрицательные идеи среди православных, особенно среди молодежи, подрывая в них веру, не только в православие, но и вообще в христианство» [8, с. 157].

По поводу вопроса брака и семьи также интересно замечание Т.И. Буткевича о том, что данные сектанты «дозволяют себе» иметь по две или три жены, однако, «опасаясь преследований со стороны русского правительства, многоженства у них почти не бывает» [9, с. 411]. Вместе с тем в Полном православном богословском энциклопедическом словаре по поводу иудействующих говорилось о том, что они весьма трудолюбивы и ведут целомудренный образ жизни [10, ст. 1119].

Вредное влияние иудействующих на православное население по мысли дореволюционных миссионерских деятелей было очень велико «уже по одному их отрицанию Троичного Бога, Христа как Сына Божья и Спасителя мира». С их точки зрения секта иудействующих «есть не только возвращение от призвавшего нас Христа – к букве и игу Ветхого Завета, но и к жидовству с его интернациональным характером, с его космополитическими идеями, убивающими любовь к родному отечеству, вытравливающими с корнем священное чувство патриотизма». Поэтому рассматриваемая секта «при мирном, по-видимому, характере ее (курсив наш. – И.А.), при отсутствии в ней духа прозелитизма», называлась (в связи с одним лишь своим существованием среди православного русского народа) «сектой вредной не только в церковном, но и государственном отношениях» [8, с. 157].

Здесь мы сталкиваемся с концепцией, согласно которой последователи разнообразных сект, толков и др., оппозиционных господствующей церкви, автоматически расценивались как вредоносные по отношению к «православному» обществу и государству. Например, в отчете обер-прокурора Синода за 1905–1907 гг. провозглашалось: «Святая Русь не знала сектантства. Цельная верующая душа русского человека настолько сроднилась с православием, настолько прониклась евангельскими заветами, что русскому человеку казалось немислимым изменить хотя бы малую крупичку из сокровищ истинной веры... Вот почему на Руси не могло возникнуть сектантство; оно есть явление, заносное извне... Сектантство есть продукт культуры западноевропейской, мост к неверию. И в этом отношении оно враждебно не только православию, но и подлинной природе русского человека» [11, с. 16]. Советский исследователь А.И. Клибанов именвал подобного рода утверждения основной «формулой» миссионерской литературы конца XIX – начала XX вв., посвященной сектантам, т. е. миссионеры «всячески расписывали» сектантов то под «социалистов», то под «иностранных наемников», приписывали им различные преступления, изуверства и разврат [11, с. 16].

Таким образом, речь идет о противопоставлении истинного и якобы ложных вероучений, которые провозглашались в этой связи вредными независимо от степени их действительной опасности для личности, общества и государства. В то же время во второй половине XIX в. происходили определенные изменения политики Российского государства в отношении старообрядцев и сектантов. Эти изменения нашли отражение и

в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.), часть статей которого, в той или иной степени касавшихся иудействующих, была отменена либо изложена в иных формулировках. Существенную трансформацию претерпела ст. 197 (в первоначальной редакции 207) Уложения, которая изначально предусматривала ответственность для последователей сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, молоканами, иудействующими, скопцами, а равно и других лиц, принадлежавших к учениям, которые признавались особенно вредными ересями, за распространение своего учения и «совращение» в него других. В редакции Уложения 1885 г., в частности, в связи с отказом законодателя от формулировок «особенно вредная ересь», «особенно вредная секта», эта статья гласила, что лишь скопцы «за распространение своей ереси и совращение в оную других подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства». Были отменены статьи Уложения, которые устанавливали ответственность последователей особенно вредных ересей за незаконную приписку к городскому сословию, а также «за допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере или иной какой-либо ереси» [12, с. 188]. Однако не следует забывать, что продолжали действовать положения статьи 196 Уложения, согласно которым виновные в распространении существовавших уже «между отпадшими от православной церкви ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых, повреждающих веру сект» подвергались предусмотренному законом наказанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.
2. Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение I. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. № 19283.
3. Лебедев В.Б. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2007. 154 с.
4. О мерах к отвращению распространения Жидовской секты, под названием Субботников: Синодский указ от 29 июля 1825 г., по Высочайше утвержденному положению Комитета Министров // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XL. 1825 по 19 ноября. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 30.436.а.
5. Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Постановления Министерства внутренних дел. Вып. 1. Лондон: Trübner & Co, 1863. 281 с.
6. О наказании за подущение малолетних детей к исполнению обрядов Жидовской ереси: Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 8 июня 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 393.
7. Скворцов В.М. Существенные признаки и степень вредности русских мистических и рационалистических сект и раскольничьих старообрядческих толков. Киев: тип. С.В. Кульженко, 1896. 36 с.
8. Кальнев М.А. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса: печатано в типографии Е.И. Фесенко, 1911. 336 с.

9. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: тип. Губернского правления, 1910. 626 с.
10. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. СПб.: П.П. Сойкин, 1912. 576 с.
11. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Н.С. Таганцевым, 1892. 799 с.

THE RESPONSIBILITY OF THE JUDAIZERS ACCORDING TO THE CODE OF CRIMINAL AND CORRECTIONAL PUNISHMENTS 1845

© 2016

I.A. Aleksandrov, lecturer of the chair “Theory of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: judaizers; sect; particularly harmful heresy; Code of criminal and correctional punishments 1845; Russian Empire.

Abstract: In the article different issues, related to the responsibility of so-called judaizers in accordance with the articles of the Code of criminal and correctional punishments 1845, are investigated. Apart from the regulations reflected in this law, propositions of some other documents of a normative nature, which are necessary for a more complete coverage of the studied issue, are considered. In the article the features of the doctrine of this sect are noted, which allow to estimate the degree of the danger of the activities of this religious association for personality, society and state.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 163 УК РФ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО**

© 2016

А.Г. Безверхов, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
Самара (Россия)

Ключевые слова: преступления в сфере экономики; преступления против собственности; вымогательство; объект вымогательства; предмет вымогательства; вымогательское требование; момент окончания вымогательства.

Аннотация: В статье исследуются вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 163 Уголовного кодекса Российской Федерации, где анализируется судебная практика, в которой раскрываются конструктивные признаки – основной и дополнительный объекты, предмет этого преступления, момент окончания соответствующего посягательства и др., а также отграничение вымогательства от хищения чужого имущества и других смежных преступлений.

Исходя из п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, преступные посягательства, направленные против личности и собственности, продолжают оставаться одной из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации. Среди названных преступных посягательств повышенной общественной опасностью характеризуется вымогательство. Вымогательство занимает особое место в системе преступлений против собственности, по своей юридической природе принципиально отличаясь и от хищения чужого имущества, и от мошенничества, и от других корыстных имущественных правонарушений. Вопросы квалификации вымогательства как самостоятельной разновидности преступных посягательств на собственность традиционно вызывают сложности в правоприменении.

В свете вышеизложенного подготовленное Верховным Судом РФ постановление «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ))» от 17 декабря 2015 г. № 56 представляет собой своевременный и плодотворный итог всестороннего и глубокого обобщения современной практики применения судами законодательства по названной категории уголовных дел. Этот источник судебной власти, будучи с точки зрения истории судебного толкования вторым постановлением Пленума Верховного Суда России о судебной практике по делам о вымогательстве [1], на более высоком уровне, гораздо глубже и детальнее разъясняет сложные вопросы правоприменения в области предупреждения имущественных преступлений.

Обратимся к особенностям рассматриваемой юридической конструкции. Как известно, одна из них – *многообъектность* вымогательства. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 подчеркивается, что «характер общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ определяется направленностью посягательства на имущественные отношения, а также на личность (здоровье, неприкосновенность, честь и достоинство, иные права и законные интересы)». Исключение из сказанного составляет разве что вымогательство, соединённое с угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, которое посягает в целом на имущественные отношения. Несомненно, запугивание причинением имущественного вреда как крайне негативное психическое воздействие способно оказать влияние на состояние физического, психического и социального благополучия конкретного потерпевшего. Однако такая угроза непосредственно направлена на достижение другого результата, а не на причинение вреда здоровью человека. К тому же ее отношение к поражению указанного блага носит потенциально возможный, а не реальный характер.

Этому многообъектному преступлению органически свойственны сложные (составные) основной и дополнительный объекты.

Что касается *основного* объекта вымогательства, он весьма широк по своему объёму и разнообразен по содержанию, включая в качестве составных частей любые виды имущественных отношений:

(а) *собственнические* отношения (общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией права частной, государственной, муниципальной и иной формы собственности);

(б) *другие вещные* отношения (общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией таких вещных прав, как право хозяйственного ведения имуществом, право оперативного управления имуществом, сервитуты и др.);

(в) *обязательственные* отношения (общественные отношения, складывающиеся в силу возникновения договорных и иных обязательств, когда одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности);

(г) *иные имущественные* отношения.

Обязательным *дополнительным* объектом вымогательства выступают разнообразные права, свободы и законные интересы личности: здоровье (соматическое и/или психическое) человека, физическая (телесная) неприкосновенность, свобода, честь и достоинство личности, доброе имя, деловая репутация гражданина и юридического лица, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и др.

Как свидетельствует судебная практика, вымогательство может посягать одновременно на два и более дополнительных объекта (в частности, личную неприкосновенность, свободу, здоровье человека). Согласно материалам уголовного дела, по дороге домой автомашина потерпевшего была остановлена, нападавшие были в камуфляжной одежде с масками на лицах, один из них в форме сотрудника Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД), у двоих в руках были автоматы Калашникова. Потерпевшего поместили в другой автомобиль, положили лицом вниз, надели наручники и шапку, перевезли в незнакомый дом, в котором насильно удерживали до момента выполнения требования о выплате денежных средств. Указанную сумму бухгалтер фирмы З. привезла в назначенное место, после чего потерпевший был отпущен [2].

Реальное причинение вреда названным дополнительным объектам вымогательства влияет на квалификацию содеянного. Как представляется, вымогательство, сопряженное с похищением человека, незаконным лишением свободы или захватом заложника, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 163 и 126, 127 или 206 УК РФ.

Согласно п. 9 Постановления от 17 декабря 2015 г. № 56, если вымогательство сопряжено с побоями, совершением иных насильственных действий, вызвавших физическую боль, а также с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, истязанием, то такие действия виновного следует квалифицировать по пункту «в» части 2 статьи 163 УК РФ как вымогательство, совершенное с применением насилия, без дополнительной квалификации по статьям 112, 115, 116 или 117 УК РФ.

В случае же умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему содеянное квалифицируется по пункту «в» части 3 статьи 163 УК РФ, не требуя дополнительной квалификации по статье 111 УК РФ.

Вымогательство, сопряженное с причинением смерти, образует совокупность преступлений и, соответственно, требует дополнительной квалификации по другим статьям УК РФ. Так, если при вымогательстве причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего повлекло по неосторожности его смерть, содеянное следует расценивать как совокупность преступлений, предусмотренных пунктом «в» части 3 статьи 163 УК РФ и частью 4 статьи 111 УК РФ. Вымогательство, сопряженное с убийством, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «в» части 3 статьи 163 и пунктом «з» части 2 статьи 105 УК РФ [3].

В соответствии с п. 12 Постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 распространение в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и (или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 128, 137, 155 или 183 и статьи 163 УК РФ.

В отличие от утратившего силу постановления Пленума от 4 мая 1990 г. № 3 новые судебные разъяснения уделяют повышенное внимание предмету вымогательства. Такой подход представляется совершенно обоснованным. Ведь *предмет* – еще одна специфическая особенность вымогательства, делающая его непохожим на все другие имущественные правонарушения.

Согласно п. 2 постановления Пленума от 17 декабря 2015 г. № 56, «к предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, безналичные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права». При этом под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве (ст. 163 УК), Пленум понимает «удостоверенную в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества».

Как разъяснено Верховным Судом РФ в п. 3 нового постановления, «к другим действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств)».

Как видно, предмет вымогательства во всем многообразии и самобытности включенных в его содержание имущественных ценностей весьма широк и вбирает в себя (как и предмет взятничества) любую выгоду имущественного характера. Имущественная (материальная) выгода – самостоятельная юридическая катего-

рия, имеющая особый правовой смысл. Квинтэссенция имущественной выгоды заключается в фактическом обогащении (увеличении) либо в сохранении (сбережении) имущественного состояния выгодоприобретателя. Имущественная (материальная) выгода вообще – это полученное в денежной или натуральной форме имущество, приобретенные имущественные права, а также имущество, сбереженное в связи с полным или частичным освобождением от исполнения имущественных обязанностей. Перечень таких выгод весьма широк и является открытым: безвозмездное обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц; приобретение имущественных прав; уменьшение стоимости передаваемого имущества (в широком смысле слова); временное безвозмездное или по заниженной стоимости пользование чужими движимыми или недвижимыми вещами. Выгода имущественного характера может выражаться в незаконном получении льгот, кредита, освобождении от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п. [4]. Предметом вымогательства могут выступать как вещи (*res corporales*), так и иные объекты имущественных отношений (*res incorporeales*) в той части, в какой они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке.

По конкретному делу виновный вынудил потерпевшего подписать передаточное распоряжение на перерегистрацию *акций* на имя преступника, а также подписать две расписки о будто бы полученных от последнего денежных средствах. Затем вымогатель и неустановленные лица связали жертву, закрыли рот и нос с помощью скотча, умышленно лишив потерпевшего жизни [5].

Очевидно, что предмет вымогательства гораздо шире предмета хищения. Если хищение имеет своим предметом исключительно чужую вещь, то предмет вымогательства независим от вещественного содержания. Такая широкая трактовка предмета вымогательства придает этому посягательству своеобразный характер, отличающий его по действующему УК РФ от всех других имущественных преступлений.

Перечень разновидностей предмета рассматриваемого является не только весьма широким, но и к тому же открытым. Предметом вымогательства могут быть имущественные выгоды в виде:

(а) получения наличных денег и безналичных денежных средств, документарных и бездокументарных ценных бумаг, валютных ценностей, иного движимого или недвижимого имущества (земельного участка, участка недр, квартиры или комнаты в жилых домах, нежилого помещения, предприятия или иного объекта, представляющего собой имущественный комплекс). При этом получение вышеуказанных имущественных ценностей может быть как связанным, так и не связанным непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав;

(б) уступки (предоставления) имущественных прав, включающих в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации;

в) выполнения работ (например, выполнение строительных или ремонтных работ) или оказания услуг (например, передача виновному лицу купленных потерпевшим туристических путевок, ремонт квартиры или машины, строительство дачи и пр.), имеющих денежное выражение;

(г) прощения долга (отказ от требования возврата долга путем, например, уничтожения долговой расписки); скидки с долгов; отсрочки или рассрочки платежей; уменьшения размера арендных и иных платежей; получения льготных кредитов (снижение процентных ставок

за пользование банковскими ссудами); исполнения потерпевшим имущественного обязательства виновного или других лиц (например, погашения долга);

(д) иного полного или частичного освобождения от имущественных обязательств, а равно неправомерного извлечения каких-либо других материальных привилегий или преимуществ.

Согласно материалам практики вымогательское требование может касаться, в частности, необоснованной передачи векселя, неравноценного обмена квартир, «добровольного» отказа в суде от права собственности на офисное помещение [6].

По смыслу статьи 163 УК РФ имущественные выгоды могут быть получены виновным или другим лицом безвозмездно (бесплатно) или с явно неэквивалентным возмещением (по заниженной стоимости), на определенный или неопределенный срок. Например, вымогательское требование может быть направлено как на безвозвратное отчуждение чужого движимого или недвижимого имущества, так и на передачу его во временное безвозмездное пользование виновного или другого лица.

Предметом вымогательства может быть не только имущество, находящееся в момент совершения преступления в собственности или владении потерпевшего (наличное имущество), но и имущество, которое заведомо для виновного вообще отсутствует у потерпевшего (неполученные доходы, будущие имущественные блага). Как справедливо в этой связи замечено в доктрине, вымогательство возможно и в отношении таких вещей, которые еще не принадлежат потерпевшему и не могут быть предоставлены им виновному немедленно, но могут оказаться в его распоряжении в будущем [7, с. 268].

Как было указано ранее, предмет вымогательства имеет стоимостное выражение независимо от наличия или отсутствия у него вещественного содержания. Стоимость предмета вымогательства – существо его экономического признака. Поэтому истребуемые вымогателем имущественные выгоды как в виде получения чужого имущества, приобретения имущественных прав, так и в виде выполнения работ, оказания услуг и пр., должны получить денежную оценку на основании представленных доказательств; при отсутствии сведений о цене стоимость может быть установлена на основании заключения эксперта. Это положение объясняется и тем обстоятельством, что стоимостный размер вымогательства влияет согласно закону на квалификацию содеянного [8].

При этом следует учитывать, что ответственность за вымогательство ядерных материалов, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического, других видов оружия массового поражения, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а также предмета коммерческого подкупа или взятки предусмотрена в статьях 204, 221, 226, 229 и 290 УК РФ.

Согласно действующему уголовному закону вымогательское требование состоит в склонении потерпевшего к активной форме имущественного поведения, направленного на обогащение вымогателя или других лиц, – к совершению того или иного имущественного действия (передаче имущества, уступке права на имущество, совершению других действий имущественного характера). В этой связи складывается впечатление, что буквальное толкование закона не дает оснований для признания вымогательским требования *имущественного бездействия*, как то: беспрепятственно уступить свое имущество, устранившись от владения, пользования или распоряжения конкретной вещью, отказаться от реализации имущественного права, освободить другое лицо

от имущественных обязанностей, воздержаться от требования возврата долга, уклониться от совершения иных действий по имуществу.

Тем не менее представляется, что вымогательство есть принуждение жертвы не только к совершению имущественного действия, но и к отказу от его совершения – принуждение к имущественному бездействию. В подкрепление такой позиции можно обратиться к законодательному определению смежного с вымогательством преступления, предусмотренного статьей 179 УК РФ. Здесь наказуемым обоснованно признается как принуждение к совершению сделки, так и принуждение к отказу от ее совершения.

По законодательной конструкции состав вымогательства является «усеченным». Сам факт передачи имущества либо совершения иных имущественных действий в пользу вымогателя или указанных им лиц может иметь место через известное время после совершения преступления, а может вообще не состояться. Получение в результате совершения вымогательства имущественной выгоды или, напротив, неосуществимость устремлений виновного по независящим от него обстоятельствам не оказывают влияния на правовую оценку содеянного.

Наличие у вымогательства «усеченного» состава делает невозможным, как правило, покушение на это преступление. Последнее мыслимо лишь в тех исключительных случаях, когда вымогательские требование и угроза не были доведены до сведений потерпевшего по причинам, не зависящим от воли виновного, в том числе в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами. Например, неполученное адресатом письменное имущественное требование, соединенное с угрозой насилия.

В свете сказанного требовало своего уточнения определение момента окончания вымогательства, данное в ныне утратившем силу постановлении от 4 мая 1990 г. № 3. Напомним, что согласно п. 8 этого документа вымогательство признавалось оконченным «с момента предъявления требования о передаче имущества под угрозой причинения вреда потерпевшему или его близким». Этим правилом строго руководствовались и нижестоящие суды. Так, Московский городской суд по конкретным делам указывал, что вымогательство следует считать оконченным с момента предъявления незаконного требования на имущество, подкрепленного соответствующей угрозой. [9]. Содержание момента окончания вымогательства весьма удачно уточнено в новом постановлении от 17 декабря 2015 г. № 56, в соответствии с п. 7 которого «вымогательство является оконченным преступлением с момента, когда предъявленное требование, соединенное с указанной в части 1 статьи 163 УК РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего. Невыполнение потерпевшим этого требования не влияет на юридическую оценку содеянного как оконченного преступления».

Таким образом, для признания вымогательства оконченным преступлением имеет юридическое значение, *доведено ли требование до сведения жертвы*.

Еще один вопрос квалификации – определение момента окончания вымогательства, совершенного «в крупном размере» и «в целях получения имущества в особо крупном размере». Сложность этого вопроса обусловлена неодинаковым законодательным описанием «крупного» и «особо крупного» вымогательства. В современной доктрине высказаны полярные точки суждения по данному вопросу.

По мнению одних исследователей, «вымогательство в крупном размере трактуется так же, как при любой форме хищения. Особо крупный размер должен ограничиваться лишь стоимостью требуемого имущества, поскольку в п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ речь идет не о факте, а о цели получения имущества в особо крупном размере, достижение или недостижение которой, как и при разбое, никоим образом не сказывается на квалификации деяния» [10, с. 285–287]. Другими словами, согласно

этой позиции вымогательство, совершенное в крупном размере, может быть инкриминировано виновному как оконченное преступление лишь в случае реального достижения преступного результата – получения вымогателем или другим лицом имущественной выгоды в сумме, превышающей 250 тыс. руб. Тогда как при совершении «особо крупного» вымогательства окончание этого преступления связывается с моментом предъявления имущественного требования, подкрепленного угрозой.

По мнению других ученых-юристов, с учетом усеченного состава вымогательства фактическое завладение имуществом в крупном и особо крупном размерах для признания деяний оконченными не требуется. «Достаточно установить, что умыслом виновного охватывалось посягательство: на имущество; право на имущество; действия имущественного характера, эквивалентные суммам, превышающим 250 тыс. руб. (для вменения крупного размера) и 1 млн руб. (для вменения особо крупного размера)» [11, с. 625; 12, с. 625].

Верховный Суд РФ рекомендовал считать вымогательство «совершенным в крупном либо особо крупном размере, если требование направлено на передачу чужого имущества, права на имущество, производство работ или оказание услуг, стоимость которых на момент предъявления требования превышает стоимость, указанную в пункте 4 примечания к статье 158 УК РФ». Как видно, Пленум признал предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ преступление совершенным, если виновный требует от потерпевшего выполнить действия имущественного характера в целях получения выгоды в сумме, превышающей 250 тыс. руб. На наш взгляд, это весьма взвешенное судебное разъяснение, которое, между тем, не прекратит научные дискуссии по соответствующему вопросу.

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что вопросы квалификации вымогательства требуют дальнейшего юридико-догматического анализа. Одно из его перспективных направлений – экономико-правовое исследование предмета названного посягательства, в том числе соотношение этого объективного признака состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, с предметом взятничества и иных коррупционных правонарушений. Другое – отграничение вымогательства от обманных и насильственных хищений чужого имущества и других смежных преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной практике по делам о вымогательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. № 3 (указанное постановление утратило силу) // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ 1961–1993. URL: ппвс.рф/1990/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N03-ot-04.05.1990.html.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.08.2015 № 48-АПУ15-33 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.03.2015 № 20-АПУ15-1 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.05.2015 № 48-АПУ15-11 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.07.2015 № 81-АПУ15-20 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
7. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 3-е изд., испр. и доп. М.: тип. В.М. Саблина, 1912. 516 с.
8. Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 11.04.2014 по делу № 44-У-18/2014 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
9. Постановление Московского городского суда от 22.08.2012 № 4у/8-7027/12; постановление Московского городского суда от 08.11.2013 № 4у/8-7704 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
10. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. III: Преступления в сфере экономики / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 786 с.
11. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2015. 560 с.

SOME PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTICLE 163 OF THE CRIMINAL CODE, PROVIDING RESPONSIBILITY FOR EXTORTION OF RUSSIA

© 2016

A.G. Bezverkhov, doctor of legal Sciences, Professor, Dean of the law faculty
Samara State University, Samara (Russia)

Keywords: crimes in the sphere of economy; crimes against property; extortion; object of extortion; extortion subject; extortion victim; extortionate requirement; the moment of the end of extortion.

Abstract: The article deals with the questions of qualification of extortion in Russian modern criminal legislation. Special attention is paid to the legal analysis of such constructive signs of extortion, as its main and additional objects, the subject of this crime, its victim, the moment of the end of this crime, etc., and also to an extortion differentiation from theft of someone else's property and other adjacent crimes.

С.В. Быков, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии управления
Самарская гуманитарная академия, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: субъект ответственности; генезис ответственности; социальная ответственность; психология ответственности; свобода и необходимость; моральные и юридические нормы; моральное развитие; принципы ответственности; правонарушители; стыд; вина; совесть; личностная зрелость; субъективный контроль ответственности; самоконтроль, регуляция поведения.

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальные проблемы формирования субъекта социальной и юридической ответственности личности. В работе рассмотрен процесс генезиса ответственности как субъектной детерминанты регуляции поведения, раскрывается значение и понимание морально-нравственной и юридической ответственности личности. В тексте статьи постулируется, что ответственность личности перед обществом характеризуется сознательным соблюдением моральных принципов и правовых норм, выражающих общественную необходимость. Существенным моментом социальной и юридической ответственности является учет возможностей, условий выполнения субъектом этой необходимости, своего общественного долга, общественных обязанностей.

Актуализация проблемы «субъект» в наши дни обусловлена ростом значения субъектной составляющей в решении наиболее значимых проблем современности. Значение ответственности человека становится необходимым моментом в организации деятельности человека, в формировании его субъектной позиции. Проблема субъекта объективно приобрела широкое значение и практический смысл, особенно в последнее время в связи с решением многих важных конкретных проблем жизнедеятельности общества и проблем взаимодействия разных групп населения, индивидов на разном уровне их отношений. Сложность настоящей ситуации в борьбе с правонарушениями заключается еще в том, что упразднен старый аппарат поддержки политики и нравственности, а новый не создан. Что же касается безнравственности, то она развивается по некоторым направлениям и является одной из причин роста преступности.

Как же складывается и функционирует система нравственного саморегулирования личности? Этот вопрос является весьма сложным в методологическом плане, поскольку может быть решен только в междисциплинарной научной плоскости – на стыке философии, этики, психологии и права [1].

Такой подход позволяет выделить три основные проблемы. Первая относится к вопросу о генезисе ответственности личности, т. е. о возможности говорить о стадийном характере формирования и развития морального сознания. Вторую проблему можно обозначить в форме вопроса: как соотносятся в нем знания, чувства и поведение? И третью – таким образом: является ли моральное сознание субстанциально единым или парциальным, зависящим от особенностей ситуации действия и ее интерпретации субъектом?

В философской и психологической литературе общепринято выделение трех главных уровней развития морального сознания индивида: доморальный уровень, когда ребенок руководствуется своими эгоистическими побуждениями; уровень конвенциональной морали, для которого характерна ориентация на заданные извне нормы и требования; наконец, уровень автономной морали, для которой характерна ориентация на устойчивую внутреннюю систему принципов [2, с. 148–154].

На «доморальном» уровне «правильное» поведение обеспечивается страхом возможного наказания и ожиданием поощрения, на уровне «конвенциональной морали» – потребностью в одобрении со стороны значимых других и стыдом перед их осуждением, «автономная мораль» обеспечивается совестью и чувством вины. Несмотря на то, что общая линия освоения человеком моральных норм, превращения их в «свои» довольно подробно изучена в отечественной психологии, соотношение поведенческих, эмоциональных и познавательных аспектов этого процесса и тем более соотнесение стадий морального развития с определенным возрастом остается проблематичным.

Определяющим тезисом в данной работе является то, что в процессе онтогенеза ребенок проходит сложный путь социализации и индивидуализации, когда только определенный уровень развития сознания и самосознания индивида обеспечивает реальную возможность и психологическую готовность к проявлению себя в качестве реального действенного субъекта, именно как субъекта социального действия, объективно обеспечивающего в своей деятельности воспроизводство социальной действительности и соответствующий уровень личностного развития.

Наиболее общая теория морального развития личности, охватывающая весь ее жизненный путь и подввергающаяся широкой экспериментальной проверке во многих странах, принадлежит американскому психологу Л. Колбергу. Развивая выдвинутую Ж. Пиаже идею, которую поддерживал Л.С. Выготский, что эволюция морального сознания ребенка идет параллельно его умственному развитию, указанный исследователь выделяет в этом процессе несколько фаз, каждая из которых соответствует определенному уровню морального сознания.

«Доморальному уровню» соответствуют стадии: 1) когда ребенок слушается, чтобы избежать наказания, и 2) когда ребенок руководствуется эгоистическими соображениями взаимной выгоды (послушание в обмен на получение каких-то конкретных благ и поощрений). «Конвенциональной морали» соответствуют стадии: 3) когда ребенок движим желанием одобрения со стороны «значимых других» и стыдом перед их осуждением и 4) установка на поддержание определенного порядка и фиксированных правил (хорошо то, что соответствует правилам).

«Автономная мораль» переносит моральное решение внутрь личности. Она открывается стадией 5А, когда подросток осознает относительность и условность нравственных правил и требует их логического обоснования, усматривая таковое в принципе полезности. На стадии 5В релятивизм сменяется признанием существования некоего высшего закона, соответствующего интересам большинства. Лишь после этого (стадия 6) формируются устойчивые моральные принципы, соблюдение которых обеспечивается собственной совестью, безотносительно к внешним обстоятельствам и рассудочным соображениям.

В последних работах Л. Колберг ставит вопрос о существовании еще более высокой стадии – 7, когда моральные ценности выводятся из более общих философских постулатов. Однако этой стадии достигают, по его мнению, немногие. Достижение индивидом определенного уровня интеллектуального развития Л. Колберг считает необходимой, но недостаточной предпосылкой соответствующего уровня морального сознания, а последовательность всех фаз развития – универсальной [3, с. 85–113].

Результаты этой работы подтверждают наличие устойчивой закономерной связи между уровнем мораль-

ного сознания индивида, с одной стороны, и его возрастом и интеллектом – с другой. Число детей, находящихся на «доморальном» уровне, с возрастом резко уменьшается. Для подросткового возраста типична ориентация на мнение значимых других или на соблюдение формальных правил («конвенциональная мораль»). В юности начинается постепенный переход к «автономной морали», однако он сильно отстает от развития абстрактного мышления: свыше 60 % обследованных Л. Колбергом юношей старше 16 лет уже овладели логикой формальных операций, но только 10 % из них достигли понимания морали как системы взаимообусловленных правил или имеют сложившуюся систему моральных принципов.

В середине 80-х годов XX века финский исследователь К. Хелкама продолжил изучение концепции развития морального сознания, начатое Л. Колбергом. При оценке справедливости и ответственности автор исходил из гипотезы о том, что у каждой личности развитие оценки ответственности проходит 5 стадий, описанных Л. Колбергом.

Анализ результатов исследования показал, что на двух первых стадиях: мораль наказаний и повинований и инструментального обмена – не существует никаких взаимоотношений между свободой и ответственностью в том смысле, что возросшая свобода не влечет за собой возрастания ответственности. При 3-й стадии (мораль хороших межличностных отношений) основной критерий атрибуции ответственности – это мотивы и свобода действующего лица, но на данной стадии еще нет последовательных отношений между долгом и ответственностью. Когда испытуемые проходят 4-ю стадию (мораль совести и социальной системы), возрастает корреляция между долгом и ответственностью в том смысле, что ответственность характеризуется определенным отношением к долгу. В определенном отношении можно найти возрастающую «децентрацию», на этих высших стадиях при определении критерия ответственности более всего подходят закон и совесть. При двух первых стадиях в рассуждениях индивидов закон и совесть практически не встречаются; если испытуемые достигли 3-й стадии, эти понятия встречаются в 20 % случаев, и в 44 % – при развитии моральной ответственности на 4-й и 5-й стадиях (316, 27–29).

Некоторые исследователи отметили недостаточную чистоту эксперимента Л. Колберга. В частности, Р.Х. Шакуров отмечает, что исследование Л. Колберга не является лонгитюдным – в нем не прослеживается непрерывный процесс нравственного развития ребенка. Кроме того, первые пять-шесть лет становления личности – важнейшие годы его нравственного развития – вообще игнорируются. Автором показано, что благодаря положительной оценке окружающих к 4-4,5 годам у подавляющего большинства детей формируется отношение ко многим моральным качествам как к ценностям [4, с. 180]. Наличие связи между уровнем морального сознания и интеллекта подтверждают другие отечественные исследования. Сравнение мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей и их сверстников, которым не свойственно отклоняющееся поведение, показало, что у правонарушителей нравственное развитие значительно ниже.

Стыд для многих правонарушителей – это или «сплав» переживания страха наказания с отрицательными эмоциями, вызванными осуждением окружающих, или же это такой стыд, который можно назвать «стыдом наказания», но не «стыдом преступления». Такой стыд вызывает не раскаяние в собственном значении этого слова, а лишь сожаление, связанное с результатом преступления, сожаление о неудаче [5, с. 82–93]. Иначе говоря, в их мотивации выражен страх наказания и стыд перед окружающими, но не развито чувство вины.

Но как связано развитие нравственного сознания личности с ее поведением? На мыслительном уровне по-

казателями морального развития личности служат степень осознанности и обобщенности ее суждений, на поведенческом – реальные поступки, последовательность поведения, способность противостоять искушениям, не поддаваться ситуативным влияниям. Выбор себя как личности осуществляется посредством многократного выбора поступков, каждый из которых в отдельности может казаться малозначимым.

В. Франкл, всемирно известный специалист по вопросам психологии личности, говоря о проблеме соотношения свободы и необходимости для субъекта, отмечал, что «свобода могла бы получить полное развитие. Пока это в большей степени негативное понятие, которое требует позитивного дополнения. Этим позитивным дополнением является ответственность. Ответственность интенционально соотносится с двумя вещами: со смыслом, за осуществление которого мы ответственны, и с тем, перед кем мы несем эту ответственность. Поэтому здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если его понимать как свободу без ответственности» [6, с. 67–68]. Далее этот ученый раскрывает свою мысль: «...ответственность... не сводится к простой свободе поскольку ответственность всегда включает в себя то, за что человек каждый раз несет ответственность. Как выясняется, ответственность подразумевает (также в отличие от простой свободы) еще что-то сверх того, а именно то, перед чем (кем) человек несет ответственность. Пока же, однако, мы стоим перед вопросом, содержится ли вообще в человеческой ответственности это «перед чем». Пока я не включил в рассмотрение «перед чем» человеческой ответственности, я имею право говорить лишь то, что данный человек в состоянии отвечать за свои поступки, что ему может быть что-то вменено в ответственность, но не то, что он ответствен за них; ведь ответственность человек несет не только за что-то, но и перед чем-то... Ответственность принадлежит к несводимым и невыводимым феноменам человека. Подобно духовности и свободе, она является первичным феноменом, а никак не эпифеноменом» [6, с. 124–125].

Э.В. Сайко полагает, что определение субъекта ответственности не сопоставляется с характеристиками его особого феномена даже на эмпирическом уровне обобщения, не говоря уже о сущностном понятии его, в соотношении к которому рассматриваются конкретные характеристики конкретных типов субъектов. Так, сочетание «субъект истории» достаточно часто употребляется в исторических текстах, однако реально серьезно и интересно обсуждаются действующие лица или их совокупность в последовательно осуществляющихся событиях и совершаемых ими действиях и поступках, практически без специального выделения субъектной составляющей их деятельности, в том числе и при попытках анализа субъективных причин поведения [7, с. 5–6]. В то же время субъект в психологии, исследуемый в конкретной ситуации его действия, очень часто не только «отрывается от более широкого социального контекста, многопланово и многоуровнево представленного в общем социокультурном пространстве его функционирования, где действуют различные, оказывающие совершенно разное по глубине и характеру воздействия силы, влияющие на формирование конкретной ситуации его поведения. Порой он предстает частичным, оторванным от своей субъектной человеческой сущности (в ее всеобщности), заложенной в его индивидуальную субъектность как человека.

Субъект ответственности характеризуется как носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид, социальная группа), источник активности, направленный на объект. Субъект-индивид выступает как субъект с присущим ему самосознанием (то есть переживанием собственного «Я») поскольку он в определенной мере овладевает созданным человечеством миром культуры: орудиями предметно-практической деятель-

ности, формами языка, логическими категориями, нормами нравственных, эстетических оценок и т. д.

Активная деятельность субъекта является условием, благодаря которому тот или иной фрагмент объективной реальности выступает как объект, данный субъекту в форме деятельности. В этом определении вычлениются важные для понимания субъекта моменты. Это то, что субъект – носитель предметно-практической деятельности и познания, то есть главных образующих существующие и воспроизводство самого человека и определяющих содержательный смысл социального бытия. И другое – только в реальной активности деятельности субъект овладевает созданным человеком миром культуры, выступая реальным субъектом постольку, поскольку, он в определенной мере овладевает созданным человечеством миром культуры.

Значимыми при осуществляемом подходе представляются характеристики субъекта, данные О.Г. Дробницким: «человек-субъект, понимаемый не натуралистически, а социально, представляет собой совокупность связей и отношений, в которые он вступает в действительности и может вступать с другими людьми, с самыми различными предметами. Он не исчерпывается ни одним из этих конкретных отношений, отличает себя от них как от частных отношений, и в этой своей универсальности отличен от предмета» [8].

В процессе онтогенеза ребенок проходит сложный путь социализации и индивидуализации, когда только определенный уровень развития сознания и самосознания индивида обеспечивает реальную возможность и психологическую готовность к проявлению себя в качестве реально действующего субъекта, именно как субъекта социального действия, объективно обеспечивающего в своей деятельности воспроизводство социальной действительности и соответствующий уровень личностного развития. В то же время личностная зрелость и субъект не равны, не равноценны, не находятся в жесткой прямой зависимости, субъект не сводится к личности и находятся в более сложной и глубокой связи [9, с. 9–33].

Заложенная в самую человека как осознавшего себя по отношению к миру субъективность субъектности становится важным условием развития «Я-позиции» по отношению к себе (самооценка ответственности), другим (субъективный контроль ответственности), постоянно дифференцирующимся, усложняющимся феноменом «человеческого открытия» в его субъективном развитии.

Только в соотношении психологического и исторического, а также данных филогенеза и онтогенеза может быть создана реальная научная картина субъекта как великого достижения общей эволюции, определившего новый уровень самоорганизации при постоянном расширении действенной роли организующего, самоконтролирующего и проектирующего социальную действительность субъекта.

Феномен субъекта ответственности трактуется исследователями неоднозначно. Можно отметить, однако, что большинство исследователей согласны с тем, что есть ряд видов ответственности: историческая, социальная, политическая, правовая, моральная и т. д. Не возникает споров и по поводу того, что ответственность разделяется (по субъекту) на индивидуальную и коллективную. Во временном измерении феномена ответственности выделяют его проспективный аспект (ответственность за то, что необходимо, должно совершить) и аспект ретро-спективный (ответственность за совершенное действие). В реальной жизни важны, разумеется, оба названных аспекта. Но в предстоящем изложении в основном будет иметься в виду второй из этих аспектов: претерпевание субъектом последствий своих действий, своего поведения, своего практического отношения к наличным условиям существования.

Почему дело обстоит так? Немецкий философ К. Ясперс дает ответ на данный вопрос: причина нахо-

дится в самих принципах устройства социальной жизни. К. Ясперс резонно утверждает, что в современном государстве действует презумпция ответственности субъекта [10, с. 25]. Коль скоро это признается, признается и наличие чего-то (кого-то) иного, перед которым должен держать ответ субъект ответственности. Ответственность пульсирует, живет только в отношении (через отношение) между ее субъектом и этим неизменно присутствующим «чем-то (кем-то)». Однако не столько в них, сколько в действиях, поступках, которые «материализуют» все эти состояния субъективного мира людей и посредством которых таковые претворяются в политико-юридическую практику, становятся социальной реальностью. Никак по-другому она существовать не может.

Трудность в изучении проблемы ответственности обусловлена ее психологическим подтекстом. Люди предельно чувствительны к тому, что является их собственным долгом и личной ответственностью, соучастием в коллективной ответственности и коллективной вине. В массе своей они ощущают таковые как дискомфорт. Однако ответственность (индивидуальная и коллективная) – один из первичных фундаментальных принципов человеческого бытия. Бегство от нее невозможно. Логикой общественной жизни люди, так или иначе, вынуждаются отвечать за свои действия. Лучше, когда люди понимают эту логику и строят собственную судьбу, судьбу народа в соответствии с ней.

Ответственность личности перед обществом характеризуется сознательным соблюдением моральных принципов и правовых норм, выражающих общественную необходимость. Существенным моментом ответственности является учет возможностей, условий выполнения индивидом этой необходимости, т. е. своего общественного долга, общественных обязанностей.

В связи с этим проблема ответственности охватывает следующие аспекты регуляции поведения: принципиальную возможность (состоятельность) субъекта деяния выполнять предписанные ему требования; в какой мере он их правильно понял и истолковал; как далеко простираются границы его деятельных способностей при достижении требуемого результата (цели действий); каков уровень (мера) осознания им последствий тех действий, на которые оказывают влияние внешние обстоятельства, мог ли он предвидеть и управлять этими последствиями. Набор ролевых обязанностей личности, зависящий от ее возраста и занимаемых ею позиций в системе социальных отношений, характеризует весь диапазон ее ответственности.

Однако процесс освоения социальных функций и адекватное осознание личностью своей ответственности, наступающее в результате того, что внешние веления усваиваются индивидом и становятся его внутренним законом и побуждением, определяется многими факторами: познавательными, мотивационными, характерологическими, ситуативными, средовыми. Вследствие этого субъективная ответственность порой расходится с объективной. Переход от принципа объективного вменения к субъективной вменяемости как раз и отражает эволюцию понятия ответственности: переход от трактовки ответственности как только внешнего контроля к трактовке ее также и как формы самоконтроля, как определенного качества и состояния личности [11].

В первом случае ответственность выступает как средство внешней регуляции социальной деятельности личности, которая выполняет должное вопреки своему желанию. Во втором случае ответственность отражает отношение к должному самого субъекта, его predisposedность, готовность осуществлять должное. Ответственность служит здесь средством внутренней регуляции (саморегуляции) деятельности личностью, которая выполняет должное по своему усмотрению, сознательно и добровольно. И в первом и во втором случаях назначение контроля – установление пределов ответственности субъекта деяния.

Мера ответственности обуславливается разнообразными факторами, объективными и субъективными условиями, сопутствующими тому или иному виду деятельности (деянию). Исходным пунктом определения меры ответственности в общепсихологическом смысле является решение вопроса о свободе воли, о соотношении свободы и необходимости.

В психологическом плане мера ответственности определяется субъективными возможностями выполнения личностью должного. Она представляет собой системное качество регуляции поведения, отражающее уровень (степень) интегрированности и слаженности функционирования основных звеньев, входящих в психологическую структуру действия. Ибо именно действие непосредственно соотносится с сознательно и произвольно выбранной целью, именно на уровне действия осуществляется сознательность и произвольность регуляции поведения, сознательный и произвольный контроль. Возможность выбора является главной предпосылкой ответственности.

Социальный психолог Ф. Хайдер определял, что проблема ответственности – это проблема атрибуций поступков [12]. Существенное для понимания принципа ответственности обстоятельство выделяет Х. Ленк. Он отмечает, что «идея ответственности возникла как попытка разрешить определенную проблему вменения» [13, с. 80]. Речь идет о вменении субъекту последствий его поступков.

Х. Ленк считает, ответственность – это интерпретационный конструкт, имеющий характер вменения. Ответственность – это в первую очередь «понятие, которое выражается в реляционном вменении нормы посредством оценивания контролируемых ожидаемых поступков». Для этого ученого весьма характерно рассмотрение проблемы ответственности в рамках этики ценностей.

Именно такой подход кажется правильным автору данной статьи. Согласно М. Веберу, «мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности». Когда действуют по «этике убеждений», то не держат отчет за их результаты. Когда человек поступает по максиме «этики ответственности», то «надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий...Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельности» [14, с. 697]. М. Вебер не сводит ответственность к субъективным конструктам типа совести. Для него ответственность есть отношение, которое выводит за границы субъективного. Принцип ответственности охватывает все многообразие поступков людей. Такое утверждение требует обоснования. Обратим внимание на следующее немаловажное обстоятельство: все авторы, пишущие об ответственности, рассматривают ее в качестве некоторого отношения: кто-то за что-либо ответствен перед кем-то. Они, таким образом, считают, что ответственность имеет реляционный, т. е. характер отношений. Но представляется интересным рассмотреть ответственность не просто как отношение (между людьми), а принцип отношений, принцип относительности.

Принцип относительности должен сообщить нечто основополагающее по поводу всех поступков людей. На наш взгляд, принцип ответственности – это не что иное, как принцип относительности в рамках научной этики. Считать по-другому – значит рассматривать ответственность всего лишь одним из многих этических отношений. В правомерности проблематизации концепта «принцип ответственности» убеждает характер современного этического дискурса, где тема ответственности стала центральной.

Итак, согласно принципу ответственности в нравственной области ей релевантны одни и те же законы. Это законы, которые характерны для этики ценностей,

которую, как следует из проведенного анализа, принцип ответственности не отменяет, но придает ей вполне определенную заостренность. В этой связи уместно говорить об особом феномене, не принципе, а отношении ответственности, которое в весьма детализированном виде определяется Х. Ленком как:

- «некто: субъект ответственности, носитель (личности, корпорации) является
- за: нечто (поступки, последствия поступков, состояния, задачи и т. д.);
- по отношению к: некоторому адресату;
- перед: определенной (санкционирующей и выносящей суждения) инстанцией;
- в соответствии с: конкретным (прескриптивным, нормативным) критерием;
- в рамках данной области ответственности и поступков людей ответственным» [13, с. 81–82].

Со стороны субъекта поступка отношение ответственности есть комплексное действие, прохождение всех ступенек этических отношений и реализации всей их полноты. Ответственен тот, кто максимально эффективен в этическом плане, кто вопрошает: «Правильны, хороши ли мои ценности?», «Действительно ли следует делать то, что я думаю?», «Не должен ли я в соответствии с результатами поступков, моих и чужих, подвергнуть критике свои ценности?», «Действительны ли мои новые ценности?», «Прав ли я в одобрении и критике ценностей других людей?», «Справедливы ли предписания инстанций, которым я подотчетен?», и отвечает на поставленные вопросы.

Чем более совершенен и зрел человек в этическом отношении, тем он ответственнее. Любой человек оценивает собственные поступки, равно как и поступки других людей, на основе своих ценностей. Что нового в смысле этого процесса привнес принцип ответственности? Он связан с требованием максимизации ответственности на все возможные перспективы, и временные (думай не только о сегодняшнем дне), и общечеловеческие (думай не только о себе и своих близких).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков С.В. Социально-психологическая регуляция ответственности личности : дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 2006. 340 с.
2. Хелкама К. Развитие атрибуции ответственности в онтогенезе // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982. С. 148–154.
3. Кон И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности. М.: Наука, 1979. С. 85–113.
4. Шакуров Р.Х. Личность: психогенез и воспитание. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. 305 с.
5. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000. 160 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. Сайко Э.В. Проблема субъекта в проблемной ситуации современного общества // Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.: МПСИ, 2001. С. 5–13.
8. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Политиздат, 1974. 388 с.
9. Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
10. Jaspers Karl. Schuldfrage. Von politischen Haftung Deutschlands. Munchen: Piper, 1996. 146 p.
11. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с.
12. Heider F. The psychology of interpersonal relations. N.Y.: Psychology Press, 1958. 336 p.

13. Lenk H. Zwischen Wissenschaft und Ethik. Frankfurt: Verlag, 1992. 218 p.
14. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

SOCIAL PSYCHOLOGY SUBJECT (LEGAL) LIABILITY

© 2016

S.V. Bykov, doctor of Psychology, professor of Psychology of Management
Samara Humanitarian Academy, Togliatti (Russia)

Keywords: the subject of responsibility; the genesis of responsibility; Social responsibility; Psychology of responsibility; freedom and necessity; moral and legal norms; moral development; principles of responsibility; offenders; shame; wine; conscience; personal maturity; subjective control responsibilities; self-control, regulation of behavior.

Abstract: The article deals with the conceptual problem of forming the subject of social and legal responsibility of the person. The paper considers the process of the genesis of responsibility as determinants of subjective regulation of behavior, reveals the meaning and understanding of the moral, ethical and legal responsibility of the person. The text of the article postulates that the individual responsibility to society is characterized by a conscious observance of moral principles and rules of law, expressing the need for the public. The essential point of social and legal responsibility to the accounting capabilities, the conditions of implementation of the subject of this need, its public debt, public duties.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ,
СВЯЗАННЫМИ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ
И ОХРАННЫХ ДЕТЕКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

© 2016

Е.А. Верхова, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры
«Уголовный процесс и криминалистика»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: ответственность частных детективов и охранников; субъект преступления.

Аннотация: В статье исследуется регулирование борьбы с преступлениями, связанными с деятельностью частных охранных организаций в зарубежном законодательстве.

В уголовном законодательстве некоторых стран СНГ присутствуют нормы, устанавливающие ответственность частных детективов и охранников, прежде всего, потому, что «общие традиции в подходе к решению многих проблемных уголовно-правовых вопросов в законодательстве данных государств обусловлены исторически, поэтому подход к криминализации превышения полномочий сотрудниками негосударственной правоохранительной системы во многих государствах практически одинаков» [1, с. 102].

В Модельном уголовном кодексе для стран-участников СНГ в главе 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности» существует статья, предусматривающая уголовную ответственность частных охранников и детективов [2, с. 91].

Ст. 285 указанного кодекса устанавливает, что превышение руководителем или служащим частной охранной или детективной службы правомочий, предоставленных им в соответствии с лицензией, вопреки задачам своей деятельности, если это деяние совершено с применением насилия или угрозой его применения, является преступлением средней тяжести. Далее же рассматриваемая статья говорит, что в случаях если данное преступление совершено с применением оружия или же специальных средств, а равно в случае, если данным деянием были причинены тяжкие последствия, то такое преступление относится к категории тяжких.

Возможно именно потому, что подобная норма была включена в Модельный кодекс, она нашла свое отражение и в некоторых уголовных кодексах государств – бывших республик СССР.

Однако законы о частной детективной деятельности приняты лишь некоторыми странами СНГ [3; 4].

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан (далее – УК РТ) преступления против службы в коммерческих и иных организациях хотя и включены в раздел XI «Преступления в сфере экономики», но не выделены в отдельную главу, а являются одной из норм главы 27 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Данная норма состоит из двух частей. Текст части первой был абсолютно идентичен статье 203 Уголовного кодекса РФ до внесения в последнюю изменений Федеральным законом от 22.12.2008 г. № 272-ФЗ, а различия заключались лишь в санкциях – исправительные работы на срок до двух лет либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Часть вторая ст. 297 УК РТ устанавливает ответственность за квалифицированные виды рассматриваемого преступления (совершенное с применением оружия или специальных средств; причинившее тяжкие последствия), при этом данная статья предусматривает санкцию одного вида, которая носит относительно определенный характер – лишение свободы на срок от пяти до восьми лет.

Следует заметить, что в УК РТ лишение права на занятие определенной деятельностью или на занятие определенных должностей, так же как и в УК РФ, может выступать либо в качестве основного, либо в качестве дополнительного вида наказания [5].

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) предусматривает ответственность не только за превышение полномочий служащими частных охранных служб (ст. 252 УК РК), но и за преступления, связанные со злоупотреблением полномочиями частными нотариусами, оценщиками, частными судебными исполнителями, медиаторами и аудиторами, работающими в составе аудиторской организации (ст. 251 УК РК), включив их в главу девятую «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Субъектами рассматриваемых преступлений выступают либо частные нотариусы или аудиторы, либо служащие частных охранных служб [6].

Субъект по ст. 251 УК РК – частный нотариус или аудитор, если он, действуя в рамках своих полномочий, совершает деяния вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц или организаций либо нанесения вреда другим лицам или организациям. При этом обязательными признаками объективной стороны являются последствия данных деяний – нанесение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо интересам общества или государства, которые охраняются законом, а также наличие причинной связи между ними. На наш взгляд, представляется необходимым включение в данную норму таких криминально-образующих признаков, как совершение деяний в отношении заведомо несовершеннолетнего или недееспособного лица либо неоднократное совершение данных деяний.

Субъектом преступления по ст. 230 УК РК, является лишь руководитель или служащий частной охранной службы, если они совершают преступление, связанное с превышением полномочий, предоставленных им в соответствии с лицензией, вопреки задачам своей деятельности, и это деяние совершено с применением насилия или угрозой его применения. О превышении же полномочий частными служащими детективных служб ничего не говорится. Квалифицирующие признаки превышения полномочий частными охранниками аналогичны квалифицирующим признакам, установленным в ч. 2 ст. 297 УК РТ.

Санкции статьи 230 УК РК аналогична санкции ст. 203 УК РФ в старой редакции, т. е. до внесения в нее изменений ФЗ № 272-ФЗ в 2008 г.

В Уголовном кодексе Республики Кыргызстан от 1 октября 1997 г. № 68 (в ред. от 18.02.2014 г. № 33) норма об ответственности за превышение полномочий служащими частных детективных служб помещена в главу 23 «Преступления против интересов службы на негосударственных предприятиях и организациях».

В отличие от УК РК, статья 223 УК Республики Кыргызстан в качестве субъекта данного преступления называет только служащих частных детективных служб, оставляя за рамками статьи частных охранников. Согласно данной статье, уголовно наказуемым признается превышение полномочий частными детективами, если данное деяние было совершено с применением насилия или угрозой его применения.

Законодатель не выделяет такие признаки объективной стороны состава преступления, как совершение деяния вопреки задачам своей деятельности и превышение полномочий, определенных в лицензии, а также незначительно видоизменяет санкцию, но оставляет оба квалифицирующих признака – применение оружия и причинение тяжких последствий.

В Уголовных кодексах Украины, Белоруссии, Молдова, прибалтийских государств, Закавказских республик нормы, устанавливающие ответственность за превышение полномочий частными детективами или работниками частных охранных организаций, отсутствуют.

Однако следует обратить внимание на то, что в Уголовном кодексе Украины и Уголовном кодексе Республики Беларусь есть отдельные нормы, устанавливающие ответственность за нарушение обязанностей по охране имущества, которые помещены в главы, включающие преступления против собственности.

Так, в ст. 197 УК Украины установлена уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом, которому поручено хранение или охрана чужого имущества, своих обязанностей, если это повлекло тяжкие последствия для собственника имущества.

Статья 220 УК Белоруссии уголовно-наказуемым признает недобросовестное исполнение лицом, которому поручена охрана имущества, своих обязанностей, повлекшее хищение, уничтожение или повреждение этого имущества в особо крупном размере, при отсутствии признаков должностного преступления.

Субъектом рассматриваемых преступлений может быть частный охранник, которому поручена охрана чужого имущества. Однако, данные нормы нельзя признать совершенными в силу того, что лица, которым поручена охрана чужого имущества, могут не только не исполнять возложенные на них обязанности, но и исполнять их недобросовестно или ненадлежащим образом, а также могут превышать свои служебные обязанности или злоупотреблять ими, вследствие чего и могут быть нарушены права и законные интересы граждан или организаций.

Отсутствуют нормы об уголовной ответственности частных детективов и работников частных охранных организаций и в законодательстве стран дальнего зарубежья. При этом следует обратить внимание на то, что частные правоохранительные службы в США, Великобритании, Франции и многих других странах получили достаточно широкое распространение, поэтому подверглись необходимости нормативного регулирования.

Большинство частных детективов и охранников в западных странах работают в различных агентствах, бюро, ассоциациях, которые осуществляют как охранные функции, так и частный сыск. Их деятельность, права и обязанности, основные виды предоставляемых услуг в различных странах регулируются по-разному.

В США отсутствует единый федеральный закон о частной детективной и охранный деятельности. Регламентация частных детективных и охранных услуг отнесена к юрисдикции штатов [7, с. 29].

Определенные особенности имеет институт частных охранников и детективов в Великобритании, где также не имеется никаких специальных правовых норм и положений, регулирующих деятельность частных охранных и детективных служб [8, с. 39]. В Великобритании кандидат на должность охранника без права ношения оружия должен пройти лишь краткий курс подготовки и тест государственного образца, состоящий из пятидеся-

ти вопросов. Для получения возможности пользоваться оружием охраннику необходимо пройти тридцатичасовой подготовительный курс, преподаваемый в специализированных академиях. Однако некоторые охранные компании являются своего рода полицейскими участками в миниатюре. Охранники частных охранных предприятий Великобритании выполняют функции, схожие с полицейскими, начиная от активного патрулирования отдельных объектов, и заканчивая арестами некоторых преступников, в случае, если они стали свидетелями уголовного наказуемых преступлений, совершая которые правонарушитель нарушает общественный порядок [9].

Требования, предъявляемые к лицам, желающим оказывать детективные и охранные услуги, в ряде зарубежных стран также имеют свои особенности. Например, в Португалии деятельность негосударственной правоохранительной системы регламентируется Законом № 276/93 от 10 августа 1993 г., а кандидаты на службу в указанные структуры должны иметь португальское гражданство, достигнуть совершеннолетия, представить документ об отсутствии судимости, а также справку о профпригодном психическом и физическом состоянии, подтвержденным медицинским обследованием.

Если говорить о правонарушениях со стороны частных детективных и охранных агентств, то португальский Закон № 276/93 о частных службах безопасности к противоправным относит следующие действия:

- 1) выполнение частными фирмами безопасности функций, не предусмотренных концепцией частной безопасности или запрещенных законом;
- 2) выполнение функций по обеспечению частной безопасности без соответствующего разрешения;
- 3) невыполнение обязанностей по применению специальных средств;
- 4) применение оружия сотрудниками частных фирм безопасности, не прошедшими соответствующей подготовки, и т. д.

Законом предусмотрена система штрафов за совершение вышеперечисленных незаконных действий. Кроме того, закон оговаривает, что в случае если сотрудник частной фирмы безопасности совершит преступление с использованием служебных полномочий, то данное обстоятельство будет рассматриваться какотягчающее при определении размера и вида уголовной ответственности.

Иными словами, в случае совершения частным охранником или частным детективом преступления, при выполнении своих служебных обязанностей, применение уголовно-правовых санкций осуществляется на общих оснований, без учета специфики данного субъекта уголовно-правовых отношений.

В других государствах перечень требований к лицам, желающим заниматься частной охранный и детективной деятельностью, значительно уже.

Так, во Франции деятельность частных охранных бюро регулируется Законом № 891 от 28 сентября 1942 г. Наиболее распространенными видами услуг, которые предоставляют частные детективные и охранные фирмы за рубежом, являются: охрана и патрулирование, обеспечение сигнализаций различного рода, обеспечение безопасности транспортировки ценных грузов и обеспечение безопасности физических лиц. Всякое нарушение положений Закона № 891 от 1942 г., определяющего компетенцию частных детективов и охранников, требования к сотрудникам охранных агентств и т. д., карается наказанием в виде тюремного заключения сроком от 1 года до 3 лет и штрафом от 6 до 40 тысяч франков по усмотрению суда. Аналогичному наказанию подлежит лично руководитель бюро, если он прибегает к услугам частных агентов, которые не отвечают требованиям Закона № 891. В случае если нарушение законодательных актов было допущено руководителем бюро, то суд может принять решение о закрытии данного бюро на срок от 3 месяцев до 5 лет.

Согласно Закону № 80-1058 от 23 декабря 1980 г., для того чтобы получить лицензию на создание частного сыскного бюро или охранной фирмы, достаточно быть французским гражданином и не иметь судимости [10, с. 34]. Более того, на основании указанного Закона компетентные административные органы страны могут вынести решение о временном закрытии охранно-сыскного бюро, если один из его частных агентов стал объектом уголовного преследования.

В США для оказания охранных или сыскных услуг отсутствуют единые требования. Так, в 19 штатах не требуется получение лицензии на частную охрану, в 34 штатах наличие лицензии требуется при оказании детективных услуг. В США привлечение к уголовной ответственности за деяния рассматриваемой категории лиц осуществляется на общих основаниях. Наиболее распространенным преступлением, совершаемым частными охранниками и детективами, можно выделить нарушение неприкосновенности частной жизни (privacy) (ст. 250.12 Примерного Уголовного кодекса США).

Таким образом, как показал анализ, в уголовном законодательстве некоторых стран СНГ присутствуют нормы, устанавливающие ответственность частных детективов и охранников, прежде всего потому, что общие традиции в подходе к решению многих проблемных уголовно-правовых вопросов в законодательстве данных государств обусловлены исторически, поэтому подход к криминализации превышения полномочий сотрудниками негосударственной правоохранительной системы во многих государствах практически одинаков.

Национальные особенности правовых систем государств не могли ни сказаться не только на диспозициях и санкциях, предусмотренных за совершение указанных преступлений, но и на видах объектов рассматриваемых преступлений. Так, УК Молдовы, Казахстана, Кыргызстана, в качестве видового объекта указывают интересы службы в коммерческих и иных организациях; Армения и Таджикистан – экономическую деятельность; а Украина и Узбекистан – собственность.

Одной из особенностей законодательной конструкции рассматриваемых преступлений является то, что ряд стран предусматривает ответственность за злоупотребление полномочиями служащими коммерческих или иных организаций (Армения, Украина и Узбекистан), другие – за превышение полномочий (Таджикистан, Кыргызстан, Молдова), а Казахстан – не только за злоупотребление, но и превышение полномочиями служащими коммерческих или иных организаций.

Отсутствуют нормы об уголовной ответственности частных детективов и работников частных охранных организаций и в законодательстве ряда стран дальнего за-

рубежья. При этом следует обратить внимание на то, что частные правоохранительные службы в США, Великобритании, Франции и многих других странах, получили достаточно широкое распространение и в целом подверглись необходимости нормативного регулирования.

Большинство частных детективов и охранников в западных странах работают в различных агентствах, бюро, ассоциациях, которые осуществляют как охранные функции, так и частный сыск. Их деятельность, права и обязанности, основные виды предоставляемых услуг в различных странах регулируются по-разному, вследствие чего одни нормативные акты не согласованы или противоречат другим. Главная опасность заключается в правонарушениях, которые совершают частные детективы и охранники с использованием своих служебных полномочий или с их нарушением. При этом большая часть злоупотреблений на службе, допускаемых указанными лицами, связана с посягательствами на права человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчаров А.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий служащих частных охранных и детективных служб : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 186 с.
2. Матузова Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1. С. 16–29.
3. Закон Республики Молдова о негосударственной детективной и охранной деятельности: от 04.07.2003 г. № 283-XV: в ред. 10.12.2015 г. № 232 // Законодательство стран СНГ. URL: base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=5092.
4. О частной детективной и охранной деятельности в Кыргызской Республике: от 01.07.1996 г. № 35 : в ред. 25 июня 2015 года № 137 // Законодательство стран СНГ. URL: base.spininform.ru.
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. М.: ЭКСМО, 2014. 408 с.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан. М.: ЭКСМО, 2007. 812 с.
7. Крысин А.В. Безопасность предпринимательской деятельности. М.: Финансы и статистика, 1996. 379 с.
8. Правонарушения частных охранных фирм при использовании телевизионных систем охраны в Великобритании // Борьба с преступностью за рубежом. Информационный бюллетень. 1995. № 11. С. 39–41.
9. Батыгин К. Частные охранные предприятия Великобритании: почти полицейские или? // Охранная деятельность. 2010. № 7. С. 7–9.
10. Калинин Ю.В. Частный сыск на службе капитала. Минск: Наука и техника, 1978. 70 с.

LEGAL REGULATION OF FIGHT AGAINST CRIMES CONNECTED WITH THE ACTIVITIES OF PRIVATE DETECTIVES AND SECURITY DETECTIVE ORGANIZATIONS IN FOREIGN LEGISLATION

© 2016

E.A. Verkhova, lawyer of Chamber of lawyers of Samara region, senior lecturer of “Criminal process and criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: liability of private detectives and guards; the subject of the crime.

Abstract: The article examines the regulation of fight against crimes connected with the activities of private security organizations in the international law this article examines the regulation of fight against crimes connected with the activities of private security organizations in the international law.

М.С. Володин, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовно-правовые нормы; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы как вид уголовного наказания.

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с наказанием в виде лишения свободы. Предложены теоретические и практические рекомендации и предложения, направленные на реформирование института лишения свободы, совершенствование уголовного законодательства как основы правоотношений, связанных с назначением и исполнением наказания в виде лишения свободы, учитывая опыт зарубежных государств, применяя комплексный уголовно-правовой анализ проблем, существующих в рассматриваемой сфере.

Наказание рассматривается как последний довод государства. Оно применяется, когда иные средства воздействия на субъект оказались либо заведомо могут оказаться неэффективными. Государственный характер меры наказания означает, что оно может быть назначено только от имени государства, и с позиций государства деяние оценивается как преступное, а лицо обязано претерпеть это государственное принуждение. Сущность наказания состоит в осуждении от имени государства виновного и лишении или ограничении его прав и свобод [1, с. 134].

Лишение свободы – это наиболее часто используемый в судебной практике вид наказания, при отбывании которого осуждённый изолируется от общества и помещается в специализированные учреждения, где постоянно находится под наблюдением и вооружённой охраной, в условиях, где вся жизнь осуждённых жестко регламентирована установленным для этих учреждений режимом. В процессе отбывания рассматриваемого наказания осуждённый может быть привлечен к трудовой деятельности, а также подвергаться исправительно-воспитательному воздействию. Наряду с этим осужденному должна быть предоставлена возможность общеобразовательного и профессионального обучения. Вопросы, связанные с отбыванием и исполнением этого наказания, регулируются уголовно-исполнительным законодательством.

Анализ данных, приведенных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, показывает, что лишение свободы назначается примерно трети всех осуждённых и остается самым «популярным» видом наказания. Проанализировав статистические данные, приведенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики в разделе «Основные показатели по судимости», приходим к выводу, что после пика количества вынесенных обвинительных приговоров, назначающих лишение свободы, который пришелся на 1999–2001 годы, в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к снижению количества случаев, когда судом избирается именно эта мера наказания.

Нельзя не отметить существенные недостатки лишения свободы как уголовного наказания, такие как десоциализация осужденного, негативное отражение на финансовом положении его семьи, расторжение браков, отсутствие должного воспитания детей, а также (применительно к лишению свободы на определенный срок) приобретение навыков преступного поведения лицами, которые отбывают наказание впервые. Негативные последствия применения лишения свободы волновали представителей СМИ и ученых еще в советский период, когда данная мера ответственности назначалась половине, а иногда и более половины, осужденных. Они отмечали формирование устойчивой субкультуры в исправительных учреждениях, укрепление преступных связей между осужденными, негативные последствия применения этого вида наказания в отношении несовершеннолетних. Отличительной особенностью лишения свободы от иных видов наказания является высокий ре-

прессивный характер, выражающийся в наложении особых правоограничений, в корне меняющих привычную жизнь: ограничения свободы передвижения, общения с родными и близкими, времени на отдых, установлении обязанности соблюдать специальный, установленный в исправительных учреждениях режим и т. п.

Лишение свободы несет в себе особое психологическое воздействие на личность осужденного, особенно, если данный вид наказания применен к лицу впервые, так как в подобной ситуации у человека появляются все основания переосмыслить свое поведение и встать на путь исправления. В этом и заключается актуальность данной темы. Существенным условием применения лишения свободы является невозможность достижения целей наказания посредством назначения осужденному более мягкого вида наказания.

Из вышесказанного следует, что к рассматриваемому виду наказания недопустимо применение односторонней его оценки как положительного или отрицательного, действительного или бесполезного, поддерживающего общественный баланс или его дестабилизирующего. По причине доминирования позитивных качеств этот вид наказания не теряет своей актуальности в настоящее время.

Как отмечается в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, лишение свободы, наряду со своей суровостью и действенностью, имеет и существенные недостатки, к которым можно отнести негативное влияние на финансовое положение семьи осуждённого, распад браков, ненадлежащее воспитание детей, а также сращивание с преступным миром лиц, отбывающих наказание впервые. Последний из указанных недостатков вызывает особую озабоченность, так как преодоление угрозы сплочения криминально ориентированных осужденных и лиц, содержащихся под стражей, действий, дезорганизирующих деятельность учреждений, не обеспечивается в условиях коллективного содержания указанной категории лиц [2].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [3] предписывает нижестоящим судам обязанность давать четкую мотивировку назначения лишения свободы, в тех случаях, когда санкциями уголовных норм дополнительно предусмотрены иные виды наказания.

Нельзя не отметить противоречивости рассматриваемого наказания: пытаюсь адаптировать человека к общественной жизни, его изолируют от этой самой общественной жизни, намереваясь искоренить у человека отрицательные привычки и черты поведения, его заключают в среду, где возможность перенимания им антиобщественных взглядов и убеждений существенно повышается.

Лишение свободы как уголовное наказание обладает следующими признаками:

1) принудительная изоляция осужденного посредством его содержания в специальном учреждении в течение определенного срока;

2) применение к осужденному комплекса правоограничений, заметно изменяющих его правовой статус;

3) применение специальных мер исправительно-трудового воздействия с целью исправления осужденного;

4) срок, в течение которого осужденный по приговору суда должен содержаться в учреждении, исполняющем наказание. Российское уголовное законодательство не допускает вынесения обвинительного приговора, который точно не устанавливает срока лишения свободы.

Лишение свободы обладает наибольшим по сравнению с другими видами наказания, числом правоограничений для осужденного, а следовательно, несет в себе большую репрессивность. Лишение свободы предусмотрено в большей степени за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, является основным видом наказания, назначаемым ранее осужденным к данному наказанию, рецидивистам и другим особо опасным преступникам.

Лишение свободы как вид наказания является самым распространенным в судебной практике и назначается примерно трети осужденных.

Процедура назначения и исполнения данного вида наказания в современной России требует серьезного совершенствования во многих ее аспектах. Нарушение закона, совершаемое в процессе реализации наказания в виде лишения свободы, как со стороны осужденных, так и со стороны работников уголовно-исполнительной системы, говорит о недостаточном контроле в данной области со стороны государства и общественности. Суду необходимо более глубоко оценивать личность преступника и необходимость назначения ему именно этого вида наказания. Лишение свободы целесообразно применять только в особых случаях, когда желаемого эффекта невозможно достичь посредством использования иных видов наказания. Наказание должно осуществляться только в той степени, в которой это необходимо в каждом конкретном случае. Государство обязано следить за тем, чтобы карательные меры, которые оно применяет к преступнику, не наносили ему излишних и ненужных страданий, но в то же время чтобы преступник, особенно если он проявил себя как особо опасная личность, был в достаточной мере изолирован от общества и хотя бы на протяжении определенного промежутка времени не мог наносить ему вред. Также государством должен учитываться тот момент, что, охраняя общество, стоит не подавлять в человеке его нравственные составляющие, а наоборот, развивать их и направлять в нужное русло. В связи с этим современные государства в процессе реализации уголовной ответственности не допускают применения физических издевательств над осужденными, ограждая его от каких-либо неоправданных истязаний и страданий, избегая всех ужасов квалифицированной смертной казни, членовредительных наказаний, требуют, чтобы места отбывания наказаний соответствовали необходимым нормам, которые не допускали бы еще большей десоциализации преступников. Но в то же вре-

мя в рассматриваемых отношениях между государством и преступником не стоит проявлять к последнему излишней, неоправданной сентиментальности, а именно устраивать места заключения таким образом, чтобы осужденные, попав туда, не чувствовали себя слишком комфортно и не ощущали всесторонней заботы об их существовании со стороны государства, а, напротив, осознали всю тяжесть совершенного ими преступления через помещение их в те условия, естественно, в разумных пределах, которых они заслуживают.

Лишение свободы как наказание более ориентировано на предупреждение совершения преступлений лицами, уже отбывшими данное наказание, нежели лицами которым этот вид наказания никогда не назначался. Что касается общей превенции, то ее следует понимать как профилактику (предупреждение) преступлений под воздействием уголовно-правового запрета, которая состоит в достижении и обеспечении стимуляции нормативно закрепленного поведения. Общая превенция достигается путем угрозы уголовной ответственностью и наказанием, обращенной к так называемым неустойчивым лицам, которых от совершения преступлений удерживает только такая угроза.

Применяя лишение свободы, как и любой другой вид наказания, предусмотренный Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ), государство стремится достичь определенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей: восстановить нарушенную преступлением социальную справедливость, исправить осужденного и предупредить совершение новых преступлений.

Однако достижение целей лишения свободы не всегда способствует достижению целей всей системы уголовного наказания. Прежде всего, необходимо прилагать все необходимые усилия для того, чтобы принципы демократического правосудия в России не превращались в фикцию, а действовали бы совместно и соблюдались неукоснительно и повсеместно. Необходимо, чтобы осознание того, что цель лишения свободы – не только кара, но и перевоспитание, исправление, укоренилось в нашей системе правоохранительных органов, а пока зачастую мы видим совсем иную ситуацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и особенная части: краткий курс. М.: ВолтерсКлувер, 2010. 416 с.
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р; ред. от 31.05.2012 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

IMPRISONMENT AS A KIND OF PUNISHMENT CRIMINALIZED

© 2016

M.S. Volodin, undergraduate
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal law; deprivation of liberty for a definite term; life imprisonment as a form of criminal punishment.

Abstract: The article investigates the issues related to the punishment of imprisonment. In the article the theoretical and practical recommendations and proposals aimed at reforming the institution of imprisonment, improving the criminal law as the basis of relationships associated with the assignment and enforcement of a sentence of imprisonment, given the experience of foreign countries, using a comprehensive criminal legal analysis of the problems existing in this sphere.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ БАНКОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2016

А.А. Гогин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Теория государства и права»
Г.Н. Гогина, кандидат экономических наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: правонарушение; превенция; надзор; контроль; предписание; принуждение; лицензия; денежные средства; информация; отзыв; ликвидация.

Аннотация: В данной публикации на основе диалектического подхода к анализу положений отечественного банковского законодательства рассматривается ряд вопросов, характеризующих полномочия Центрального банка Российской Федерации. Основное внимание уделено проблемам, связанным с его деятельностью как мегарегулятора, направленным на предотвращение и пресечение противоправных деяний финансового характера. В статье также представлена авторская позиция по поводу некоторых спорных условий, имеющихся в нормативно-правовых актах, регулирующих российскую банковскую сферу.

Отечественные средства массовой информации систематически доводят до общественности сведения об очередных преступлениях, связанных с огромными хищениями денежных средств в самых различных областях российской экономики. Спектр корыстных интересов весьма обширен.

Это возведение стратегических объектов и жилищно-коммунальное хозяйство; ремонт дорог и манипуляции с горюче-смазочными материалами; фальсификация продуктов питания, лекарственных препаратов, алкогольной продукции и пр. Значительная доля правонарушений вскрывается сотрудниками правоохранительных органов, аудиторами Счетной палаты РФ и иных уполномоченных структур при проведении контрольно-ревизионных мероприятий. Тем не менее поток соответствующих противоправных деяний не уменьшается.

Так, 14 октября 2016 г. пресс-служба Главной военной прокуратуры РФ сообщила о новых выявленных фактах хищений бюджетных средств при строительстве космодрома «Восточный» в Амурской области на сумму свыше 500 млн руб.

В свою очередь, распространена информация об идентичном преступлении, совершенном руководителями ОАО «Оборонэнерго». Предварительная сумма ущерба оценивается в размере 450 млн руб., но окончательные потери денежных средств будут установлены после проведения комплексной финансово-экономической экспертизы. Данное уголовное дело объединено с ранее возбужденным делом в отношении ряда должностных лиц, возглавлявших ОАО «Оборонэнергосбыт».

Столь социально значимые противоправные деяния не могут быть совершены без глубоких связей с кредитными организациями. Поэтому постоянную и крайне весомую привлекательность для криминалитета представляет банковский сектор экономики.

«Особая роль в осуществлении финансовых махинаций принадлежит работникам банковских учреждений, которые в ряде случаев сами являются инициаторами всевозможных схем получения незаконных сверхприбылей и организаторами преступной деятельности», – подчеркивал Д.А. Файфер [1, с. 224–242].

В означенном плане показательна история бывшего полковника МВД Д. Захарченко. В ходе проведенных в отношении его оперативно-следственных действий были обнаружены валютные ценности на сумму 8,5 млрд руб. Предполагается, что изъятая наличность в рублях и долларах является частью финансовых активов Нота-банка, лишённого лицензии в ноябре 2015 г. По оценкам представителей правоохранительных органов объем хищений денежных средств в указанной организации оценивается в пределах около 26 млрд руб.

О несколько ином, но также весьма сомнительном поведении должностных лиц коммерческих банков, имеется много и других сведений. К примеру, соглас-

но публикации, размещенной в газете «Ведомости», конфликтная ситуация сложилась между руководством РосинтерБанка и Агентством по страхованию вкладов (далее – АСВ). По мнению представителей Агентства, перед отзывом лицензии в кредитной организации было преднамеренно уничтожено большое количество данных автоматизированной банковской системы (АБС).

Считаем, что «одним из факторов, существенно определяющих уровень правонарушений в банковской сфере, является нежелание учредителей кредитных организаций раскрывать информацию о своей деятельности; многие банки прямо участвуют в теневом обороте, обслуживая формально легальные сделки вкладчиков; широкое распространение имеют личные договоренности между менеджерами кредитных организаций и клиентами, большой объем расчетов осуществляется наличными средствами» [2, с. 42].

На этом фоне оправдано, что Банк России уполномочен привлекать к ответственности лиц, виновных в не соблюдении положений финансового законодательства. Его роль в снижении числа противоправных деяний не вызывает сомнений.

При анализе проблем, связанных с применением банковского законодательства, необходимо учитывать многогранность вреда правонарушений в сфере публичной банковской деятельности. Соответствующие преступления и проступки причиняют не только материальный вред интересам кредиторов (вкладчиков). Они существенно дестабилизируют властные, организационные и управленческие связи. В частности, деяния в области пруденциального регулирования посягают на отчетные и контрольные отношения, причиняя ущерб стабильности банковской системы.

Кроме того, крах коммерческих банков, вызванный их противоправным поведением, способен создать серьезное социальное напряжение в различных общественных слоях нашей страны. Именно такое негативное развитие событий последовало после августовского дефолта (финансового кризиса) 1998 г., когда пострадали сотни тысяч российских граждан и организаций.

Согласно п. 1 ст. 56 ФЗ РФ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) О Центральном банке Российской Федерации (Банке России), он является органом банковского регулирования и банковского надзора (далее – Закон) [3]. Главными целями его деятельности, как мегарегулятора, является поддержание стабильности банковской системы России, а также защита интересов вкладчиков и кредиторов. Поэтому, в отличие от правоохранительных структур, в работе Банка России на первом плане находятся меры, носящие превентивный характер.

Так, заслуживает внимания содержание п. 1. ст. 73 Закона. В нем подчеркивается, что для осуществления функций банковского регулирования и банковского надзора Банк России проводит проверки кредитных органи-

заций (их филиалов), направляет им обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных в их деятельности нарушений федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов Банка России и применяет предусмотренные законом меры по отношению к нарушителям.

Из текста видно, что в статье прежде всего указывается на необходимость устранения выявленных недостатков. На эти же моменты также ссылается Инструкция Банка России от 31 марта 1997 г. № 59 «О применении к кредитным организациям мер воздействия» (с изм. на 26 января 2010 г.). В п. 1.5. рассматриваемого подзаконного акта констатируется, что предупредительные меры воздействия применяются в основном в тех случаях, когда недостатки в деятельности кредитной организации непосредственно не угрожают интересам кредиторов и вкладчиков. Указанные меры могут применяться при условии ответственного, конструктивного подхода органов управления, а в соответствующих случаях и учредителей (участников) кредитной организации к устранению нарушений в ее деятельности, а также при условии надлежащего взаимодействия кредитной организации и ее учредителей (участников) с надзорными органами.

По нашему мнению, в перечисленных положениях ясно просматривается наличие элементов, присущих гражданскому праву. В известной степени здесь и в последующих правилах анализируемого документа подробно говорится о возможных согласительных условиях, свойственных договорным отношениям.

В предупреждении также присутствуют некоторые черты такого широко распространенного способа воздействия на управляемый объект, как убеждение. Посредством его применения, в первую очередь, стимулируется должное поведение участников управленческих социальных отношений. В данном случае ими являются должностные лица кредитной организации и ее учредители (участники). В научной литературе отмечается, что убеждение отличают следующие признаки: предметность, субъективная природа, связь с субъектом, стремление к объективности, рациональная природа, относительная устойчивость, возможность изменения под влиянием рациональной критики, объективность факторов, а также идейного влияния других убеждений [4, с. 144].

Со своей стороны А.А. Мусаткина полагает, что предупреждение, предписание об устранении допущенных нарушений носят разовый, порицающий характер, ибо они воздействуют на индивидуальное или коллективное сознание правонарушителя, в чем и заключается карательный элемент данных мер финансовой ответственности. Вместе с тем они обладают и восстановительной функцией. Предупреждение, предписание об устранении допущенных нарушений прямо указывают на необходимость восстановления нарушенных общественных отношений [5, с. 99].

Даже при возникновении сложного финансового положения, когда совершаемые кредитной организацией банковские операции или сделки создали реальную угрозу интересам ее кредиторов (вкладчиков), Банк России обладает полномочиями на принятие нестандартных решений. Например, в таком аспекте, как новеллу, присущую только публичному банковскому законодательству, следует воспринимать содержание п. 6. ч. 2 ст. 74 Закона.

Базируясь на его требованиях, Банк России может предложить учредителям (участникам) кредитной организации, которые самостоятельно или в силу существующего между ними соглашения, либо участия в капитале друг друга, либо иных способов прямого или косвенного взаимодействия имеют возможность оказывать влияние на решения, принимаемые органами управления кредитной организации, предпринять действия, направленные на увеличение собственных средств (капитала) кредитной организации до размера, обеспечивающих соблюдение ею обязательных нормативов, в том числе путем

ограничения распределения прибыли кредитной организации в части выплат, влекущих уменьшение собственных средств (капитала) кредитной организации.

Фактически названные правила поощряют широкий поиск смелых и оригинальных решений для ликвидации кризисной ситуации. В их основе лежит готовность вести сложные переговоры, инициатива заинтересованных субъектов; активная, наступательная позиция учредителей (участников) кредитной организации.

Поименованные законодательные положения представляют собой один из элементов позитивного развития отдельных условий публичного банковского законодательства; движение от императивной к диспозитивной конструкции соответствующих социальных отношений.

В известной степени это также образец санкции нового вида. Игнорировать предложение Банка России или в последующем, после достигнутых договоренностей, уклониться от их выполнения учредители (участники) кредитной организации не полномочны. В подобной ситуации они не являются абсолютно свободными в выборе своего поведения.

Отметим, что главная значимость санкции состоит в том, что это наиболее подвижный элемент правовой нормы. Она очень быстро реагирует на социальные, экономические и политические изменения в жизни российского общества и государства. При необходимости законодатель, не меняя общей направленности, смысла и содержания самого нормативно-правового акта, может использовать санкцию для решения новых задач путем ее корректировки в сторону усиления или смягчения ответственности, введения отдельных льгот и поощрений или иных специфических условий.

В целом условия ст. 74 Закона требуют рассматривать не только под сугубо юридическим углом зрения. В действительности они недвусмысленно говорят о том, что деловые качества руководителей кредитной организации, их умение находить должное решение в непростой обстановке, жизненный опыт, образовательный уровень, профессиональная культура и другие черты, отличающие конкретную личность, призваны способствовать выходу из кризисной ситуации.

Вместе с тем Банк России как мегарегулятор всего финансового рынка нашей страны, кроме требований об устранении выявленных нарушений, наделен правом применять к кредитным организациям и другие меры, носящие сугубо принудительное, директивное содержание. Сущность принуждения, имеющего место в сфере публичных банковских отношений, раскрывается в п. 1.13. вышеозначенной Инструкции, где подчеркивается: принудительные меры воздействия применяются в отношении кредитной организации в тех случаях, когда это вытекает из характера допущенных нарушений с учетом того, что применение одних только предупредительных мер воздействия не приносит или не может обеспечить надлежащую корректировку деятельности кредитной организации.

Со своей стороны полагаем, что принуждение есть один из методов властного управления, призванного, прежде всего, обеспечить исполнение физическими лицами (гражданами), юридическими лицами (организациями) и должностными лицами разного уровня установленных государством и закрепленных в его нормативно-правовых актах правил поведения, призванных обеспечить нормальное функционирование различных социальных сфер российского общества.

Особенность принуждения, применяемого в банковской сфере, состоит в том, что жесткость санкций идет по восходящей линии от мягких к более жестким взысканиям. Самая суровая мера по отношению к кредитным организациям – это лишение лицензии на осуществление банковских операций.

Так, в п. 2 ст. 20 ФЗ РФ от 3 февраля 1996 г. № 17-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О банках и банковской де-

тельности» сформулировано 13 оснований, когда Банк России в обязательном порядке осуществляет отзыв лицензии у той или иной кредитной организации на осуществление банковских операций [6].

Назовем некоторые примеры:

- если значение всех нормативов достаточности собственных средств (капитала) кредитной организации становится ниже двух процентов;

- если размер собственных средств (капитала) кредитной организации ниже минимального значения уставного капитала, установленного на дату государственной регистрации кредитной организации;

- если кредитная организация не исполняет в срок, установленный параграфом 4.1 главы IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», требования Банка России о приведении в соответствие величины уставного капитала и размера собственных средств (капитала);

- если кредитная организация не способна удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение 14 дней с наступления даты их удовлетворения и (или) исполнения.

В действительности каждое из них представляет собой состав правонарушения. Как видно из вышеназванных положений, во многих случаях их особенность состоит в наличии сложной, многогранной объективной стороны деяния.

К настоящему времени по сравнению с первоначальной редакцией Закон претерпел серьезные изменения и дополнения. Наиболее кардинальные поправки последовали в 2013 г. Потребность в корректировках объясняется усложнением всех общественно значимых связей и контактов на отечественном финансовом рынке. Поэтому вполне естественно возросло и пополнилось количество оснований по применению мер принудительного содержания.

Так, в силу требований ст. 57.2 Закона одним из таких правонарушений следует считать несоответствие систем управления рисками и капиталом, внутреннего контроля, достаточности собственных средств (капитала) и ликвидности кредитной организации (банковской группы) установленным требованиям или характеру и масштабу совершаемых кредитной организацией (в том числе в банковской группе) операций, уровнем и сочетанием принимаемых рисков и или об установлении для кредитной организации (банковской группы) индивидуальных предельных значений обязательных нормативов.

При выявлении какого-либо из перечисленных фактов, Банк России в установленном порядке направляет в кредитную организацию (головную кредитную организацию банковской группы) предписание об устранении имеющихся несоответствий законодательным правилам.

Однако если головная кредитная организация банковской группы не исполняет соответствующие предписания об устранении нарушений, связанных с участием в ней, Банк России вправе:

- а) взыскать с головной кредитной организации банковской группы штраф в размере до одного процента размера оплаченного уставного капитала, но не более одного процента минимального размера уставного капитала;

- б) ввести запрет, предусмотренный п. 3 ч. 2 ст. 74 Закона.

Помимо того, Банк России может применить такие санкции, как введение запрета на осуществление кредитной организацией отдельных банковских операций, предусмотренных выданной ей лицензией на срок до одного года или запрет на открытие ею филиалов также на срок до одного года.

Одновременно ст. 60 признает в качестве правонарушения несоответствие квалификационным требованиям и требованиям деловой репутации, утвержденным бан-

ковским законодательством лиц, занимающих должности, указанные в ч. 4 и 6 ст. 11.1 данного Закона. В силу правил ст. 72.1, к числу специфических противоправных деяний также относятся неудовлетворительное финансовое положение или неудовлетворительная деловая репутация юридических и физических лиц, владеющих более десяти процентами акций (долей) кредитной организации и пр.

При установлении подобных фактов Банк России вправе требовать принятия соответствующих мер по изменению сложившейся ситуации в позитивном направлении.

Вместе с тем в нормативно-правовых актах, регулирующих публичную банковскую сферу, присутствуют некоторые спорные элементы, заслуживающие внимания со стороны специалистов в области российского финансового права.

Например, в рассматриваемом Законе не проработано юридическое понятие и содержание реальной угрозы интересам кредиторов (вкладчиков) кредитной организации. В словаре русского языка С.И. Ожегова реальная угроза трактуется как действительная, существующая, не воображаемая возможная опасность [7, с. 811]. В известной степени, понимание смысла данной дефиниции может быть достигнуто путем анализа других нормативно-правовых актов, регулирующих сферу публичных банковских отношений.

Во-первых, все основания, перечисленные в ст. 20 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности», говорят о фактической опасности (реальной угрозе), интересам кредиторов (вкладчиков), сложившейся в определенном коммерческом банке.

Во-вторых, сходные по смыслу положения также закреплены в п.1 ст. 183.2. ФЗ РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О несостоятельности (банкротстве)», где подчеркивается, что основаниями для применения мер по предупреждению банкротства финансовой организации являются:

- 1) неоднократный отказ в течение месяца в удовлетворении требований кредиторов по денежным обязательствам. При этом под таким отказом понимается не исполнение или ненадлежащее исполнение требований кредиторов по денежным обязательствам в течение десяти рабочих дней со дня возникновения обязанности удовлетворения таких требований, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом;

- 2) не исполнение обязанности по уплате обязательных платежей в срок свыше десяти рабочих дней со дня наступления даты ее исполнения;

- 3) недостаточность денежных средств для своевременного исполнения денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей, если срок исполнения таких обязательств и (или) обязанности наступил [8].

Однако, на наш взгляд, в Законе целесообразно изложить легальное описание реальной угрозы. В некоторой мере это позволит исключить субъективный подход к оценке состояния дел в той или иной кредитной организации со стороны проверяющих должностных лиц Банка России.

Неоднозначная ситуация существует и вокруг понятия «риск», ибо применительно к финансовым отношениям также отсутствует его официальная характеристика. В основном этот вопрос рассматривается в работах отдельных исследователей, которые дают соответствующие трактовки в зависимости от своих личных взглядов на данный предмет. Между тем в отдельных законодательных актах подобные определения имеют должное закрепление.

Например, еще в ст. 9 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. «Об организации страховой деятельности в Российской Федерации» говорилось следующее: страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления

которого проводится страхование. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления [9].

В свою очередь, в ст. 1 ФЗ РФ от 10 января 2002 г. (ред. от 29 декабря 2015 г.) «Об охране окружающей среды» подчеркивается, что экологический риск есть вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера [10].

Со своей стороны полагаем, что одним из существенных признаков риска является постоянное наличие неопределенности – трудность предвидения, и прогноза исполнения конкретного процесса и по первоначальному плану и по конечному результату.

Спорным представляется содержание п. 7 ст. 73 Закона, где подчеркивается следующее. Банк России вправе проверять деятельность расположенных на территориях иностранных государств кредитных организаций, входящих в состав банковских групп и банковских холдингов.

Центральный банк и (или) иной орган надзора иностранного государства, в функции которого входит банковский надзор, может получить доступ в помещения расположенных на территории РФ кредитных организаций – участников банковских групп, головными организациями которых являются иностранные банки, и к информации об их деятельности при условии письменного согласия данных кредитных организаций – участников банковских групп. О результатах таких посещений указанные органы информируют Банк России.

Однако здесь возникает вопрос, как будут развиваться дальнейшие события, если подобное письменное согласие не будет получено. В данной статье ничего не говорится о каких-либо дополнительных полномочиях Банка России при возникновении подобной сложной ситуации. По нашему мнению, в данном случае имеет место определенный правовой пробел, нуждающийся в своем разрешении.

Выводы:

- публичное банковское право является активно развивающимся институтом отрасли отечественного финансового права;

- со стороны государства основным методом регулирования соответствующих социальных отношений в банковской сфере являются императивные начала, базирующиеся на властных способах юридического воздействия на подконтрольные кредитные организации;

- предупреждения, закрепленные в публичном банковском законодательстве, представляют собой санкции особого характера в силу их обязательного исполнения подконтрольными кредитными организациями;

- публичное банковское законодательство отличается тем, что ряд его положений в значительной степени направлены не на наказание виновных субъектов, а на решение задач по предупреждению негативного развития событий в банковском секторе российской экономики;

- вместе с тем при определенных условиях в публичном банковском законодательстве присутствуют отдельные элементы диспозитивных начал, свойственные договорным отношениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Файфер Д.А. Особенности выявления финансовых преступлений // Экономическая преступность: сборник. М.: Юристъ, 2002. С. 224–242.
2. Гогин А.А. Банковские правонарушения: проблемы квалификации. М.: NOTA BENE, 2008. 191 с.
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон РФ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ; ред. от 3 июля 2016 г. // Российская газета. 2002. № 2995. 13 июля.
4. Караханян С.Г. Особенности убеждения в суде // Право и государство: теория и практика. 2008. № 7. С. 144–147.
5. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Тольятти: ВУиТ, 2003. 179 с.
6. О банках и банковской деятельности, с изм. на 1 сентября 2016 г.: Федеральный закон РФ от 3 февраля 1996 г. № 17-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ГИС, 1960. 900 с.
8. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ; ред. от 3 июля 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
9. Об организации страховой деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1; ред. 3 июля 2016 г. // Российская газета. 1993. № 6. 12 января.
10. Об охране окружающей среды: Федеральный закон РФ от 10 января 2002 г. № 127-ФЗ; ред. от 29 декабря 2016 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

PREVENTION AND ENFORCEMENT AS A MEANS OF BANKING RELATIONSHIPS REGULATION

© 2016

A.A. Gogin, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of Chair “Theory of State and Law”

G.N. Gogina, PhD (Economics), Professor of Chair “Accounting, Analysis and Auditing”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime; prevention; surveillance; control; requirement; compulsion; license; money; information; review; liquidation.

Abstract: In this publication is based on a dialectical approach to the analysis of the provisions of the domestic banking legislation addresses a number of issues, describing the powers of the Bank of Russia. The focus is on issues related to his activities as a mega-regulator, aimed at the prevention and suppression of unlawful acts of a financial nature. The article also presents the author’s position on some controversial conditions in existing legal acts, regulating the Russian banking sector.

Ключевые слова: правонарушение; юридическая ответственность; интеллектуальная собственность; диалектический метод.

Аннотация: Рассматривается диалектический метод исследования юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности. Автором выделяются особенности исследования правонарушений в сфере исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Становление человечества происходило через формирование мировоззренческой (в том числе и правовой) культуры отношений к различным событиям, явлениям, процессам, действиям разных социальных групп и поступкам отдельных лиц.

Говоря об исследовании какой-либо проблемы, необходимо обратить внимание на понятие «метод» и оценить диалектику в качестве метода. В данном случае правомерно говорить о методе познания, ибо исследование юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности представляет, с одной стороны, выявление причинно-следственных связей, обуславливающих необходимость защиты исключительных прав авторов, а с другой – требует применения методов научного познания. А.А. Гогин под методологией понимает систему принципов, норм, способов и правил, применяемых в исследовательской деятельности для получения подлинных, объективных знаний и наиболее точных, конечных результатов [1, с. 5].

Методологические аспекты исследования в советском государстве опирались на материалистическую диалектику. В последнее время праведы обращаются и к иным способам познания. Так, по мнению И.Ю. Козлихина, смена социальных идеалов и ценностей, а также актуализация различных философских взглядов на право и методологию его исследования, требуют переосмысления фундаментальных положений науки [2, с. 49–62].

В свою очередь, В.М. Сырых считает, что материалистическая диалектика доказала свою эффективность и было бы неверным предать ее забвению [3, с. 123–164]. М.И. Байтин также полагал, что в марксистской теории права есть немало положений, которые сохраняют своё значение и представляют интерес в настоящее время [4, с. 38].

В.А. Затонский отмечает, что «перестав быть насаждаемой государственными структурами, диалектика сама пробивает себе дорогу и, несомненно, займет достойное место в перечне методологического инструментария современных исследований государственности» [5, с. 52].

Диалектика обеспечивает объективный и беспристрастный подход ко всем рассматриваемым вопросам философии права. Диалектика – это «учение о наиболее общих закономерностях развития бытия и познания, одновременно она выступает и общим методом освоения действительности» [6, с. 20].

Диалектический метод познания затрагивает и непосредственно логику, вызывая научные дискуссии представителей разных научных школ. И. Кант под диалектикой понимал использование положений общей логики не в качестве критерия оценки знания, а в качестве метода общей логики, суть которого заключается в применении и единстве всей совокупности знаний о предмете, проверенных на соответствие их логическим законам с целью «действительного создания, по крайней мере, видимости объективных утверждений» [7, с. 75].

Диалектический метод исследования применяют все естественные и общественные науки, но каждая из них вырабатывает индивидуальный подход к исследованию

своего предмета. Юридическая методология ориентируется на сложившиеся общественные отношения, которые сформировались, исходя из уровня развития государственности.

В.С. Нерсесянц указывал, что «юридический метод как путь познания – это бесконечный путь углубления и развития знания о праве и государстве, непрекращающееся движение от уже накопленного знания об этих объектах к его обогащению и развитию, от эмпирического уровня знаний к теоретическому уровню, от уже сложившегося понятия права к новому, теоретически более содержательному и богатому понятию» [8, с. 11].

Рассматривая отношение между правом и юридической ответственностью, определяем его как отношение между целым и частью. Это означает, что часть будет обладать и свойствами целого, благодаря внутреннему взаимодействию институтов и отраслей права через многочисленные связи и отношения между структурными элементами.

Юридическая ответственность является базовой категорией теории права. В теории правоотношений юридическая ответственность представляет собой относительно самостоятельный системный межотраслевой институт. Диалектический метод исследования позволяет рассмотреть институт юридической ответственности как результат эмпирических познаний человека на протяжении периода эволюции, который с развитием общественных отношений перешел в теоретический опыт.

В настоящее время юридическая ответственность представляет собой комплексный межотраслевой институт, прежде всего, материального права.

Юридическая ответственность является важнейшим институтом правовой системы, одним из главных признаков права, необходимым элементом механизма его действия. В силу этого связанные с ней проблемы занимают одно из центральных мест в общей теории права и в отраслевых юридических науках и, несмотря на ее традиционный характер, всегда актуальны.

М.С. Строгович писал: «Правильное понимание ответственности важно и в политическом, и в социальном, и в юридическом смысле, оно имеет громадное значение для научной разработки проблемы прав личности, для повышения ответственности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц за порученное дело» [9, с. 76].

В связи с тем, что предметом научного интереса данного исследования является юридическая ответственность в сфере интеллектуальной собственности и методология её изучения, необходимо более подробно остановиться на элементах структуры юридической ответственности и причинно-следственных связях между ними.

Исходя из умозаключений юридической логики в отраслях материального и процессуального права, правомерен вывод о том, что наступление юридической ответственности является результатом судебных решений, сформулированных и принятых судами на основе установленных и доказанных основных обстоятельств дела.

Смысл и содержание работ в сфере исследования ответственности за нарушения интеллектуальных прав, применяющих диалектико-материалистический метод, заключаются не только в анализе особенностей результатов интеллектуальной деятельности и способов передачи прав на них, которые отграничивают их от иных объектов гражданского права. В исследованиях в первую очередь должны сопоставляться правоотношения по совершению правонарушений и наступлению юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности. При этом данные исследования призваны учитывать позитивные и негативные явления в правовой жизни и правовой политике, в экономических отношениях, а также уровень правосознания и культуры общества.

Юридическую ответственность в сфере интеллектуальной собственности необходимо рассматривать, во-первых, в статике и динамике с точки зрения правотворчества и правоприменения, во-вторых, с позиций внешней и внутренней полярности защиты результатов интеллектуальной деятельности интересам и благам правообладателей, общества и государства. При исследовании вопросов юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности необходимо исходить из многоаспектности общественных отношений, руководствуясь таким принципом научного познания, как объективность. Это означает истинное отражение существующей реальности окружающего мира в научном знании; воспроизведения действительности такой, какой она фактически является, включая присущие обществу и государству потребности, противоречия, конфликты и интересы различных субъектов правоотношений.

Для исследования проблем юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности объективность значима тем, что позволяет исключить из науки конъюктурность отдельных выводов и предложений, методологически правильно сочетать в исследовании успешные результаты последних лет с оправдавшими себя достижениями предшествующей юридической мысли, заимствовать позитивный зарубежный опыт.

Беспристрастный анализ правонарушений в сфере интеллектуальной собственности призван основываться на сравнении конкретных фактов, статистических данных, официально распространяемой информации, на иных сведениях и, безусловно, на авторитетных авторских мнениях и выводах.

Рассматривая диалектическую методологию исследования юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности, следует обратить внимание на юридические факты. Из двух образующих их групп (события и действия) наиболее значимыми обстоятельствами возникновения юридической ответственности выступают действия, так как именно они являются результатом сознательной деятельности людей и могут быть правомерными или неправомерными.

Юридические факты являются одновременно причиной и следствием юридических поступков. Оба эти явления порождают друг друга и могут переходить друг в друга. Те и другие влекут определённые правовые последствия. Например, ими могут стать создание сценария или приобретение авторского права.

Представляется, что методы обобщения эмпирической информации призваны ориентировать исследователя на то, каким образом ему действовать, чтобы выявить и раскрыть диалектику перехода количества в качество и, наоборот, из массы случайного и второстепенного выделить устойчивое и необходимое.

Значительное место при разработке правовых проблем юридической ответственности в сфере интеллектуальной собственности следует отвести анализу и синтезу. Наука, основываясь на эмпирическом опыте человечества, рассматривает анализ предмета и объекта в качестве важной и обязательной части исследования. В философском понимании анализ означает изучение и осмысление дей-

ствительности, расчленение и детализацию изучаемых явлений и процессов с последующим восстановлением механизма их функционирования. Всем решениям и этапам предшествует анализ сложившейся ситуации и предполагаемых последствий, проводимый с определенной глубиной в зависимости от поставленных задач и возможностей специалиста.

Применением анализа достигается детальное разложение частей непосредственного объекта, вначале представляющихся неделимыми, и дальнейшее приближение к познанию их сущности, ибо выявляются и противоречивость, и взаимосвязь различных звеньев исследуемого предмета, обуславливающих их слияние в единое целое. По результатам анализа строятся выводы о внутренней структуре искомого материала и оптимальных вариантах обращения с ним.

Так, при незаконном использовании товарного знака анализ субъективной стороны правонарушителя связан с исследованием целей такого использования, причиненного ущерба обществу и правообладателю и другим аспектам деяния. Правильная оценка всех субъективных факторов позволяет конкретизировать вред и провести его стоимостную оценку. В научных исследованиях распространено положение об юридической ответственности как о правоотношении, возникающем между правонарушителем и государством.

Представляется, что понятие юридической ответственности более широкое и многоаспектное, а правоотношение – это лишь один из ее элементов, но уяснение правовой природы правоотношений является одной из важнейших задач правоприменения. В связи с этим немаловажным является также анализ объекта правонарушения и объективной стороны, поскольку отдельно взятый элемент состава правонарушения не может в полной мере отразить всю совокупность вреда, причиненного социальным правоотношениям.

В каждой научной отрасли, во всех сферах человеческой деятельности невозможно обойтись без диалектического тандема «анализ – синтез». Это наиболее известные дефиниции, жизненно необходимые и естественно востребованные для глубокого раскрытия определенного явления, законотворческой деятельности, для точного формирования предложений и рекомендаций.

Путем синтеза формулируется полная и объективная характеристика состава правонарушения, а также объем правоограничений, которые будет обязан понести правонарушитель. Мыслительный процесс, осуществляемый специалистом, предполагает также творческое использование понятийного аппарата общей теории права, действующих материальных и процессуальных норм, базирующихся на категориях диалектики и логики.

Как правило, данный метод применяется в деятельности Суда по интеллектуальным правам РФ и Верховного Суда РФ. В своих решениях они анализируют отдельную информацию по применению правовых положений, регулирующих правоотношения в сфере интеллектуальной собственности, обобщают ее и синтезируют. Это находит концентрированное отражение в соответствующих вердиктах, посвященным наиболее важным моментам судебной практики.

Для объективного научного исследования феномена юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности необходима корреляция всеобщих, универсальных, общенаучных и специфических методов познания. Диалектика исследования юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности предполагает применение методов материалистической диалектики и использование диалектического способа мышления.

Г.И. Фихте предложил диалектический способ мышления, который основывается на «признании противоречивости всего сущего, единства противоположностей, предложении рассматривать противоречие как источник развития» [7, с. 94].

По мнению В.М. Сырых, «и в современных условиях, когда имеется достаточно развитый понятийный аппарат общей теории права, восхождение от конкретного к абстрактному находит применение в процессе изучения новых явлений, фактов, которые не могут быть объяснены при помощи имеющихся теоретических знаний» [3, с. 438].

К. Маркс и Ф. Энгельс на основе трудов философов школы немецкой классической философии сформулировали основные законы философии и философские категории на платформе материалистической диалектики. В числе основных законов философии ими представлены закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, и закон отрицания отрицаний. Как наиболее часто проявляющимися себя в жизни природы и общества философскими категориями материалистической диалектики оперирует такими, как «единичное, особенное, всеобщее; часть и целое; система, структура, элемент; содержание и форма; причина и следствие; случайность и необходимость; возможность и действительность; противоположность и противоречие» [10, с. 438].

Общее и единичное представляют собой парную категорию, также объективно отражающую действительность. Единичное характеризует качественные черты предмета или события, их личностные свойства, оригинальность, пространственную и временную особенность.

В сфере правовых отношений единичные явления – это обладающие многочисленными свойствами и признаками конкретные жизненные факты, постоянно возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся по самым различным причинам. Регулирующие их нормы в своей сущности также единичны и индивидуальны.

В диалектике исследования юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности существует представляющая научный интерес особенность, которой, однако, достаточно редко уделяется внимание исследователями. А.И. Кравченко, например, утверждает о том, что «традиционный для философии вопрос: что первично материя или дух? – в культурологии решается иначе, чем принято в повседневной жизни. В культуре первично значение и символ, а не вещь и материал. Материал, из которого изготовлена книга, в культуре вторичен, а первично содержание передаваемой информации, рассуждений, мысли» [11, с. 17].

Так как индивидуальная собственность, возникшая в сфере творческой, научной деятельности автора, изобретателя является частью культуры, это утверждение целиком и полностью относится и к сфере права интеллектуальной собственности и должно учитываться при принятии решения по спору сторон или вывода о необходимости наказания правонарушителя.

Юридическая ответственность в сфере права интеллектуальной собственности обусловлена рядом особенностей. Первой особенностью является то, что юридическая ответственность как правовой процесс возникает, развивается и получает логическое завершение в тесном взаимодействии с юридическими фактами процесса управления интеллектуальной собственностью, причём независимо от того, кто является субъектом управления – автор, изобретатель или коллективный орган и юридическое лицо.

Второй особенностью юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности является то, что юридическая ответственность обычно имеет дело с виной в форме умысла, причём умысел этот, как правило, прямой.

Третьей особенностью юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности является то, что юридическая ответственность в данной сфере направлена на защиту не прав лица на какую-либо материальную вещь, а «правомочия по запуску произведения в оборот, благодаря которому информация становится доступной для неопределённого круга лиц».

Т.В. Кашанина и А.В. Кашанин поясняют это тем, «что объектом отношений «интеллектуальной собственности» являются не какие-либо вещи (книга, магнитофонная лента и т. д.), а некие нематериальные образы, идеи» [12, с. 501].

Особенностью юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности является и сущность замысла законодателя и правоприменителя по целям и задачам применения методов императивного и диспозитивного в сравнении с применением этих методов в других обстоятельствах. Так, если при регулировании других правоотношений, императивный и диспозитивный методы применяются в целях обеспечения подчинённости или состязательности и равенства сторон, то в праве интеллектуальной собственности эти методы направлены скорее на согласование воли сторон правоотношения в целях достижения обоюдного согласия по делу.

Такова, например, мотивация Суда по интеллектуальным правам в деле о споре вокруг громкого имени-бренда «Гагаринский» между Е.Ю. Гагариной, дочерью первого в мире космонавта Юрия Гагарина, и владельцами торгового центра «Гагаринский». В этом споре фактически суд оставил представителям торгового центра два выхода – поменять название или договориться с правообладателями [13].

На этом фоне для правоприменителя научно-теоретический и практический интерес представляет вопрос о специфических особенностях причинно-следственных связей и отношений, возникающих между субъектами правоотношений в сфере права интеллектуальной собственности. Закономерным также является вопрос о рисках в сфере права интеллектуальной собственности, учитывать который необходимо по ряду позиций при проведении предварительного и судебного рассмотрения дела, принятия решения по юридической ответственности сторон.

Термин «риск» имеет разное смысловое наполнение в зависимости от сферы применения. Применение данного термина в сфере права интеллектуальной собственности выражает степень опасности возникновения событий, которые могут быть противоправными и повлечь неблагоприятные экономические, правовые, социальные и психоэмоциональные последствия для участников правоотношений.

По нашему мнению, требования российских законов призваны защищать не только объекты, обладающие какими-либо сугубо материальными аспектами и другими идентичными характеристиками, но и те, что имеют непосредственное отражение в сознании индивида, где образуется одну из наиболее глубоких сфер внутреннего духовного и эмоционального мира человека.

С точки зрения диалектического материализма истина есть соответствие человеческих представлений предметной природе воспринимаемых явлений, событий, вещей. Понятие истины связано со всеми направлениями знаний в сфере естественных и гуманитарных наук.

Согласно позиции Г.В.Ф. Гегеля, «... все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее – не абстрактно, не стоит само по себе, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собою, и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другими» [7, с. 301].

В области юриспруденции основой для понимания истины выступает практика. По своей сущности, повседневная работа органов дознания, предварительного следствия и суда предполагает установление истины, поскольку без этого невозможно достичь целей, стоящих перед всей правоприменительной системой.

В процессе складывания предпосылок наступления юридической ответственности, исследования доказательств и принятия решения на применение юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности работают как суды, принимающие реше-

ния и в других правоотношениях, так и специализированный Суд по интеллектуальным правам, созданный для рассмотрения споров только для субъектов правоотношений в сфере интеллектуальной собственности.

Специализация судов сферы права интеллектуальной собственности имеет философско-правовые причины, связанные с такими категориями, как форма и содержание. Эта связь очевидна при рассмотрении видов подразделения сферы права интеллектуальной собственности на направления: авторское право, права, смежные с авторскими правами, патентное право и т. д.

В авторском праве охраняются «юридически значимые» элементы, которые без разрешения автора использовать нельзя», – считает А.А. Бирюков [14, с. 12]. Исследователь констатирует, что к юридически значимым элементам произведения относится «художественная форма произведения, которая включает художественный образ, под которым в науке авторского права традиционно понимают внутреннюю форму произведения, т. е. специфическую для искусства форму отражения действительности, в которой воплощается специально созданный автором произведения объект, воздействующий на эстетические чувства зрителя, читателя, слушателя».

А.А. Бирюков вполне обоснованно солидарен с В.Я. Ионасом и по оценке значения языка произведения, «который трактуется в науке как внешняя форма произведения и отражает свойственные автору изобразительно-выразительные средства, а именно стиль, манеру изложения, логическую последовательность, расположение материала, совокупность иных творческих приёмов автора» [14, с. 12].

При обсуждении произведений в области литературы, музыки и искусства, неоднократно упоминается понятие «форма». Государству даже не требуется вводить специальные меры по признанию авторства, достаточно признать сам факт появления произведения в объективном виде и возможность его восприятия публикой. Практически не нужна специальная регистрация произведения, достаточно лишь в необходимых случаях защитить автора от умышленных противоправных действий, а иногда и от ошибочных решений. В этих случаях применяются авторско-правовую защиту.

Философски оценивая содержание рассуждений В.Я. Ионаса, можно сделать вывод, что в данном случае понятие формы оценивается многозначно: и как «градировка единого, и как внутренняя организация, способ связи элементов внутри системы, и как внутренняя и внешняя организация системы» [7, с. 420].

Отметим, что любое произведение искусства есть не система в действии, но изображённая силой авторского замысла и воображения модель действующей системы и поэтому пригодная для исследования социально-гуманитарными науками, в том числе философией и правом.

Если для авторского права основное значение имеет форма выражения замысла автора, то для патентного права такое значение заключается в содержании. Эта мысль подтверждается законодателем, который называет в статье 1 345 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в качестве патентных прав «интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» [15, с. 377].

Для обеспечения охраны этих трёх объектов патентного права законодатель потребовал, чтобы они являлись новыми и промышленно применимыми. Для изобретения необходимо ещё и наличие изобретательского уровня. Такая правовая позиция законодателя полностью согласуется с философским определением понятия «содержание», под которым в философии понимается «что» и «как», а именно – определяется то, что наполняет форму и из чего она осуществляется».

Условия патентоспособности промышленного образца позволяют утверждать о том, что в данном случае просматривается связь единых требований к произведениям авторского права и патентного права, а именно к

соблюдению как можно большей полноты соответствия формы и содержания.

Статья 1 352 ГК РФ определяет, что «в качестве промышленного образца охраняется художественно-конструкторское решение изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства, определяющее его внешний вид». Этот пример наглядно демонстрирует единство подхода законодателя по ряду направлений авторского и патентного права, а также к вопросу понимания диалектического единства формы и содержания.

Выводы:

- исходя из приведённых примеров, представляется возможным сформулировать определенную позицию о диалектике исследования юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности;

- во-первых, в качестве диалектического метода необходим выбор способа материалистического познания, основанный на применении диалектического метода мышления;

- во-вторых, все построения, принципы и способы мышления надлежит использовать, опираясь на основные законы и категории материалистической диалектики. Однако при этом необходимо помнить об изменении в развитии положений самой материалистической диалектики;

- в-третьих, детальное исследование применения юридической ответственности в сфере права интеллектуальной собственности на основе диалектического материализма позволит понять общие и особенные черты данной сферы права, а также специфические, только этому институту права присущие черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
2. Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 49–62.
3. Сырых В.М. Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // Современные методы исследования в правоведении. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 123–164.
4. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 544 с.
5. Затонский В.А. Эффективная государственность. М.: Юрист, 2006. 286 с.
6. Философия / под ред. В.Н. Лавриненко. М.: Юрист, 2004. 511 с.
7. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
8. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 575 с.
9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Инфра-М, 1999. 552 с.
10. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
11. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Собрание сочинений. Т. 42. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 17–75.
12. Кравченко А.И. Культурология. М.: Проспект, 2010. 496 с.
13. Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. 800 с.
14. Решение Суда по интеллектуальным правам от 27.07.2016 по делу N СИП-238/2016 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
15. Бирюков А.А. Авторское право в схемах. М.: Проспект, 2015. 80 с.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвёртая: текст с изм. и доп. на 1 мая 2012 г. М.: Эксмо, 2012. 672 с.

DIALECTICS RESEARCH IN THE FIELD OF LEGAL LIABILITY INTELLECTUAL PROPERTY

© 2016

E.A. Dzhaliyov, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime; legal liability; intellectual property; the dialectical method.

Abstract: The dialectical method of investigation of legal responsibility in the field of intellectual property. The author points out features of the study of offenses in the area of exclusive rights to results of intellectual activity.

О.Ю. Ельчанинова, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры
«Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: юридические лица; уголовная ответственность; уголовное законодательство; Уголовный кодекс; меры уголовно-правового принуждения; уголовная репрессия; правонарушение.

Аннотация: В статье исследуется проблема целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц в систему национального законодательства. В ретроспективном аспекте изучены доктринальные источники уголовного права, дана оценка отечественной практике закрепления норм, позволяющих применять уголовные санкции к корпоративным субъектам.

Сегодня проблема уголовной ответственности юридических лиц привлекает внимание представителей научной общественности, законодательной власти, правоприменительной деятельности. Проблемы, связанные с функционированием недобросовестных застройщиков и, как следствие, «обманутых дольщиков», экстремистских и террористических организаций, скрывающихся под вывеской юридического лица, с незаконным выводом капиталов за рубеж и др., остаются в ранге особо острых. В связи с принятием комплекса мер, направленных на противодействие преступлениям коррупционной направленности, все чаще можно услышать мнение о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц в систему национального законодательства. Данный институт уже получил закрепление во многих странах континентального и англо-саксонского права, в ряде государств Ближнего Востока (Ливан, Иордания, Саудовская Аравия) и Китае, в бывших советских республиках (Казахстан, Эстония, Латвия, Литва, Молдова, Грузия, Украина). К тому же мерам уголовно-правового воздействия на юридических лиц уже уделено достаточно места в целом ряде международных актов [1]. Все вышесказанное подтверждает актуальность выбранной проблематики.

В национальном законодательстве несмелые шаги по пути криминализации общественно опасных деяний юридических лиц уже делаются. Административное законодательство предусматривает ответственность юридических лиц за ряд административных правонарушений, в частности, ч. 1 ст. 2.10 Кодекса административных правонарушений Российской Федерации (далее – КоАП РФ) установил: «Юридические лица подлежат административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных статьями раздела II настоящего Кодекса или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях». Законодателем предусматривается возможность применения к юридическим лицам таких видов административных наказаний, как: 1) предупреждение; 2) административный штраф; 3) возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения; 4) конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения [2].

Уголовный закон РФ тоже имеет некоторые предпосылки к развитию системы мер уголовно-правового характера, применяемых к юридическим лицам за совершение ряда преступлений. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в ч. 3 ст. 104.1 закреплено, что имущество, полученное в результате совершения перечисленных в уголовном законе преступлений, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий [3].

Вместе с тем законодатель осознает, что внедрение данного института требует масштабных преобразований

правовой сферы и сопряжено с целым рядом сложностей, как теоретического (необходимость ухода от принципа индивидуализации, доминирующего в российском праве, пересмотра понятия виновности, правосубъектности и т. д.), так и практического (неясен механизм его реализации) характера.

Пока современные ученые и практики спорят о целесообразности введения данного института, обращение к истории показывает, что уголовная ответственность корпоративных сообществ существовала ранее, что подтверждает подавляющее большинство правовых актов древности. Например, статьи 36 Пространной редакции Русской Правды содержат положения о применении к верви наказания в виде дикой виры за укрывательство убийцы из числа своих членов либо за преступления, в которых преступник неизвестен, но все улики указывают на его нахождение в этой верви [4, с. 27–35].

В Соборном уложении 1649 г. за совершение ряда имущественных преступлений (татьбу, разбой), за укрывательство преступников, за недоносительство к городским и сельским общинам применялись меры уголовно-правового характера [5]. Так, в гл. 21 «О разбойных и татинных делах» в ст. 60–62 Уложения законодатель регламентирует процессуальные действия, проводимые при расследовании дел по укрывательству преступников и недоносительству. Лицо, уличенное в воровстве, пытали до тех пор, пока он не называл, кто знал его в том месте, где он был задержан. Предусматривалось два вида возможных показаний на пытке: преступник был известен всем жителям данного коллективного образования или злоумышленник был известен только части посада, села, деревни. После этого наказание (выплата штрафа в пользу государя и погашение иска потерпевшим) накладывалось либо на все население корпоративных сообществ, либо на его часть. Как видно, в Соборном уложении государственная власть в целях пресечения злоупотреблений со стороны корпораций и устрашения коллективных сообществ применяла к ним уголовные санкции, дабы «а вором бы, татем и разбойником нигде прибежища не было» [6, с. 371–372]. В то же время, уже просматривается воля законодателя наказывать именно тех, кто знал и укрывал преступника.

Коллективная ответственность воинских подразделений предусматривалась и в Воинском артикуле 1715 г. Так, артикул 97 устанавливал ответственность всей части «...полки, или роты, которые с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть...» [7, с. 170].

С середины XIX в. законодатель в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение) закрепляет нормы, позволяющие применять уголовные санкции к юридическим лицам. В частности, было санкционировано применение денежного взыскания: к обществу, когда их должностные лица, виновные в присвоении или растрате, были не в состоянии возместить причиненные убытки; к рекрутским участкам за нарушение

ние правил постановки рекрутов на учет и взыскания рекрутских повинностей (ст. 511–515); к сельскому обществу за укрывательство военных беглецов, если беглец не был обнаружен и приведен к начальству самим обществом (ст. 528); к семьям за укрывательство беглых рекрутов, отданных на службу из того же селения или городского податного общества (ст. 529); к еврейскому обществу за укрывательство военных беглецов из евреев, если оно само не обнаружило беглеца и не предоставило его начальству (ст. 530); к обществам, которые вторично отпустили по паспортам или свидетельствам немощных лиц (по старости, дряхлости, болезни и проч.) и те впоследствии были изобличены в прощении милостыни (ст. 985) [8, с. 135–136, 139–140, 251–252, 263].

В доктринальных источниках уголовного права того времени были распространены суждения, как настаивающие на сохранении уголовно-правовой ответственности юридических лиц, так и не признающие ее допустимости.

И.А. Покровский, не исключая уголовную ответственность юридических лиц, считал, что юридическое лицо представляет собой живое продолжение физических лиц, а воля и личность физических лиц как бы продолжает жить в создаваемых ими образованиях [9, с. 158].

В трудах Н.С. Таганцева просматривается неоднозначная позиция относительно понимания субъекта преступления. Таковым, по его мнению, может быть только лицо. Однако понятие «лицо» не должно сводиться только к физическим лицам. Их объединение помогает понять правовую природу и юридических лиц. Ученый полагает, что вопрос о возможности их уголовной ответственности может вносить неопределенность и произвол в решение установления объема их наказуемости. Вместе с тем Н.С. Таганцев допускает применение мер уголовно-правового характера к корпорациям за отдельные виды преступлений, в первую очередь имущественного характера [10, с. 8].

С точки зрения Н.А. Неклюдова, юридические лица за причиненный вред должны привлекаться к имущественной ответственности, а уголовному наказанию должны подлежать лишь те их члены, которые лично причастны и виновны в совершении преступления [11, с. 23].

По мнению А.Ф. Бернера, только человек может быть субъектом преступления. Государство, общины, корпорации не являются таковыми, поскольку они есть не что иное, как отвлеченные образы [12, с. 339].

Н.Д. Сергиевский утверждал, что, признавая допустимость уголовных санкций против корпораций, тем самым допускается нарушение основного принципа уголовного права «каждый отвечает только за то правонарушение, которое лично совершил» [13, с. 164].

Таким образом, можно констатировать, что большинство дореволюционных исследователей представляли юридических лиц всех категорий как продукт юридического вымысла. По их мнению, уголовная ответственность всегда обуславливается виновностью лица, наличием реальной, а не фиктивной воли, правоспособностью, способностью осознавать последствия совершаемого деяния и др. Деяния же юридических лиц являются проявлением особой формы коллективной вины или разновидности соучастия [14, с. 369–372].

Советский период практически исключил возможность для каких-либо научных дискуссий относительно юридической природы рассматриваемого института уголовного права. В условиях господства плановой экономики с ее «государственными» юридическими лицами данный вопрос решался однозначно отрицательно.

Временем возвращения к дискуссии можно считать 1990-е гг., когда в разрабатываемые тогда проекты УК РФ вносились предложения о мерах уголовно-правового характера, применяемых к юридическим лицам. В частности, ст. 106 проекта УК РФ 1994 г. предусматривала основания для привлечения юридического лица к уголовной ответственности:

1. Неисполнение или ненадлежащее исполнение закона, устанавливающего обязанность и запрет на осуществление определенной деятельности;

2. Осуществление деятельности, не соответствующей учредительным документам или объявленной цели;

3. Совершение преступного деяния в интересах юридического лица либо его допущение, санкционирование, одобрение, использование органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом [15].

Проект вводил такие санкции, как штраф, запрет заниматься определенной деятельностью, ликвидация юридического лица. В качестве одного из дополнительных наказаний предусматривалась конфискация имущества. Как известно, в принятом УК РФ 1996 г. эти положения отсутствуют.

Итак, проведя ретроспективный анализ законодательства и правовых доктрин, резюмируем.

1. В рассматриваемый период российское уголовное право признавало допустимость уголовной ответственности юридических лиц. В большей части нормы об уголовной репрессии корпоративных субъектов формировались в контексте преследования за укрывательство преступлений, прежде всего экономической направленности.

2. Законодательная практика свидетельствует о том, что нередко уголовный закон рассматривается как единственное и универсальное средство решения всех проблем, преувеличивая значение уголовной репрессии и недооценивая значение санкций гражданского и административного права.

3. В современной России реставрация мер уголовно-правового принуждения юридических лиц нередко диссонирует с требованиями национального законодательства и традиционными уголовно-правовыми доктринами виновной ответственности. Санкционируя введение уголовной ответственности юридических лиц, следует помнить, что, являясь самостоятельным субъектом правоотношений, корпоративное лицо не может действовать без воли людей. Однако вина, то есть психическое отношение лица к совершаемому деянию, представляет собой несвойственное для юридического лица состояние, а предлагаемые для него меры наказания не исключают, что страдают от них будут сотрудники, кредиторы, которые не владели информацией о правонарушении.

4. Аппелируя к зарубежному опыту в попытках создать эффективный инструмент борьбы с противоправными действиями юридических лиц, не следует забывать и о том, что в ряде стран отсутствует институт административной ответственности. Поэтому то, что в России именуется административной ответственностью, там относится к так называемому малому уголовному праву или к уголовной ответственности за незначительные преступления и т. п.

Это неполный перечень проблемных вопросов, которые возникают и еще будут возникать вокруг дискуссии относительно теории фикции и целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 06.07.2016: с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1-1. Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 06.07.2016 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Кутьина Г.А., Новицкая Т.Е., Чистяков О.И. Отечественное законодательство XI–XX веков: XI–XIX века. Ч. 1. М.: Юрист, 1999. 464 с.
5. Памятники русского права: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / сост. Е.Г. Баскако-

- ва, И.Д. Мартысевич, К.А. Софроненко, О.И. Чистяков, С.И. Штамм. Вып. 6. М.: Госюриздат, 1957. 504 с.
6. Абрамович Г.В., Ивина Л.И., Маньков А.Г., Миронов Б.Н. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л.: Наука, 1987. 448 с.
7. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. М.: ПРОСПЕКТ, 2008. 472 с.
8. Свод законов уголовных. Кн. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. 509 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003. 351 с.
10. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга 1. Учение о преступлении. Вып. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1878. 324 с.
11. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб.: Рус. кн. торговля, 1875. 200 с.
12. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб.: Изд-во Н. Неклюдова, 1865. 664 с.
13. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть особенная. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. 196 с.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть) / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М, 1994. 560 с.

EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN DOMESTIC LEGAL DOCTRINES XVII–XIX CENTURIES

© 2016

O.Yu. Elchaninova, PhD in History, associate Professor, head of the department
“Theory and history of state and law”
Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: legal entities; criminal liability; criminal law; the Criminal Code; measures under criminal law enforcement; criminal repression; violation of law.

Abstract: The article examines the problem of the feasibility of the introduction of criminal liability of legal persons in the system of the national legislation. In a retrospective aspect studied doctrinal sources of criminal law, estimated domestic practice fixing standards to apply criminal sanctions to corporate entities.

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРВИЧНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА СОСТОЯНИЕМ ПРЕСТУПНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

© 2016

Р.В. Закомолдин, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и уголовный процесс»
Филиал Самарской гуманитарной академии в г. Тольятти, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: преступность военнослужащих; состояние преступности военнослужащих; статистический учет преступлений военнослужащих; статистические наблюдения; первичные статистические данные.

Аннотация: Статья посвящена проблеме искажения первичных статистических данных о состоянии преступности военнослужащих.

Сегодня в России, как отмечают специалисты, имеет место несоответствие реального и регистрируемого уровня преступности среди военнослужащих.

Так, В.В. Лунеев еще в 2005 году отмечал, что личный состав Вооруженных Сил РФ сократился в сравнении с 1992-м годом на 66,6 %, а уровень преступности военнослужащих – лишь на 36,6 % [1]. И.М. Мацкевич на тот период также констатировал, что преступность военнослужащих по сравнению с 1992 годом увеличилась в среднем на 24 %. При этом, подчеркивает автор, характерно, что рост преступности наблюдается практически по всем показателям: в 1,6 раза увеличилось количество преступлений, повлекших тяжкие последствия; групповая преступность – 8%; против гражданского населения – 13 %; в состоянии алкогольного или наркотического опьянения – 180%; в караулах и внутренних нарядах – 122 %; на почве неуставных взаимоотношений – 74 %. Неблагоприятная тенденция имеет место и в структуре совершаемых военнослужащими преступлений: растет количество убийств – 200 %; причинение тяжкого вреда здоровью – 250 %; изнасилований – 150 % [2].

За период с 2008 по 2010 г. интенсивно шли процессы сокращения численности армии, в связи с чем количество военнослужащих уменьшилось с 2,5 до 1,4 млн человек. При этом численные показатели совершаемых военнослужащими преступлений и осужденных военнослужащих оставались стабильно высокими. Так, по данным В.В. Лунеева, в 2008 г. военнослужащими было совершено 20 425 преступлений (из них 10 436 воинских и 9 989 общеуголовных), осуждено 11 046 военнослужащих, в 2009 г. – совершено 17 116 (7 148 и 9 968), осуждено 10 538, в 2010 г. – совершено 14 123 (5 205 и 8 918), осуждено 9 659 соответственно [3].

При этом, по официальным данным Верховного Суда РФ, в 2008 году в армии было совершено 10 625 преступлений и осуждено 10 807 военнослужащих, в 2009 г. – 10 070 и 10 333, в 2010 г. – 8 697 и 9 146 соответственно [4].

Сегодня при численном составе армии в 1 млн человек статистика преступлений среди военнослужащих также неблагоприятна. По данным Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, за январь-май 2012 г. военными следователями зарегистрировано свыше 4,1 тыс. преступлений, почти половину из них (более 1,8 тыс.) составили преступления против военной службы (в том числе, самовольное оставление части, неуставные отношения, неисполнение приказов, повреждение или утрата военного имущества и т. д.). В оставшейся части отмечается значительный рост количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, убийств и покушений на убийство, а также преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [5]. По данным Генпрокуратуры РФ, в 2012 году преступность в армии составила 11 032 преступления (в том числе в Вооруженных Силах – 9 005, во внутренних войсках Министерства внутренних дел (далее –

МВД) – 832, в воинских формированиях Министерства чрезвычайных ситуаций (МЧС) – 53). При этом общеуголовные преступления впервые доминировали над специальными воинскими из расчета 3:1 [6]. По данным Федеральной службы российской статистики за последние 5 лет имеет место положительная динамика к снижению преступности военнослужащих. Если в 2010 г. было зарегистрировано 5 225 преступлений, то в 2014 г. – 3 044, а за 6 месяцев 2015 г. – 1 413 [7].

В связи с этим остро ставится вопрос о достоверности данных статистических наблюдений, прежде всего, первичного учета. Специалисты отмечают заинтересованность субъектов статистического наблюдения в его результатах, ведомственный характер статданных, а также жесткую зависимость от статданных о состоянии преступности в оценках эффективности работы правоохранительной системы [4; 8; 9]. Желая продемонстрировать свою способность контролировать преступность и эффективно ее предупреждать, субъекты часто ведут направленно-выборочный учет преступлений, о которых им стало известно; регистрируют мелкие, легко раскрываемые преступления и преступления, получившие публичную огласку и вызвавшие общественный резонанс; укрывают трудно раскрываемые преступления; укрывают преступления из карьеристских побуждений и т. п.

Помимо этого, имеют место и объективные негативные факторы, искажающие данные первичных статистических наблюдений. Во-первых, по-прежнему имеет место разрозненный и противоречивый учет, когда различные ведомства ведут свою статистическую отчетность (МВД России, Следственный комитет России, Генеральная прокуратура РФ и др.). Во-вторых, сегодня армия стала в значительной мере обособлена в правоохранительной сфере. С созданием военной полиции полностью замкнулась система военных правоохранительных и судебных структур, что отнюдь не способствует объективному и достоверному обнародованию статистических данных о реальном положении дел с воинской дисциплиной в Вооруженных Силах РФ, иных войсках и воинских формированиях.

Таким образом, помимо проблем должной и эффективной законодательной регламентации уголовной ответственности военнослужащих по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации, необходимо параллельно решать организационные и криминологические проблемы должного выявления и учета преступлений, совершаемых военнослужащими. Важно не замалчивать проблему реального состояния воинской преступности, а выявлять ее и противодействовать ей. Ложная уверенность в позитивном состоянии дел не менее опасна для боеспособности и боеспособности армии, а в итоге для национальной безопасности страны, чем сама преступность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

2. Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих // Черные дыры в российском законодательстве. 2002. № 1. С. 84–161.
3. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. 872 с.
4. Ермолович Я.Н. Статистика в военно-уголовном праве // Военное право: электронный научный журнал. 2016. URL: voennoepravo.ru.
5. Независимая газета. 2012. 7 ноября.
6. Доклад Генпрокурора РФ Юрия Чайки в Совете Федерации РФ по итогам работы органов прокуратуры в 2012 году // Российская газета. 2013. 3 июня.
7. По данным Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
8. Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М.: Волтерс Клувер, 2006. 96 с.
9. Лунеев В.В. Юридическая статистика. М.: Юрист, 2007. 394 с.

TO THE QUESTION OF THE VALIDITY AND EFFECTIVENESS OF THE PRIMARY STATISTIC OBSERVATION THE SITUATION OF THE MILITARY PERSONNEL CRIME

© 2016

R. V. Zakomoldin, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the chair “Criminal law and criminal procedure”

The branch of Samara Humanitarian Academy in Togliatti, Togliatti (Russia)

Keywords: military personnel crime; the situation of the military personnel crime; statistical data of the military personnel crime; statistic observation; primary statistic observation.

Abstract: The article deals with the problem of distortion of primary statistical data on the situation of the military personnel crime.

Ключевые слова: преступление; международная борьба с преступностью; международное право; международное уголовное право; конвенция; Международная организация уголовной полиции; Интерпол.

Аннотация: В статье исследуются наиболее спорные вопросы международного взаимодействия государств в области борьбы с преступностью. Тема, затронутая в статье, касается в основном существования международного уголовного права как такового и спора ученых по данному вопросу.

Международное право в современных реалиях содержит в себе массив норм для регулирования, казалось бы, внутригосударственных проблем, таких как преступность. С развитием транспортной инфраструктуры и технологических новшеств, которыми пользуются преступники, государствам не справиться с преступниками, которые совершают преступление на территории одного государства, а затем перемещаются в другое и там переживают период розыска и уголовного преследования. В таких условиях государства были вынуждены сообща бороться с этим новым вызовом. Более того стали появляться преступления, которые затрагивают несколько стран, например, наркотрафик.

Для борьбы с трансграничными преступлениями государства заключают большой массив различных норм международного права, это и конвенционные нормы, нормы региональных договоров, а также нормы двусторонних договоров. Обычно сотрудничество в этой области, прежде всего, идет по направлению двусторонних соглашений, что сейчас все больше набирает обороты. Распространение получили такие двусторонние договоры, как договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам, о выдаче преступников, передача осужденных государству их гражданства для отбывания наказания. Для координации совместных действий в конкретной области обычно заключаются и межведомственные договоры.

Региональный уровень сотрудничества обычно представляется каким-либо объединением государств географического региона, таким как, например, Совет Европы, Организация американских государств, Лига арабских государств, Африканский союз. Эти организации, как и входящие в них государства, заинтересованы в безопасности региона, поэтому в рамках их происходит подписание множества конвенций. В рамках Совета Европы действуют конвенции: о выдаче преступников 1957 года [1], о взаимной правовой помощи по уголовным делам [2], о международном признании судебных решений по уголовным делам [3] и др. СНГ как региональная международная организация так же имеет несколько договоров в рамках борьбы с преступностью, это, например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [4] и др.

Международное сотрудничество продолжается и на международном уровне на основе многосторонних договоров. Все началось на Венском конгрессе в 1815 году и до настоящего момента процесс подготовки международных многосторонних договоров по борьбе с преступностью не завершен. В рамках всего международного сообщества государств действуют такие договоры, как Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года [5], Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года [6], Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года [7], Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года [8] и др.

В настоящее время массив международных норм, регулирующих международное сотрудничество в борьбе с преступностью, принято называть международным

уголовным правом. В истории международного права период появления международного уголовного права был ознаменован появлением интернациональной преступностью, которая грозила правопорядку каждого государства и всех государств мира в целом. Сам термин «международное уголовное право» появился на стыке XIX и XX веков и первоначально к нему относились юридические нормы о взаимопомощи государств «при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения» [9, с. 150]. Это было в основном связано с международным общением преступников, затрагивающих интересы нескольких стран, например, работорговля, фальшивомонетничество и др.

Вторая мировая война породила военные преступления, на которые невозможно было не отреагировать, поэтому были созданы уставы международных военных трибуналов (Нюрнбергского и Токийского), а впоследствии и трибунала по бывшей Югославии, а затем и по Руанде. Римский статут возродил к жизни Международный уголовный суд. Потом потребовался международный орган или организация, которая бы занималась преследованием международной преступности в мировом масштабе, это привело к созданию Международной организации уголовной полиции (Интерпола) в 1956 году [10].

Сам термин «международное уголовное право» в отечественной науке не является общепризнанным, некоторые ученые считают, что об этом говорить преждевременно, поскольку все нормы и институты, относящиеся к этому термину, пока не закончили свое становление. На данный момент нет единого взгляда на составы международных преступлений и назначение наказания, пока это относится к внутригосударственному правовому регулированию. Но есть и другая точка зрения, которая не относит международное уголовное право ни к национальному уголовному праву, ни к международному праву, а считает, что оно должно относиться на основании своих особых предмета правового регулирования и неординарных методов правового регулирования к отдельной самостоятельной отрасли права.

В любом случае данная самостоятельная или комплексная отрасль права – международное уголовное право – проходит стадию своего становления, приобретает все более свойственные ей индивидуальные черты.

Действительно, практика и теория убеждают нас, что вопросы уголовного права, возникающие в области международных отношений, иногда неразрешимы с точки зрения уголовных законов конкретной страны.

Международное уголовное право включает в себе совокупность юридических норм, определяющих условия международной судебной помощи государствам друг другу при осуществлении ими своей карательной власти в области международного общения.

Отсюда следует, что, во-первых, порядок осуществления государствами карательной власти внутри страны, определяемый ее национальными законами, составляет основание уголовной международной судебной помощи, так как она предполагает существование нормального порядка уголовного правосудия в государствах и без такового невозможна.

Во-вторых, условия и размеры взаимной судебной помощи, оказываемой государствами друг другу в сфере уголовного правосудия, могут быть лучше всего определены международными соглашениями. Соглашения государств дополняют и изменяют территориальный порядок осуществления карательной власти согласно целям, которые ставят себе государства в области международного уголовного права.

Международное сотрудничество государств составляет основу международного права и его части международного уголовного права. О том, как должно строиться международное сотрудничество на пути борьбы с преступностью, ученые международники ведут научную полемику давно.

Почти все существующие международные соглашения в рамках международного уголовного права касаются почти исключительно выдачи преступников, не разрешая других, не менее важных вопросов международного уголовного права, а также ввиду пробелов и противоречий в уголовных законах, необходимо установить независимый от них теоретический масштаб для правильного понимания международной уголовной деятельности государств.

Необходимо разрешить вопросы:

1. Какие права и обязанности имеют государства в преследовании уголовных правонарушений, место совершения или действие которых выходят за пределы их территорий?

2. На каком основании и в каких размерах обязаны государства оказывать обоюдную судебную помощь в преследовании уголовных преступлений?

Теоретики уголовного и международного права отвечают различным образом на эти вопросы. Укажем вкратце на главные воззрения.

1. Наиболее простой представляется теория, исходящая из принципа территориального действия уголовных законов.

Уголовно-карательная власть государства, утверждающая защитники этой теории, ограничивается пределами государственной территории. Отсюда следует, что все преступления, совершенные в этих пределах, и только они, подлежат наказанию на основании территориальных уголовных законов. Преступления, совершенные за границей государства, собственными ее подданными или иностранцами, против него самого или против частных лиц, иностранцев или подданных, юрисдикции его ни в каком случае не подлежат и наказаны им быть не могут.

Основание исключительно территориального действия уголовных законов усматривают в понятии о суверенитете, который принадлежит каждому независимому государству. Каждое государство, в силу своей самостоятельности и суверенности, подчиняет своим законам и суду всех лиц, законно находящихся на его территории; но вместе с тем ни одно государство не вправе распространять свой суверенитет на территории других таких же, как и оно, независимых государств.

2. Несообразности практических последствий территориального принципа заставили юристов расширить его и выставить как общее правило обязанность и право государства наказывать не только за преступления, совершенные на его территории, но и преступления, совершенные его гражданами за границей. Такое вполне необходимое расширение уголовной компетенции государства получило научное обоснование в теории личной подчиненности граждан отечественным уголовным законам.

Сущность учения о личном действии уголовных законов заключается в следующем: уголовные законы обязывают не только территориально, но и лично на том основании, что они определяют, какие действия должны быть расценены как несовместные с достоинством гражданина. Таким образом, уважение отечественных уголовных законов есть условие пользования правом

гражданства, и тот гражданин, который не соблюдает их за границей, совершает действие, противоречащее праву, и потому должен быть наказан в государстве его гражданства.

3. В тесной связи с предыдущей теорией находится другая, защищаемая преимущественно французскими юристами. Они доказывают право государства карать своих граждан за преступления, совершенные на иностранной территории, правом граждан на защиту и покровительство со стороны своего государства во время их пребывания за границей.

4. Позднее юристы старались соединить и примирить территориальный принцип с личным в так называемом реальном принципе действия уголовных законов.

Учения о территориальной и личной уголовной компетенции определяют пространство действия уголовных законов, имея в виду субъективную сторону преступления. Они разрешают вопрос: кто может быть субъектом преступления, ответственным по законам страны? С точки зрения территориального принципа, это все граждане, постоянные и временные (иностранцы), живущие на государственной территории. Личный принцип распространяет карательную власть, кроме того, на граждан, находящихся за границей. Напротив, защитники реального принципа берут за исходную точку объективную сторону преступления и совершенно справедливо говорят, что государство карает за нарушение установленного им правового порядка, кто бы ни был преступником. Анализ объектов преступного действия и решает вопрос, как далеко простирается уголовная власть государства.

Совокупность прав или благ, охраняемых уголовным законом, состоит: 1) из объектов, которые находятся на государственной территории и могут сделаться предметом преступного посягательства, и 2) из объектов, принадлежащих государству или его гражданам и защищаемых его уголовным законом, где бы эти объекты ни находились.

Соответственно этому пространство действия уголовных законов может быть определено, с точки зрения реального принципа, двояким образом:

1) границами территории: все преступления, направленные против благ или прав, осуществляемых в пределах государственной территории, подлежат территориальной уголовной юрисдикции;

2) принадлежностью, непосредственно или посредственно, прав или благ государству. С этой точки зрения, посягательство иностранца на имущество гражданина, живущего за границей, наказуемо по законам отечества потерпевшего, ибо личность эта принадлежит своему государству.

Обе точки зрения расширяют еще далее карательную власть государства, нежели личный принцип, защищая карательную власть государства не только по отношению к гражданам, пребывающим за границей, но также иностранцам, совершившим преступления не на его территории.

Посмотрим, насколько состоятелен реальный принцип в каждом из видов его понимания.

Существенное отличие той и другой точки зрения заключается в том, что реальная теория, основывающаяся на принципе территориальном, исключает применение карательной власти государства к иностранцам, совершившим преступления против его граждан, находящихся за границей; напротив, теория реальная (национальная), исходящая из понятия о государственной принадлежности объектов преступного действия, эту компетенцию признает.

Итак, в практическом своем действии первая теория приводит к тому несправедливому последствию, что иностранцы, совершившие убийство, грабеж и т. д. над гражданами государства за границей, должны остаться безнаказанными, укрывшись на его территории, потому что не здесь совершили преступление и не здесь находились в

момент преступления объекты преступного нападения. Таким образом, права иностранца за границей будут лучше охранены, нежели гражданина, так как последний за преступления против иностранца на чужой территории отвечает в своем государстве в качестве гражданина. Между тем нет основания государству лишать своих подданных за границей охраны отечественных уголовных законов, принимая во внимание, что права граждан, где бы они ни находились, всегда остаются частью его юридического порядка, который охраняется его уголовным законом. Тем более несправедливо отказывать им в этой охране, что сами они и на чужой территории обязаны уважать отечественные уголовные законы.

Обязанности же этой должно соответствовать право на уголовную защиту своего государства. Рассматриваемое учение, очевидно, слишком умаляет уголовно-правовые обязанности государственной власти сравнительно с такими же обязанностями граждан.

Но и те учения, которые развивают реальный принцип на основе принадлежности нарушенных прав государству, безотносительно к месту нахождения субъектов этих прав, как, например, национальная теория, точно так же вызывают различные недоразумения.

Определяя пространство действия уголовных законов, защитники национального принципа говорят, что государство, как политический организм, должно иметь территорию, в пределах которой для всех обязательны местные уголовные законы. Но, кроме того, государство есть также в этом смысле уголовный закон национален: он следует, подобно *statutum personale*, повсюду за подданным и не только обязывает к уважению национального юридического порядка, но и дает гражданам защиту на чужой территории против всех, кто бы его ни нарушал.

Но можно возразить, что то, что справедливо по отношению к личным правам, не может быть распространено на уголовный закон. Уголовный закон не есть *statutum personale* уже потому, что преступление почти всегда более связано с местом своего совершения, нежели с отечеством виновного лица. Если территориальный уголовный закон (*forum delicti commissi*) иначе определяет состав преступления, нежели национальный закон, то последний ни фактически, ни юридически не может найти применения.

Из вышесказанного видно, что реальный принцип не разрешает того вопроса, который он задался разрешить: вопроса об объеме обязанности и права государства наказывать иностранцев за преступления, совершенные за границей.

5. Еще шире понимает уголовную компетенцию государства теория универсального действия уголовных законов или космополитическая теория, которая, по видимому, вполне соответствует современному широкому развитию международных сношений.

Согласно этой теории, вопрос не в том, какое государство имеет право наказывать и какого преступника, но в том, чтобы никакое преступление не осталось ненаказанным.

Универсальный принцип развивает идею, что каждое государство вправе и обязано всегда и всякого карать за совершенное им преступление, без отношения к месту его совершения и гражданству преступника, ибо всякое преступление есть посягательство на общий правовой порядок, обнимающий все государства.

Теория эта, без сомнения, стоит на весьма возвышенной точке зрения – универсального господства порядка и права. Но она не имеет под собой положительной почвы. Не у всех даже цивилизованных народов существуют тождественные уголовные законы, и не все, что считается преступным в одном государстве, будет незаконным во всех других. Да и по отношению к преступным деяниям, как убийство, воровство и пр., не для каждого государства существует обязанность суда над преступником. Положим, лицо, обвиняемое в поджоге, совершенном на

отечественной территории, бежит и скрывается за границей. Если преступник будет открыт, то может быть речь только о выдаче его своему государству и вообще об оказании последнему надлежащей судебной помощи в преследовании виновного. Между тем, с универсальной точки зрения государство должно не только содействовать раскрытию преступления и его наказанию, но и исполнять обязанности за другого в сфере уголовного правосудия.

Но в особенности космополитическая теория грешит против основного положения современного международного права, что не все государства на земном шаре состоят между собой в правильном общении, и потому нельзя их обязывать преследовать всякое нарушение права.

Недостатки, присущие главным теориям международного уголовного права, заставили некоторых юристов отказаться вовсе от научного обоснования права и обязанности государства содействовать другим в осуществлении карательной власти. Не выставляя никакого общего руководящего принципа, они предоставляют решение каждого отдельного случая усмотрению заинтересованного государства, в особенности чувству его дружелюбия к тем или другим правительствам, которым нужна судебная помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейская Конвенция о выдаче ETS N 024. Париж, 13 декабря 1957 г. // Гарант: информационно-правовая система. URL: constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541059/.
2. Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS N 30. Страсбург 20 апреля 1959 г. // Гарант: информационно-правовая система. URL: base.garant.ru/2541058/.
3. Европейская Конвенция о международном признании судебных решений по уголовным делам ETS N 70. от 28 мая 1970 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: docs.cntd.ru/document/1902297.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Минск 22 января 1993 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: docs.cntd.ru/document/1900189.
5. Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года. Женева, 20 апреля 1929 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: docs.cntd.ru/document/1000001473.
6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года: принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года // Конвенции и соглашения. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.
7. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года: принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // Конвенции и соглашения. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml.
8. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года: принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года // Конвенции и соглашения. URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml.
9. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. II. М.: Зарцало, 2008. 251 с.
10. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпола) 1956 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: docs.cntd.ru/document/1901939.

ON INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME

© 2016

O.M. Ivanova, candidate of legal sciences, associate professor of the chair
“Criminal procedure and criminalistics”
Tolyatti State University, Tolyatti (Russia)

Keywords: crime; the international fight against crime; international law; international criminal law; the Convention; the international criminal police organization; Interpol.

Abstract: The article examines the issues of international cooperation in the fight against crime. The topic raised in the article, mainly concerns the existence of international criminal law as such and scientists dispute on the matter.

ПРИПИСЫВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ – ПРИПИСЫВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ПО КОНЦЕПЦИИ АСКРИПТИВИЗМА Г.Л.А. ХАРТА)

© 2016

С.Н. Касаткин, кандидат юридических наук, профессор кафедры
«Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: действие; ответственность; Г.Л.А. Харт; аскриптивизм; социальные понятия.

Аннотация: В статье исследуется понятие действия и его связь с ответственностью в лингво-аналитической концепции британского философа и правоведа Герберта Харта. Обсуждается тезис мыслителя о социальном (аскриптивном) характере понятия действия, противопоставленный его трактовке как описания эмпирического факта. Анализируется концепция приписывания ответственности Харта, ее ограничения, а также возможности ее переформулирования в свете авторской доктрины аскриптивизма.

В традиционном (обыденном, юридическом, моральном и пр.) дискурсе идея ответственности тесно связана с идеей действия. При этом само понимание действия остается весьма дискуссионным, а различия его трактовки задают различные перспективы концептуализации ответственности. Исходя из этого, в данном сообщении обратимся к обсуждению понятия действия, как оно представлено в доктрине аскриптивизма британского философа и правоведа Герберта Харта (1907–1992), и разберем заявляемый им тезис о связи приписывания действия и вменения ответственности.

Заявленная тематика разбирается мыслителем в ряде его работ, начиная с (ключевого здесь) очерка 1949 года «Приписывание ответственности и права» [1], где вопрос о трактовке понятия действия является центральным. Как отмечалось ранее [2; 3], методологически Харт подходит к обсуждению данного вопроса с позиций аналитической лингвистической философии с ее постулатом о важности анализа (прежде всего обыденного) языка для решения философских проблем и смещением исследовательских акцентов со спекулятивной онтологии на рефлексию речевых практик сообщества. Более конкретно, Харт реализует также проект «лингвистической феноменологии» (в духе Дж.Л. Остина) [4, с. 208] или «дескриптивной социологии» [5, с. 7], согласно которому анализ языка, существующих здесь конструктов, связей и оппозиций, выступает ключом к познанию отраженного в языке социального мира.

В этом контексте британский философ обсуждает и понятие действия, обращаясь к разбору характерных высказываний обыденного и юридического языка: «Я сделал это», «Вы сделали это», «Он сделал это» и пр. Как известно, он провозглашает аскриптивный и отменяемый статус понятия (глаголов) действия, а также аскриптивную функцию соответствующих утверждений, производящих, по его мнению, приписывание ответственности: «...Наше понятие действия... есть понятие социальное и логически зависимое от принятых правил поведения. Оно... не является описательным понятием, но по природе аскриптивно. И оно является отменяемым понятием, подлежащим определению посредством исключений, а не через совокупность необходимых и достаточных условий, физических или психологических» [1, с. 362]. «...Предложения «Я сделал это», «Вы сделали это», «Он сделал это» суть... первичные высказывания, посредством которых мы признаем или допускаем обязанность, выдвигаем обвинения или приписываем ответственность» [1, с. 360].

Для более четкого уяснения позиции Харта рассмотрим ее в свете одного из известных в философии вопросов: «Что отличает физическое движение человеческого тела от человеческого действия?». Традиционный и наиболее распространенный ответ на данный вопрос базируется на понимании действия как *объективного эмпирического факта* – движения тела человека (или мышечного сокращения), вызванного некой психологи-

ческой причиной: волей, намерением, решением и т. п. [1, с. 361; 6]. Отсюда ответом на наш вопрос будет указание на соответствующий *акт воли*. Именно акт воли лица, порождающий соответствующие движения его тела, и позволяет разграничивать движение и действие. В этом контексте человеческое действие, как эмпирический факт, полагается доступным описанию с точки зрения закрытых логических формул («языка необходимых и достаточных условий» применения понятия), а право рассматривается как система понятий, описывающих такие эмпирические факты и связывающих с ними юридические следствия [1, с. 344–345].

В отличие от традиционного воззрения, Харт отстаивает иную позицию. Согласно философу, человеческое действие не является описательным понятием, т. е. понятием, имеющим собственные прямые или эксклюзивные эмпирические референты. Оно является понятием аскриптивным (социальным, нормативным) и отменяемым (презуптивные и неопределимые через закрытые формулы).

Что означает тезис о *социальном* характере понятия действия? Как полагаем, Харт апеллирует к известной в философии дифференциации естественных (природных) и социальных классов [7]. В отличие от естественных, т. е. эмпирических понятий, социальные понятия *производны от социальных институтов* и норм, извлекают из них свое значение. Их референты не сводимы к материальной фактологии и не выводимы из нее, но существуют лишь благодаря социальной практике, «нормативной перспективе». В ее контексте наблюдаемые эмпирические данности наделяются нужными социальными характеристиками, что обеспечивает – через механизмы аскрипции – конституирование реальности «вторичных», социальных или институциональных, фактов [8, с. 56–57].

По сути, именно об этом и говорит британский философ, когда проводит *аналогию между действием и собственностью*. Собственность – это социальное понятие. Оно не сводимо к каким-либо эмпирическим объектам, приобретающим статус собственности лишь в определенной системе отношений, норм, лингвистических конвенций: «Собственность не является описательным понятием, и различие между предложениями «Это часть земли» или «Смит удерживает часть земли», с одной стороны, и предложениями «Это чья-то собственность» и «Смит владеет частью собственности», – с другой, нельзя объяснить без обращения к неописательным [аскриптивным] высказываниям, посредством которых провозглашаются правовые нормы и принимаются решения, или... посредством которых признаются права... Также и разница между предложениями «Его тело двинулось в насильственное соприкосновение с телом другого» и «Он сделал это» (например, «Он ударил ее») нельзя объяснить без обращения к неописательному употреблению предложений, посредством которых приписываются обязанности или ответственность. Что является в кор-

не неправильным... [в традиционном анализе действия, так]... это ошибочное отождествление... значения неописательного высказывания, приписывающего ответственность..., с фактическими обстоятельствами, которые подкрепляют такое приписывание или являются для него надлежащими основаниями» [1, с. 362].

Таким образом, в свете рассуждений Харта различие между движением и действием видится более фундаментальным, чем это предлагается традиционной доктриной. Данное различие обусловлено разницей типов используемых понятий, установок и языков и лежит в области социальной, институциональной нормативности. Действие – понятие социальное, аскриптивное, сопряженное с вменением нормативного статуса определенным эмпирическим данностям (конструированием фактов «второго порядка»).

Приведенный тезис Харта напоминает сходные рассуждения в философии, идущие от Л. Витгенштейна и его примеров с *игрой в шахматы* [9]. Что такое шахматная игра? Как распознать или определить шахматный ход? Можно ли свести его к передвижению шахматной фигуры по расчерченной на черно-белые квадраты доске? Как отличить шахматный ход от случайных передвижений фигуры игроком? От передвижения фигур новичком, актером, ребенком, человеком, не имеющим представления о шахматах, роботом и пр.? Можно ли утверждать, что, передвигая по доске фигуры так, как это делают шахматисты, они также играют в шахматы? Очевидно, что для подобного утверждения сходства внешних движений не достаточно. Ход шахматиста – это скорее определенное их видение, возможное только в рамках определенного нормативно-лингвистического контекста практики сообщества («игры в шахматы») и только для тех, кто владеет или знаком с присущими ей правилами, конвенциями, системами квалификаций. Вне этого у нас нет критериев для разграничения простых передвижений шахматных фигур и шахматного хода: «...Для того, кто не знает, что означает «сделать ход в игре», сообщение о том, что происходит, когда «делаются ходы», вообще не будет иметь смысла, и наблюдение по сути не дает представления о том, что происходит... Значение [высказывания]..., через которое мы сообщаем о действиях на шахматной доске, таким образом зависит от факта, что мы разделяем с вовлеченными в эти действия некую практику, т. е. ... форму жизни тех, кто следует определенным правилам социального взаимодействия...» [10, с. 444–446].

Пример шахматного хода также и демонстрирует отстаиваемую Хартом социальную природу понятия действия: «Термин «действие» закрепляется за ситуациями, когда то, что делает индивид, в надлежащих обстоятельствах может быть предметом моральной оценки... Так же, как мы обеспечиваем фон при осмыслении телесного поведения играющих в шахматы, мы обеспечиваем и сложные основания... в понимании поведения друг друга в качестве действия. Этот практический контекст имеет принципиальный характер... В его отсутствие мы используем холодный язык... физиологов..., а с ним мы способны участвовать в словоупотреблении, посредством которого мы вменяем ответственность индивидам, когда относимся к ним как к личностям или моральным деятелям... При обычном использовании предложений о действиях мы приписываем ответственность..., мы вменяем индивиду нашу общую моральную форму жизни» [11, с. 523, 539–540].

Подчеркивая социальный характер понятия действия, Харт при этом в очерке 1949 года связывает его «первичное», т. е. наиболее типичное и характерное, употребление (в противовес описанию эмпирических фактов) с *приписыванием или вменением ответственности*. Что же, согласно автору, происходит, когда в суде или в быденной жизни используются предложения типа «Он сделал это», например, когда заявляется: «Он ударил ее?»

Во-первых, полагает Харт, отвечая на вопрос «Кто это сделал?» («Кто ударил ее?»): «Это сделал Смит», мы обычно не рассматриваем такой ответ как составное утверждение о том, что имело место физическое движение тела Смита и что в сознании Смита произошло некое психическое событие (намерение или решение нанести удар). По мысли философа, в случае такой ссылки на психологические события, мы присоединили бы к нашему ответу что-то еще. Наоборот, в данной ситуации высказывание «Он ударил ее» представляет собой *смесь факта и нормы*, т. е. приписывание ответственности, обоснованное фактами. Наблюдаемые движения тела Смита – это те обстоятельства, которые, в отсутствие возражений, подкрепляют аскриптивное утверждение «Он сделал это» или являются для него надлежащими основаниями [1, с. 362–363].

Во-вторых, приписывание ответственности носит *отменяемый*, т. е. презумптивный и оспоримый характер. Как отмечает Харт, утверждение «Смит ударил ее» может быть оспорено как через отрицание материальных фактов («Нет, это был Джонс, а не Смит»), так и через апелляцию ко множеству иных доводов и обстоятельств – возражений или исключений (например, что он ударил ее «случайно», «по невнимательности», «перепутав человека», «в рамках самообороны», «вследствие провокации», «психического расстройства» и пр.). Такие исключения способны полностью или частично аннулировать основанное на фактах первоначальное утверждение [1, с. 363], что еще раз показывает нефактуальный характер действия и сложность нормативных оснований приписывания.

В-третьих, Харт указывает на *инверсивность и разнородность «психологических» возражений*, которые в традиционной доктрине рассматриваются как знаки отсутствия общего и необходимого элемента действия («намерения», «осознания» и т. п.). Согласно автору, в обыденном (да и в юридическом) словоупотреблении, о действии обоснованно говорят при наличии наблюдаемых фактов и в свете определенных социальных презумпций и конвенций. Вопросы же психологического плана возникают лишь в особых речевых контекстах, а общие формулировки психологического элемента понятны и уместны лишь как сводки соответствующих и весьма разнородных возражений: «...Когда мы приписываем человеку некое действие, вопрос о том, произошло ли психологическое «событие», возникает вовсе не в этой предлагаемой утвердительной формулировке, но в форме исследования того, относится ли к данному делу какое-либо из... возражений, смягчающих ответственность. Кроме того, когда дается более конкретное описание предполагаемого общего психического элемента, обычно выходит так, что он является чем-то совершенно специфичным, характерным лишь для особого вида действия и вовсе не образует существенного элемента любых действий» [1, с. 364–365].

В данном случае Харт, по сути, использует идею *исключающих терминов* Дж.Л. Остина, таких как «настоящий», «свободный» и пр. Такие термины не имеют собственного внеконтекстного содержания и применяются в речи для исключения различных противоположных характеристик. (Так, выражение «настоящая утка» употребляется, чтобы исключить те разнообразные аспекты, в которых что-то является не настоящей уткой, а, например, чучелом, игрушкой, картинкой, приманкой и т. д.) [11, с. 192–193]. Сообразно этому Харт интерпретирует, например, слово «намеренный»: «...Легко поддаться иллюзии, что точное и удовлетворительное «определение» [действия] можно сформулировать с помощью таких понятий, как «намеренность», ибо логическая природа подобных слов аномальна и неверно истолкована. В приведенных определениях они рассматриваются в качестве слов с положительным эффектом, однако... слово «намеренный» (“voluntary”) на самом деле служит для

того, чтобы исключить разнородный ряд ситуаций, таких как физическое принуждение, принуждение посредством угроз, несчастные случаи, ошибки и т. д., а не для того, чтобы обозначать некий психический элемент или состояние. Равным образом и слово «ненамеренный» (“*involuntary*”) не означает отсутствия такого психологического элемента или состояния» [1, с. 352–353].

В-четвертых, Харт указывает на *непродуктивность поисков* некоего *подлинного действия*, отделенного от его последствий и речевых квалификаций (когда требуется корректура традиционного языка и вместо неточного «Он выстрелил в него случайно» предлагается говорить: «Он выстрелил из ружья» (действие в строгом смысле) и «Пуля попала в человека» (последствия действия)). По мысли философа, такая позиция ведет к нежелательным парадоксам: «Если ситуации несчастного случая должны быть разобраны на подлинное действие *плюс* непреднамеренные последствия, тогда... обычное действие должно быть разложено на подлинное действие *плюс* намеренные последствия. С этой точки зрения выстрел из ружья будет включать в себя нажатие на курок *плюс*..., а нажатие на курок – взведение курка пальцем *плюс*... Так что в итоге единственными «подлинными действиями» (если таковые вообще существуют) будут минимальные движения, осуществимые нашим телом, когда уже ничто не «может» пойти не так» [1, с. 366].

В-пятых, Харт подчеркивает *практическую ограниченность психологического критерия*, не объясняющего лингвистических границ между (пусть и случайным) действием и другими явлениями: «Если я целюсь в столб, и ветер сносит мою пулю так, что она попадает в человека, говорят, что я попал в него случайно, но если я целюсь в столб, попадаю в него, а пуля затем рикошетит в человека, будет говорить, что это вообще не было моим действием. Вместе с тем, ни в том, ни в другом случае, я не принимал какого-либо решения совершить то, что произошло, у меня не было к этому желания или намерения» [1, с. 364–365].

Изложенный подход Харта представляется интересным, значимым и во многом обоснованным. Заявляемая им доктрина аскриптивности понятия действия вскрывает общий механизм социального приписывания и конструирования институциональной реальности. Как и в отношении иных социальных понятий, у понятия действия нет каких-либо универсальных, логически унифицированных эмпирических референтов. Оно употребляется, когда для этого есть надлежащие основания. (В этом плане в литературе иногда говорится, что Харт определяет не ответственность через действие, а наоборот, действие через ответственность: действие приписывается лицу, если это проистекает из соответствующих социальных правил, стандартов вменения ответственности [13].

При этом трактовка Харта предлагает скорее усложнение прежней модели действия и смену ракурса его концептуализации. Действия интерпретируются с внешней точки зрения, с точки зрения сообщества. В структуре социального приписывания автор ставит акцент на наблюдаемые положения дел, тогда как «психологические состояния» выступают в качестве возможных «возражений», результатов или иных элементов вменения. Однако это, как полагаем, не означает исключения психологического элемента из общей концептуализации действия. Скорее речь здесь должна идти о соответствующей смене его статуса в системе приписывания, тем более, что во многих сообществах психологические элементы играют здесь ключевую роль: действие понимается как нечто, что субъект или лицо реализует с точки зрения собственного плана действий (включая бездействие) [6].

Вместе с тем обратим внимание на противоречивость позиции Харта, когда употребление понятия действия мыслится именно как приписывание ответственности. Согласно собственным критериям философа – практике реального словоупотребления – такая связка вовсе не

обязательна, даже при использовании предложений типа «Он сделал это» в обыденном и в юридическом дискурсе. Примеры обратного есть и в самом тексте 1949 года: заключение договора, передача или признание прав (имущества), составление завещания и т. д. [1].

В этом плане видится в целом оправданным (хотя и не единственно возможным) переосмысление аскриптивности понятия действия, сложившееся в западной литературе. Согласно такой трактовке, приписывание ответственности при употреблении понятий действия возможно при осуждающих моральных или правовых оценках. Однако подобное осуждение является исключением: обычно, говоря о действиях (кто-то «выпил вино», «только что приехал» и т. д.), мы описываем то, что было сделано, но не вменяем ответственность. Отсюда Харт, по-видимому, пал жертвой «плохого выбора примеров», взяв в качестве стандартного случая дурной поступок, когда мужчина ударил женщину, тогда как в отношении сотен намеренных и совершенно обычных действий сказать, что некто совершил X, как правило, не означает принятие квазиправовой или квазиморальной позиции. Вполне возможно, что понятия правовых или судебных действий подразумевают ответственность или что наш словарь включает ряд «глаголов виновных (*faulty*) действий», используемых прежде всего в характерных «предложениях о виновных действиях». Это утверждения, согласно которым лицо заслуживает порицания или наказания за то, что он сделал, или высказывания, которые выражают осуждение, приписывая лицу совершение действия, так или иначе неподобающего или дефектного. Хорошим примером здесь служит понятие убийства, в которое «встроено» порицание или ответственность, в связи с чем утверждать, что А убил В, означает заявлять, что действие А было совершено ответственно. Но в повседневных обстоятельствах утверждение, что А совершил X, не образует подобного заявления. И хотя всегда можно спросить, ответственно ли лицо за совершенное действие, отрицательный ответ не отменяет утверждение, согласно которому лицо фактически совершило действие X, именно потому, что в повседневных обстоятельствах понятие ответственности не включено в определение понятия X [14, с. 178–180].

Как полагаем, отождествление приписывания действия и вменения ответственности не является необходимым для аскриптивной концепции Харта. Здесь возможно и, полагаем, предпочтительна более широкая и взвешенная точка зрения (присекающая, например, из авторской аналогии приписывание действия и приписывание собственности, как схожих социальных понятий, укорененных в институциональных практиках, стандартах и дискурсах). В этом контексте отстаиваемую Хартом ответственность скорее следовало бы мыслить, например, как «авторство», т. е. как вменение действия субъекту и т. п. [3, с. 232]. Присутствуя в очерке 1949 года, такой подход четко не обособлен, оставаясь на периферии трактовки понятия действия как вменяющего ответственности – по сути, частного случая данного подхода. А если так, то рассмотренные дефекты вполне доступны прояснению и корректировке, а их исправление отнюдь не подрывает общей состоятельности базовой авторской доктрины аскриптивизма.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00804.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. С. 343–367.
2. Касаткин С.Н. Приписывание прав и ответственности в концепции Герберта Л.А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 83–89.

3. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. 472 с.
4. Остин Дж. Принесение извинений // Три способа пролить чернила: философские работы. СПб.: Алетейя, 2006. С. 200–231.
5. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
6. Харт Г.Л.А. Акты воли и ответственность // Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 241–270.
7. Харт Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции // Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. С. 369–402.
8. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 56–74.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
10. Оглезнев В.В. Является ли «действие» дескриптивным понятием? // Антропология права: философский та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників Міжнародного «круглого столу». Львів: Галицький друкар, 2010. С. 442–449.
11. Melden A. Action // Philosophical Review. 1956. Vol. 65. № 4. P. 523–541.
12. Остин Дж. Смысл и сенсibiliи // Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 141–244.
13. Paprzycka K. Social Anatomy of Action. Toward a Responsibility-Based Conception of Agency. Ph. D. Dissertation. Pittsburgh, 1997. 260 p.
14. D'Almeida L.D. Description, Ascription and Action in the Criminal Law // Ratio Juris. 2007. Vol. 20. № 2. P. 170–195.

ASCRPTION OF ACTION – ASCRPTION OF RESPONSIBILITY (BASING ON H.L.A. HART'S CONCEPTION OF ASCRIPTIVISM)

© 2016

S.N. Kasatkin, candidate of law, professor at the Department of theory and history of state and law
Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: action; responsibility; H.L.A. Hart; ascriptivism; social concepts.

Abstract: The article explores a concept of action and its relation to responsibility in the linguistic-analytical conception of a British philosopher and jurist Herbert Hart. It discusses the thinker's thesis about a social (ascriptive) character of a concept of action, opposed to its interpretation as a description of empirical fact. The article also analyzes Hart's conception of ascription of responsibility, its limits as well as possibilities of its reformulation through the author's doctrine of ascriptivism.

**СВЯЗЬ И СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

© 2016

В.М. Корнуков, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; права личности; общественные интересы; личные интересы; коллизия интересов; совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Аннотация: В статье рассматриваются правовые аспекты связи и соотношения общественных и личных интересов в сфере уголовного судопроизводства. Под углом зрения обеспечения прав отдельных участников уголовно-процессуальной деятельности анализируются изменения, вносимые в УПК РФ. Выявляются и на конкретных примерах демонстрируются содержащиеся в них коллизии общественных и личных интересов. Формулируются предложения по их устранению.

Правовое регулирование общественных отношений призвано обеспечивать должный порядок в обществе, содействовать развитию общества и личности. Чрезвычайно важным аспектом правового регулирования является определение взаимоотношений личности, общества и государства, соотношения общественных и личных интересов в правоприменительной практике.

Для правовой науки эти проблемы всегда были первостепенными, потому что от их решения зависит не только технико-юридическое содержание действующего законодательства, но и его социальная значимость. В литературе они, как правило, освещаются с учетом социально-политической обстановки в стране, мировоззренческих представлений, господствующих в обществе. Так, в советское время в обществе и соответственно в законе в числе первых в системе социальных ценностей стояли государственные, общественные интересы. Человек, гражданин, личность широко декларировались в качестве приоритетной ценности, тем не менее, когда речь заходила о выстраивании системы социальных ценностей и структурировании интересов, то личные интересы всегда следовали за государственными и общественными. Эта схема была исходной для всего советского законодательства. В основе такого подхода лежала идея удовлетворения личных интересов посредством и через государственные и общественные интересы. Человек – часть общества, и он может быть обеспечен и счастлив только при условии, если обеспечено и счастливо общество. Гармонизация общественных и личных интересов по этой схеме предполагала приоритет социальности человека.

Уголовно-процессуальное право как неотъемлемая часть советского права не могло не отвечать этим взглядам. Обслуживая общественные отношения, сложившиеся в стране к началу 2-й половины XX в., Уголовно-процессуальном Кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1960 г. при регламентации уголовно-процессуальной деятельности, определении ее задач, методов и способов их выполнения исходил из культивировавшийся в то время идеи первостепенной значимости государственных и общественных интересов, с обеспечением которых увязывалось удовлетворение и обеспечение интересов отдельного человека, отдельной личности. Отсюда задачи уголовного судопроизводства определялись, прежде всего, посредством закрепления требования раскрытия каждого преступления, установления во всех случаях лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние. Кроме того, в них включались такие общественно значимые аспекты, как укрепление законности в обществе, воспитание граждан в духе соблюдения норм права и нравственности (ст. 2 УПК РСФСР). Соответствующим образом законодатель выстраивал и регламентировал систему принципов уголовного процесса и деятельность по выполнению указанных задач. Как известно, в законе не было упоминания о принципах презумпции невиновности, состязательности, в существенно ограниченных пределах действовал принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, расплывчатыми выглядели положения,

касающиеся обеспечения чести, достоинства и неприкосновенности личности. Они явно не соответствовали международно-правовым требованиям и стандартам в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. При осуществлении целого ряда процессуальных действий не соблюдались права заинтересованных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Например, не всякий подозреваемый в совершении преступления человек мог воспользоваться услугами адвоката, нельзя было обжаловать действия и решения органов предварительного расследования в суд. Ни потерпевшему, ни обвиняемому при ознакомлении с материалами уголовного дела не разрешалось копировать их, использовать при этом соответствующие технические средства. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения допускалось на основании только одной общественной опасности преступления, которое вменялось в вину обвиняемому, и т. д. Тем не менее всё это большинством ученых и практиков воспринималось как вполне нормальное и допустимое явление, поскольку в основе законодательной регламентации уголовно-процессуальной деятельности превалировал общественный, публичный интерес.

Возведя в ранг первоочередной и основной социальной ценности права и свободы человека, постперестроенное законодательство подвергло сомнению идею гармонизации личных и общественных интересов. Человек стал декларироваться в виде бога, которому «поклоняется» всё остальное: государство, общество, производство, экономика и т. д. Если раньше развитие и совершенствование государства, общества, общественных отношений рассматривались как залог и основа развития и совершенствования человека, обеспечения его личных запросов и интересов, то теперь в качестве основного звена общественного прогресса предстает человек, на которого работает все: общество, государство, все государственные и общественные институты. Такое представление о взаимоотношениях общества и личности, общественных и личных интересов тоже не лишено лукавства. Если раньше система отношений «общество – человек» закрепощала человека оковами зависимости от государственных и общественных институтов, «винтиком» которых он был, то теперь идеализированный, обожествленный человек, незаинтересованный в развитии общественных институтов, во многом предоставлен самому себе, правда, с надеждой, что весь остальной социум «вращается» вокруг него и для него. Эта идеальная модель на деле оказывается не лучшей той, на смену которой она пришла.

Человек как социальное существо не может быть независимым от общества, от общественных интересов. Известное утверждение, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, в полной мере относится и к определению соотношения личных и общественных интересов в праве, в правовом регулировании, в том числе касающемся уголовно-процессуальной деятельности. Утверждая в ст. 6 УПК РФ, что защита прав и законных интересов лиц и организаций от преступлений

является назначением уголовного судопроизводства, законодатель имеет в виду права и интересы не отдельного человека или отдельной организации, а одновременно всех людей, всех предприятий, учреждений и организаций, т. е. публичный уровень прав и интересов. Права и интересы конкретной личности в этом случае включаются в общественный интерес, приобретает публичный характер. Хотим мы того или нет, но личность, ее права и интересы могут быть удовлетворены и защищены только в том случае, когда должным образом обеспечиваются и защищаются общественные интересы. Общественные интересы, общественная безопасность определяют возможность удовлетворения личных интересов и обеспечения личной безопасности. Следовательно, положение, закрепленное в ст. 2 Конституции РФ, – это своеобразный лозунг, под которым власть обещает и должна управлять страной и обществом. Личность, ее права, свободы и законные интересы определяют правовую регламентацию взаимоотношений государства, человека и гражданина постольку, поскольку это позволяют общественные, государственные интересы на том или ином этапе развития общества.

Баланс общественных и личных интересов вообще трудноуловим, а в уголовном судопроизводстве особенно, ввиду того, что стремление найти и обеспечить привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, всегда связано с риском ограничения прав, свобод и законных интересов других лиц, в том числе непричастных к совершенному преступлению. Кроме того, в практической деятельности при реализации этих задач всегда довлеет ответственность за неустановление виновного, т. е. за нераскрытие преступления, что обременяет чашу весов не в пользу личности.

Безусловно, обновленное российское уголовно-процессуальное законодательство, основываясь на идее естественного происхождения основных прав и свобод человека, приоритете прав и свобод личности в отношениях с государством и обществом, существенно изменило правовую регламентацию уголовно-процессуальной деятельности и многих сторон процессуального статуса лиц, принимающих участие в ее осуществлении. Прежде всего, УПК РФ дал новое определение задач уголовного судопроизводства. Они в большей мере отражают социальное назначение уголовного процесса и сформулированы с учетом конституционной трактовки общественной значимости прав, свобод и интересов личности. Закон достаточно четко определил правовую базу уголовного судопроизводства, запретил применение при этом федеральных законов, противоречащих ему; предусмотрел главу о принципах, возвел в их ранг требование об уважении чести и достоинства личности, охране прав и свобод человека и гражданина, презумпцию невиновности, право на обжалование процессуальных действий и решений. Особую ценность в рассматриваемом плане имеет закрепление в законе принципа состязательности и ограничение возможности возвращения из суда уголовного дела для его доследования. Эти правила, во-первых, ставят процессуальные стороны в более или менее равное положение в суде, где они имеют возможность ссылаться на материалы уголовного дела и имеющиеся в их распоряжении доказательства, не боясь изменения доказательственной базы в случае признания судом ее недостаточности, как это было ранее. Во-вторых, они делают уголовный процесс более «прозрачным», обязывающим для сторон и менее продолжительным по времени.

Важной составляющей новой доктрины регламентации уголовно-процессуальных отношений является существенное расширение прав и возможностей граждан, вовлекаемых в уголовный процесс, на обжалование действий (бездействия) и решений соответствующих должностных лиц и органов. Это положение в действующем УПК РФ приобрело значение одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства (ст. 19). Теперь

не только участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, чьи права и интересы затрагиваются производимыми процессуальными действиями, вправе обжаловать действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора, как в общем порядке, так и в суд.

Немаловажное значение для обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве имеет практическая реализация в уголовно-процессуальном законодательстве конституционной идеи о правообеспечительной роли правосудия, распространение ее на досудебное производство по уголовным делам. Закрепление в УПК РФ (ст. 29) правила, согласно которому применение в качестве меры пресечения заключения под стражу и домашнего ареста, продление срока действия этих мер пресечения, производство целого ряда других следственных и процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности, только по судебному решению, выступает серьёзным барьером, способным при определённых условиях исключить необоснованное стеснение участников уголовного судопроизводства. Тем же эффектом обладают и многие другие нововведения, получившие закрепление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, содержание которого продолжает подвергаться изменению практически постоянно. За 15 лет действия УПК РФ было принято около двухсот законов (иногда очень больших по объёму), изменяющих и дополняющих его содержание.

К сожалению, нормативное оформление многих законодательных новшеств, в том числе и последних, вызывают серьёзную озабоченность. Некоторые из них нередко не согласуются с принципиальными положениями российского уголовного судопроизводства, в том числе с принципами юридического равенства, равноправия сторон и создают искусственные препятствия для реализации прав лиц, прямо заинтересованных в исходе уголовного дела. Кроме того не является секретом, что практическое применение даже самых лучших в рассматриваемом плане норм существенно отличается от их доктринального выражения в законе и соответствующих намерений законодателя. Так, довольно активно проводившаяся в последнее время законотворческая деятельность по совершенствованию отдельных элементов правового статуса потерпевшего [1–3] позволяла воспринимать это как устойчивую осознанную тенденцию к признанию его в качестве полноправного участника уголовного процесса, соотносимого по своему влиянию на соответствующую деятельность с подозреваемым и обвиняемым. Однако на деле оказалось далеко не так. Статья 249 УПК РФ, допускающая судебное разбирательство уголовного дела в отсутствие потерпевшего без выяснения причин его неявки в суд, до сих пор действует в первоначальной редакции. Введённая Законом РФ от 3 июля 2016 г. новая разновидность Особого порядка уголовного судопроизводства (гл. 51.1 УПК РФ), предусматривающая освобождение подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела или уголовного преследования и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, даже не упоминает о мнении потерпевшего по существу осуществляемой при этом деятельности и необходимости его выяснения. Нет ничего по этому вопросу и в ст. 25.1 УПК РФ, введённой тем же законом, в которой изложены основания применения указанного выше порядка уголовного судопроизводства. Видимо, предполагается, что потерпевший в этих случаях должен довольствоваться тем, что ему возмещён либо иным образом заглажен причинённый преступлением вред. Возможно, это сделано для того, чтобы исключить совпадение вновь вводимого основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования с основанием, предусмотренным ст. 75 УПК РФ. Но там должно быть примирение, которого здесь не требуется. Это совер-

шенно самостоятельное основание, обусловленное только категорией преступления и возмещением вреда, причиненного преступным деянием, рассчитанное на случаи, когда потерпевший, как жертва преступного деяния, не возражает против возмещения вреда, но не готов к примирению с обвиняемым.

Поскольку интересы потерпевшего в уголовном процессе как представителя стороны обвинения не исчерпываются взысканием вреда, причиненного преступлением, его мнение не должно полностью игнорироваться при прекращении уголовного дела или уголовного преследования, особенно связанном с освобождением подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности. Представляется, что решение следователя и дознавателя, предусмотренное в ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, следовало бы увязать с отсутствием возражения против этого со стороны потерпевшего. В судебном разбирательстве, где, надо отдать должное законодателю, участие потерпевшего признаётся обязательным, а рассмотрение дела в его отсутствие допускается только при неявке без уважительных причин, мнение этого участника будет учитываться судом по общим правилам уголовного судопроизводства.

Не менее актуален рассмотренный аспект регламентации нового порядка уголовного судопроизводства и применительно к подозреваемому и обвиняемому. По закону требуется их согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования и применение порядка, предусмотренного гл. 51.1 УПК РФ. Но в законе не упоминается об их отношении к вменяемому им в вину преступному деянию. Хотя, судя по последствиям принимаемого судом решения, они фактически признаются виновными в совершении этого деяния. Ведь нельзя же наказывать судебным штрафом невиновное лицо. В связи с этим возникает вопрос: может ли быть применён порядок судопроизводства, предусмотренный гл. 51.1 УПК, к случаям, когда подозреваемый, обвиняемый возместил или загладил иным способом вред, причиненный преступлением, но виновным себя в совершении преступления не признаёт? Такое поведение обвиняемого на практике встречается. Например, Евгений Дод, обвиняемый в растрате чужого имущества, возместил корпорации 73,2 млн рублей, но виновным себя в совершении преступных действий не признал [4]. Думается, что такие ситуации не вписываются в порядок, регламентированный гл. 51.1 указанного акта, даже при отсутствии на то соответствующего возражения подозреваемого или обвиняемого.

В свете изложенного обстоятельства, связанного с признанием вины и виновности, порядок, предусмотренный главой 51.1 УПК РФ, призванный облегчить положение лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, посредством исключения из их биографии признака судимости, вряд ли оправдывает замысел авторов этой идеи. Потому что сведения об отсутствии юридической и присутствии фактической судимости у этих лиц будут сопровождать их всю жизнь, поскольку найдут отражение в документах спецслужб Министерства внутренних дел Российской Федерации и всегда будут отражаться в запрашиваемых у них и выдаваемых ими справках о наличии (отсутствии) судимости. Любой юрист может заведомо предсказать педагогическую, воспитательную и другую подобного рода судьбу человека, прошедшего рассматриваемый институт.

Достаточно выразительно отмеченная выше тенденция законотворческой и правоприменительной деятельности проявилась в одном из последних, по существу «скандальном», случае обращения в Конституционный Суд жительницы Челябинской области Алёны Лымарь, обвиняемой в убийстве своей дочери, с жалобой о лишении её права на суд с участием присяжных заседателей [5]. Кстати, о том же, с точки зрения буквального толкования п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, может идти речь и о мужчинах старше 65 лет, а также о несовершеннолетних. Вопрос о дискриминации указанной категории граждан

в связи с лишением их права на суд присяжных был обусловлен произошедшим в 2013 г. [6] перераспределением подсудности уголовных дел. Все дела, ранее рассматриваемые областными и другими равными им судами, по которым в соответствии с Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертная казнь (именно к таковым относится уголовное дело Лымарь), были отнесены к подсудности районных судов, где отсутствует указанная выше форма правосудия. Таким образом, гуманное по своей сути законодательное новшество в определённой части вылилось по существу в ограничение Конституционного права обвиняемых. Попытки оправдать создавшуюся ситуацию тем, что право быть судимым судом с участием присяжных не относится к числу основных прав человека, а является лишь одной из возможных процессуальных гарантий, которые законодатель устанавливает по своему усмотрению (позиция представителей администрации Президента, Госдумы и Генпрокуратуры), или что не менее эффективной формой судебной защиты является рассмотрение дела коллегией из трёх судей (мнение представителя Верховного суда РФ), ничего не меняют. Если у человека согласно Основному закону страны есть право быть судимым за совершение определённого противоправного деяния судом присяжных (кстати, Конституция РФ это право не связывает с полом, возрастом и другими свойствами человека), то ему и решать вопрос о возможности и целесообразности использования этого права для защиты своих интересов при его обвинении в совершении соответствующего преступления. Всё остальное от лукавого.

Многие наши беды обусловлены излишним, во многих случаях беззащитным и беспечным навязыванием представлений о том, что хорошо и что плохо, знаний о том, как жить, какие и когда использовать права и т. д. За таким, внешне заботливым, подходом к людям нередко стоят (скрываются) совсем иные, не всегда искренние интересы, сводящиеся к оправданию существующей действительности, правовой неопределённости, а то и несправедливости. Нередко почва для такого подхода создаётся самим законодателем, что и проявилось в рассматриваемом случае, потому что признак, определивший подсудность указанной группы уголовных дел, в законе сформулирован как минимум некорректно. Отсутствие угрозы назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, при нынешней регламентации случаев применения этих уголовно-правовых средств, не может использоваться в качестве основного критерия определения подсудности уголовных дел. Поэтому весьма уместной и чрезвычайно важной для регулирования уголовно-процессуальных отношений является позиция Конституционного Суда РФ, выраженная им по этому вопросу при обосновании решения по делу Лымарь. Отметив, что дискреция федерального законодателя в регулировании правоотношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при конкретизации предписаний статей 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 21, 46 (часть 1), 47 (часть 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции РФ, в том числе касающихся суда с участием присяжных заседателей как законного состава суда по уголовным делам применительно к определённым категориям преступлений, действовать правомерным образом, Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель при этом «не вправе допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена» [6].

Учитывая отмеченные и другие обстоятельства, Конституционный суд РФ признал положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ в той мере, в какой в

системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК РФ, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4). Федеральному законодателю предписано – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженной правовой позиции – внести в УПК РФ изменения, обеспечивающие женщинам реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как это право определено Конституцией РФ, на основе принципов юридического равенства и равноправия сторон и без какой бы то ни было дискриминации.

С объективной точки зрения необходимо исправлять создавшуюся ситуацию. Сделать это с точки зрения законодательного оформления не сложно. Надо из п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ убрать соответствующий текст, размером в три строки, указанные выше уголовные дела (в том числе дела о преступлениях несовершеннолетних) [7] останутся в подсудности краевых, областных и им равных судов и всё встанет на свои места. Эти дела не станут большой обузой для деятельности областных и равных им судов. Тем более что рассмотрение указанной категории дел с участием присяжных заседателей носит вариативный характер и осуществляется по ходатайству обвиняемого.

Высказанное предложение по устранению рассматриваемого противоречия УПК РФ Основному закону рассчитано на период до 1 июня 2018 г., потому что с указанной даты вступает в силу Федеральный закон от 23 июня 2016 г., которым вводится двухуровневая система судов с участием присяжных заседателей [8]. По этому акту уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 105 ч. 2, 277, 317 и 357 УК РФ, по которым в соответствии с положениями УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также уголовные дела в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 будут рассматриваться судьей районного суда, гарнизонного военного суда и коллегией из шести присяжных заседателей.

Что касается самой идеи реформирования суда присяжных и выведения его на уровень районного звена судебной системы, то ее законодательное воплощение нельзя не поддержать. Хотя в этом есть определенные проблемы, поскольку суд присяжных в Российской Федерации стал своеобразной «сверхценной идеей», которую то активно развивают, то до активно «сворачивают»

до потери ею какой-либо социальной значимости. Поэтому данная тема заслуживает отдельного самостоятельного освещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Российская газета. 2010. № 5376. 31 декабря.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Российская газета. 2010. № 6271. 30 декабря.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора: Федеральный закон РФ от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ // Российская газета. 2015. № 6642. 6 апреля.
4. Федосенко В. Премия на миллионы // Российская газета. 2016. № 223. 4 октября.
5. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 г. N 6-П г. Санкт-Петербург // Российская газета. 2016. № 6919. 11 марта.
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 217-ФЗ // Российская газета. 2013. № 6139. 26 июля.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 16-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А.Филимонова» // Российская газета. 2014. № 6396. 4 июня.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 190-ФЗ // Российская газета. 2016. № 7007. 28 июня.

COMMUNICATIONS AND RELATION PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE RIGHT TO SECURITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2016

V.M. Kornukov, doctor of legal sciences, professor, professor of the chair “Criminal procedure and criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal justice; individual rights; public interests; personal interests; conflict of interest; improvement of criminal procedural law.

Abstract: The article examines the legal aspects of the relationship and the ratio of public and private interests in criminal proceedings. At an angle of view of the rights of individual participants in criminal procedure analyzes the changes made to the Code of Criminal Procedure. Identified and specific examples demonstrated they contain conflict of public and private interests. Formulates proposals for their elimination.

**ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

© 2016

Н.А. Макарова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
«Теория и история государства и права»
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Ключевые слова: принуждение; государство; правонарушение; правовая аномалия; угроза.

Аннотация: Рассматривается вопрос об определении оснований применения государственного принуждения. Определяется роль правонарушения как ключевого основания применения государственного принуждения. Анализируются взаимосвязь и соотношение категорий «государственное принуждение», «правонарушение», «правовая аномалия». Формулируются выводы об основаниях применения государственного принуждения на современном этапе развития Российского государства.

Государственное принуждение как одна из наиболее важных категорий теории права и государства долгие годы остается предметом пристального внимания со стороны исследователей. Однако, несмотря на то, что как в прошлом веке, так и за последние годы по вопросам, связанным с особенностями государственного принуждения издано немало научных трудов, в настоящий момент нельзя говорить о том, что данная тема полностью исчерпана. Неразрешенными остаются многие важные проблемы, среди которых выработка общепризнанного определения понятия государственного принуждения, формулирование его признаков, определение форм и оснований применения государственного принуждения и многие другие.

Рамки статьи не могут позволить затронуть все спорные моменты, связанные с исследованием государственного принуждения на современном этапе развития Российского государства. Поэтому предметом нашего рассмотрения станет один из вышеназванных аспектов, а именно вопрос об основаниях применения государственного принуждения.

Государственное принуждение в современном правовом государстве опосредовано правом, применяется в целях поддержания общественного и правового порядка, защиты прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому бесосновательное применение мер принуждения является не только не желательным, но и недопустимым.

Сказанное означает, что применение государственного принуждения всегда имеет под собой конкретные основания. Кратко остановимся на том, какие взгляды по поводу возможных оснований применения государственного принуждения находили отражение в отечественной научной литературе.

В целом ретроспектива таких взглядов позволяет говорить о том, что ряд исследователей (преимущественно советского периода) видит единственно-возможным основанием государственного принуждения совершение лицом правонарушения. Другие полагают, что во многих случаях принудительные меры могут и должны быть применимы не только в случае совершения правонарушения, но и для предотвращения потенциально возможных правонарушений (такой подход к определению оснований применения государственного принуждения условно можно именовать широким).

Считаем необходимым сразу сделать оговорку о том, что позиция сторонников второго (широкого) подхода по заявленному вопросу представляется нам более приемлемой.

В целях подтверждения данного суждения приведем ряд ссылок на научные труды, в которых в наиболее общем виде изложены аргументы, приводимые сторонниками двух вышеуказанных подходов.

Так, ученые, придерживающиеся позиции о том, что основанием применения государственного принуждения выступает исключительно правонарушение, как правило, указывают на то, что данное обстоятельство обусловлено целями и задачам государственного принуждения.

Например, О.М. Якуба полагает, что суть государственного принуждения в воздействии определенных законом органов государства и общественных организаций на лиц, добровольно не выполняющих требования правовых норм и правил общежития [1, с. 15]. По мнению А.А. Паршиной, государственное принуждение применимо по отношению к политико-правовым субъектам в случаях совершения ими конституционных и иных правонарушений [2, с. 18].

Д.Н. Бахрах отмечает, что государственное принуждение осуществляется в связи с неправомерным, вредным для общества деянием как реакция на вредоносное поведение; в отсутствие неправомерных действий не может быть и принудительного воздействия [3, с. 184–185]. По мнению М.Х. Фарукшина: «Применение самого государственного принуждения допустимо лишь в случаях противоправного поведения и в связи с таким поведением. Никакими иными соображениями использование мер принуждения обосновать нельзя» [4, с. 29].

Однако здесь нельзя не отметить, что: «Не вызывает сомнения, что принуждение призвано оградить общество от противоправных посягательств отдельных его членов, то есть наказать (покарать) за совершенное правонарушение. В то же время принуждение выступает как действенное средство предупреждения правонарушений. <...> Созидательная роль принуждения реально проявляется в предупреждении нежелательных последствий, связанных как с противоправным поведением, так и с правовыми аномалиями, не являющимися правонарушениями» [5, с. 47–48]. Если исходить из того, что единственным основанием принудительных государственно-правовых акций выступает совершенное правонарушение, государственное принуждение фактически будет сведено к мерам юридической ответственности [6, с. 27].

В ряде источников можно встретить и отличные от вышеуказанных трактовки оснований применения государственного принуждения. Например, Н.В. Макарейко указывает на то, что в качестве оснований применения принудительных мер выступают факты совершения или угрозы совершения правонарушения, а также возникновение других нежелательных для общества и государственной аномалий с правовым содержанием [5, с. 61].

По мнению А.И. Каплунова, «Государственное принуждение представляет собой метод воздействия, состоящий в применении государственными органами и их должностными лицами установленных законом мер принуждения для преодоления правовой аномалии и позволяющий посредством правовых ограничений, лишений, обременений или ответных действий заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законом запреты, а также обеспечить правопорядок, безопасность личности, общества и государства от потенциальных и реальных угроз» [7, с. 10].

Как мы видим, в целях охвата одновременно двух аспектов государственного принуждения, и «наказатель-

ного», и «предупредительного» некоторые авторы оперируют понятием «правовая аномалия» в качестве единого основания применения принудительных мер специально уполномоченными органами.

Под правовой аномалией в большинстве случаев понимаются разнообразие помехи в правовом регулировании общественных отношений; обусловленные различными факторами объективного и субъективного порядка, отклонения от общих закономерностей, нормального течения и развития общественных отношений [8, с. 63–64]; «виновное или объективно-противоправное неисполнение лицом юридической обязанности по соблюдению наказуемых запретов или по исполнению законных требований уполномоченных должностных лиц, либо неисполнение лицом конкретных обязанностей, в том числе дополнительных, в связи с совершением правонарушения или возникновением иной потенциальной или реальной угрозы, либо иную опасность, возникшую для охраняемых законом прав личности» [9, с. 446].

По нашему мнению, не вступая в дискуссию о содержании и значении категории «правовая аномалия», нельзя не отметить, что ее использование в качестве единственного основания государственного принуждения едва ли можно признать удачным. Известно, что в некоторых случаях применение принудительных мер может быть вызвано только гипотетическим наличием аномалии или же вовсе стремлением предотвратить ее наступление.

Например, в соответствии с ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации: дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому ту или иную меру пресечения, предусмотренную законом, уже только при наличии оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжит заниматься преступной деятельностью; будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, пытаться уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу [10].

В связи с этим нельзя не согласиться с позицией В.А. Чашникова, согласно которой «фактическим основанием применения государственно-правового принуждения служат юридические факты, указывающие на необходимость охраны и защиты нарушенных прав и свобод или законных интересов индивида, общества и государства» [11, с. 17].

Таким образом, «... фактическим основанием применения мер принуждения служит совершение правонарушений, а также возникновение иных, нежелательных для общества и государства правовых аномалий, либо наличие фактов, свидетельствующих о реальной угрозе возникновения таких аномалий в будущем» [6, с. 28].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что категории «государственное принуждение» и «правонарушение» являются весьма тесно взаимосвязанными и во многом взаимообусловленными. Несмотря на появление новых альтернативных взглядов относительно проблемы выделения оснований применения государственного принуждения, правонарушение было и остается ключевым таким основанием. Однако общество, юридическая наука, правоприменительная практика не стоят на месте, они находятся в процессе постоянного развития, усложняя свою структуру и трансформируя содержание. Очевидным является тот факт, что сегодня применение принудительных мер может и должно осуществляться и в тех случаях, когда нельзя вести речь об уже совершенном правонарушении, но имеется реальная угроза его совершения. Отсюда позиция о том, что правонарушение – единственное основание применения государственного принуждения, не может быть признана верной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якуба О.М. Административная ответственность. М.: Юридическая литература, 1972. 152 с.
2. Паршина А.А. Институционально-правовые формы государственного принуждения и насилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002. 23 с.
3. Бахрах Д.Н. Административное право. М.: Бек, 1993. 301 с.
4. Фарукшин М.Х. Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. 1969. № 4. С. 26–35.
5. Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. 249 с.
6. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 200 с.
7. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: системно-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 59 с.
8. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М.: Норма, 2003. 240 с.
9. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: системно-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 498 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ: в ред. Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26-1. Ст. 3889.
11. Чашников В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 28 с.

OFFENSES AS BASES OF APPLICATION OF THE STATE COERCION

© 2016

N.A. Makarova, candidate of juridical sciences, senior lecturers of the Chair
“Theory and History of State and Law”
Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: coercion; state; offense; legal anomaly; a threat.

Abstract: The article is discusses the question of determining the basis of application of state coercion. The offense is determining as the key reason for use of state coercion. Analyzed the relationship and correlation of categories “state coercion”, “offense”, “legal anomaly”. Draw conclusions about the basis of application of state coercion in the present stage of development of the Russian state.

Ю.О. Максимихина, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обвиняемый; прекращение уголовного дела; смерть обвиняемого.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности производства по уголовному делу в отношении умершего обвиняемого, анализируется действующее уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее прекращение уголовного дела в связи со смертью обвиняемого, и правоприменительная практика, сформулированы предложения по совершенствованию процедуры производства по уголовному делу в отношении умершего.

Смерть лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности за совершение преступления, в соответствии со ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (п. 4 ч. 1) является основанием отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и/или уголовного преследования, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Очевидно, что такое производство по уголовному делу в отношении умершего в целях его реабилитации имеет существенные отличия от общего порядка производства по уголовному делу. Главной особенностью этого производства является отсутствие субъекта, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Тем не менее уголовно-процессуальный закон не предусматривает особого порядка производства по уголовному делу в отношении умершего.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко», указав на необходимость продолжения производства по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) в случае отсутствия согласия с прекращением уголовного дела его близких родственников и иных заинтересованных лиц, тем самым положил начало формированию особого производства по уголовному делу в отношении умершего.

Попытка урегулировать порядок производства по уголовному делу в отношении умершего была предпринята Правительством РФ в проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)». Однако до настоящего времени изменения в уголовно-процессуальный закон не внесены, а правоприменителем единой процедуры производства по данной категории дел не выработано.

Установление процедуры производства по уголовному делу в отношении умершего с присущими ей особенностями позволит устранить правовую неопределенность в этом вопросе и обеспечить соответствие положений пункта 4 части 1 статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ Конституции РФ и принципам презумпции невиновности и доступа к правосудию.

Прежде всего, следует обратить внимание на позицию КС РФ, который в постановлении указал на необходимость получения у близких родственников умершего и иных заинтересованных лиц согласия на прекращение уголовного дела. Вместе с тем заявление согласия с прекращением уголовного дела в отношении умершего мыслится Конституционный Суд РФ как право близких родственников умершего. Требование наличия согласия близких родственников на прекращение уголовного дела в отношении умершего означает, что во всех случаях отсутствия такого согласия производство по уголовному

делу должно быть продолжено. Следовательно, если близкие родственники не хотят продолжения производства по уголовному делу в отношении умершего, они вынуждены совершить ряд действий, подтверждающих их согласие с прекращением. Вряд ли в этом случае можно говорить о реализации ими права, а не обязанности подать заявление о согласии с прекращением. Именно поэтому, как правильно подметил К.Б. Калиновский, позицию КС РФ следует трактовать как требование наличия возражений против прекращения уголовного дела, а не согласия [1, с. 9].

Так во всех случаях прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, в связи с деятельным раскаянием, вследствие акта об амнистии, примирения сторон и т. д. (ч. 2 ст. 27 УПК РФ), УПК РФ предоставляет подозреваемому (обвиняемому) право заявлять возражения против прекращения уголовного дела. Не допускается прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его законный представитель против этого возражают (ст. 427 УПК РФ).

Таким образом, согласно логике УПК РФ правильным все же будет предоставление близким родственникам умершего подозреваемого (обвиняемого) и иным заинтересованным лицам права заявлять возражения против прекращения уголовного дела в отношении умершего, т. е. условием продолжения производства по уголовному делу является наличие возражений.

Вместе с тем следует отметить, что смерть подозреваемого (обвиняемого) является нереабилитирующим основанием прекращения уголовного дела. Это означает, что виновность лица приговором суда не устанавливается, само прекращение уголовного дела по указанному основанию расценивается как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления. При этом разумно предположить, что такая констатация предполагает проведение полного, объективного и всестороннего расследования обстоятельств совершенного преступления и наличие неоспоримых доказательств вины умершего в совершении преступления.

Одной из гарантий проведения полного, объективного и всестороннего расследования и реализации принципа состязательности и равноправия сторон уголовного судопроизводства является обеспечение возможности участия стороны защиты, как в предварительном расследовании, так и в судебном разбирательстве. В этих целях обоснованным представляется допуск близких родственников умершего и иных заинтересованных лиц к участию в производстве по уголовному делу. По мнению Н.В. Васильева, неспособность самостоятельной защиты своих интересов предполагает переложение этого права на других лиц [2, с. 83].

Вопрос о том, каков же должен быть процессуальный статус этих лиц, является спорным. Согласно первой точке зрения, родственники умершего и иные заинтересованные в производстве по уголовному делу лица

являются правопреемниками умершего подозреваемого (обвиняемого). Однако близкие родственники умершего и иные заинтересованные в производстве по уголовному делу лица не могут в полной мере заменить самого подозреваемого (обвиняемого). С одной стороны, они не несут уголовно-правовой ответственности за совершенное преступление, с другой – не могут реализовать некоторых прав, тесно связанных с личностью умершего, в частности, давать от его имени объяснения и показания.

Более правильной представляется вторая точка зрения, ее сторонники настаивают на возникновении отношений по представительству. Некоторые ученые считают оправданным в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) институт законного представительства интересов умершего, аналогичного институту законного представительства в гражданском процессе [3, с. 51]. Однако по смыслу гражданского законодательства под законным представителем понимается лицо, осуществляющее опеку или попечение над лицом, не обладающим дееспособностью в полном объеме в силу возраста или психического заболевания. Похожее определение законных представителей дается и в п. 12 ст. 5 УПК РФ – это родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или потерпевший, органы опеки и попечительства.

Вместе с тем представительство умершего в уголовном процессе нельзя сравнивать и с договорным представительством, поскольку представителю умершего не требуется согласия умершего на вступление в процесс, а полномочия умершего не переходят к его представителю, права и обязанности представителя производны от прав и обязанностей умершего, но в полном объеме не совпадают.

Представительство же умершего в уголовном процессе видится как особый вид представительства, основанный на положениях закона и решении властного субъекта о допуске к участию в производстве по уголовному делу. Представитель умершего действует в целях защиты чести, достоинства и доброй памяти об умершем, конечным результатом его деятельности является признание умершего непричастным к совершенному преступлению и его реабилитация. Отношения по представительству в данном случае аналогичны со своей природе отношениям, возникающим в гражданско-процессуальном праве на основании ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), когда честь и достоинство подлежат защите после смерти по требованию заинтересованного лица.

Определяя круг лиц, которые могут быть допущены к участию в производстве по уголовному делу в качестве представителей умершего следует исходить из целей данного производства. КС РФ определил, что основной целью производства по уголовному делу в отношении умершего является защита чести, достоинства и доброго имени умершего, незаконного и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию и дальнейшая его реабилитация. С учетом именно этой цели обоснованным представляется наделение таким правом всех лиц, которым при жизни умерший был не безразличен, для которых с морально-этической стороны важно защитить добрую память о близком человеке. Однако существуют и иные мотивы предоставления права инициировать производство по уголовному делу в отношении умершего, например, это может быть материальная заинтересованность, либо желание защитить личную честь и достоинство.

В юридической литературе единого мнения по данному вопросу нет. Так, по мнению Н.П. Кирилловой, ходатайствовать о продолжении расследования в целях реабилитации умершего могут родственники умершего и иные заинтересованные юридические и физические лица [4,

с. 16]. Б.Я. Гаврилов отмечает, что с ходатайством о реабилитации обращаются как правило, родственники умершего или организации, где работало это лицо [5, с. 70]. Н.В. Васильев считает, что в качестве законных представителей могут выступать близкие родственники, опекуны, попечители, при отсутствии таковых – защитник.

Исходя из целей представительства, изложенных выше, а также позиции законодателя относительно представительства интересов умерших потерпевших (ФЗ от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве») обоснованным представляется допускать к участию в уголовном деле в качестве представителей умершего близких родственников, родственников и близких умершему лиц с учетом положений п. 3, 4, 37 ст. 5 УПК РФ.

По результатам предварительного расследования в случае наступления смерти подозреваемого (обвиняемого) на этой стадии решение о прекращении уголовного дела в отношении умершего может быть принято следователем (дознавателем). Однако вопрос о возможности принятия им такого решения в юридической литературе является спорным.

Некоторые ученые (А.М. Ларин, И.А. Либус, И.Л. Петрухин, Ю.И. Стецовский, А.В. Танцюра и др.) придерживаются мнения, что прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования не соответствует принципу презумпции невиновности, поскольку допускает признание человека виновным вне судебной процедуры. Признать же виновным вправе только суд.

Представители этой точки зрения буквально толкуют принцип презумпции невиновности. В соответствии со ст. 49 Конституции РФ «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Так, А. Кобликов пишет, что положения Конституции четки и не допускают иных толкований – признать виновным в совершении преступления гражданина вправе только суд, лишь он может официально решить, что гражданин виновен в совершении преступления [6, с. 6].

Ю.И. Стецовский, рассматривая нормы о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, отмечает, что в соответствии с ними вопреки принципам осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности лицо совершившее преступление устанавливается без приговора суда [7, с. 133]. При этом В.М. Савицкий и А.М. Ларин указывают на то, что при прекращении дел по этим основаниям на стадии предварительного расследования констатация виновности лица в совершении преступления осуществляется следователем, а не судом, что противоречит презумпции невиновности [8, с. 153]. Поэтому прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям может осуществляться только судом [9, с. 45].

Другие ученые (Г.А. Злобин, С.Г. Келина, В.З. Лукашевич, Я.О. Мотовиловкер и др.) не видят противоречий принципу презумпции невиновности при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования и допускают возможность прекращения уголовных дел по таким основаниям следователем. Главный довод их заключается в том, что признание лица виновным при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не происходит. Установление его вины прокурором и следователем составляет предпосылку не уголовной ответственности, а освобождения от нее.

По мнению В.З. Лукашевича, прекращение дела по нереабилитирующим основаниям не означает признание виновным лица, совершившего это деяние, ибо призна-

ние таковым возможно только по приговору суда. Однако это не означает, что следователь не должен устанавливать виновность этих лиц. Закон обязывает следователя изобличать виновных, возбуждать уголовные дела, устанавливать, доказывать виновность лиц. При этом установление вины – это еще не признание обвиняемого виновным. Признание лица виновным и установление, доказывание его виновности – понятия далеко не равнозначные. Вместе с тем необходимо учитывать, что при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям само преступное деяние, виновность лица и все связанные с ним обстоятельства должны быть достоверно установлены в таком же объеме, как и при окончании предварительного расследования с составлением обвинительного заключения [10, с. 37].

Тезис о вероятной виновности выдвигался Я.О. Мотовиловым и Т.А. Левиной, которые утверждали, что при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям устанавливается факт совершения лицом преступления, однако лицо не считается виновным, вина не устанавливается [11, с. 75].

Данная позиция представляется более обоснованной и подтверждается позицией КС РФ, выраженной в Постановлении от 28.10.1996г. № 18-П «По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина Сушкова О.В.». В своем постановлении КС РФ указал, что решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, который устанавливает виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено в ст. 49 Конституции РФ.

Таким образом, прекращение уголовного дела в отношении умершего на стадии предварительного расследования по решению следователя (дознателя) без санкции суда не противоречит презумпции невиновности и является допустимым.

Гарантией же законности и обоснованности решения следователя или дознателя о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) является обязанность следователя или дознателя получить согласие руководителя следственного органа или прокурора с прекращением уголовного дела в отношении умершего. Такая процедура с одной стороны, стимулирует следователей и дознавателей к более тщательному, полному, всестороннему и объективному проведению расследования, с другой стороны позволит исключить случаи необоснованного прекращения уголовных дел в отношении умерших и создать систему контроля за прекращением уголовных дел данной категории.

Аналогичная система контроля ранее уже разработана законодателем при принятии следователем или дознавателем решения о прекращении уголовного дела по другим нереабилитирующим основаниям, таким как примирение обвиняемого с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ), деятельное раскаяние обвиняемого (ст. 28 УПК РФ), возмещение им в полном объеме ущерба, причиненного уклонением от уплаты налогов (ст. 28.1 УПК РФ), а также при прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего в связи с возможностью его исправления без применения наказания (ст. 427 УПК РФ).

Особой гарантией законности и обоснованности решения дознателя или следователя о прекращении уголовного дела в отношении умершего Е.А. Хабарова считает возможность оспаривания данного решения в порядке ст. 125 УПК РФ [12, с. 154].

В случае же несогласия близких родственников умершего и иных заинтересованных лиц с прекращением уголовного дела в отношении умершего на стадии предварительного расследования, уголовное дело подлежит направлению в суд для дальнейшего рассмотрения.

Основной формой окончания предварительного расследования, в результате которого материалы уголовного дела направляются в суд, в соответствии с УПК РФ

является составление обвинительного заключения или обвинительного акта. Обвинительное заключение представляет собой процессуальный акт, содержащий вывод органа предварительного расследования о виновности конкретного лица в совершении преступления и необходимости привлечения его к уголовной ответственности. Однако смерть является обстоятельством исключающим возможность привлечения к уголовной ответственности, поэтому составление обвинительного заключения в отношении умершего невозможно. В связи с этим представляется правильным составление по итогам предварительного расследования не обвинительного заключения, а постановления о направлении дела в суд.

В постановлении, так же как и в обвинительном заключении, должны указываться, в частности, данные о лице, в отношении которого уголовное дело направляется в суд, описание преступления с указанием места, времени и способа его совершения, мотивов, целей, последствий и других обстоятельств, подлежащих доказыванию, с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление, перечень доказательств, подтверждающих указанные обстоятельства, и краткое изложение их содержания, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания. Процедура же утверждения постановления прокурором и направления дела в суд полностью соответствует процедуре утверждения обвинительного заключения и направлению в суд уголовного дела с обвинительным заключением.

Составление аналогичного постановления предусмотрено и в главе 51 УПК РФ. В соответствии со ст. 439 УПК РФ в случае направления уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера обвинительное заключение в отношении обвиняемого также не составляется, поскольку привлечение лица к уголовной ответственности в силу его психического состояния невозможно.

Данная позиция поддерживается и научной литературе. Так, И.В. Маслов указывает, что актом, завершающим расследование, должно стать постановление о направлении дела в суд.

Судебная процедура рассмотрения уголовного дела в отношении умершего в целом должна отвечать общим правилам судебного разбирательства за исключениями обусловленными отсутствием субъекта, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Важно отметить, что отсутствие субъекта привлечения к уголовной ответственности и наказанию обуславливает специфику и самого предмета доказывания по данной категории дел. Так доказывание некоторых из обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, таких как характеризующих личность умершего, а также обстоятельств смягчающих или отягчающих наказание, нецелесообразно, поскольку их доказывание влияет на разрешение вопросов связанных с назначением наказания. Вместе с тем особого внимания при доказывании по данной категории дел требует доказывание факта смерти подозреваемого (обвиняемого).

Факт смерти гражданина подлежит государственной регистрации (п. 7. ч. 1 ст. 47 ГК РФ). В соответствии с положениями ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ регистрация факта смерти осуществляется в органах ЗАГС путем оформления записи акта о смерти и выдачи свидетельства о смерти.

По мнению О.Б. Виноградовой, только свидетельство о смерти, выданное органами ЗАГС в установленном законом порядке является надлежащим юридическим основанием для решения вопроса о прекращении уголовного дела [13, с. 82].

В целях доказывания факта смерти подозреваемого (обвиняемого) следователь, дознаватель, суд может обратиться с запросом в органы ЗАГС или, например,

получить свидетельство о смерти от близких родственников, родственников и иных близких умершему лицу. Малейшее сомнение в достоверности сведений о факте смерти подозреваемого (обвиняемого) исключает прекращение уголовного дела по этому основанию.

Суду надлежит обеспечить возможность участия в рассмотрении уголовного дела представителя умершего. При этом его участие в производстве по уголовному делу является добровольным, неявка представителя умершего не препятствует рассмотрению дела судом.

Кроме того, в целях реализации принципа состязательности и равноправия сторон уголовного судопроизводства суду надлежит обеспечить участие в судебном разбирательстве защитника. С учетом самостоятельности защитника как участника уголовного судопроизводства представляется, что смерть подозреваемого (обвиняемого) не прекращает его полномочий и не препятствует участию в производстве по делу. Более того, участие защитника по уголовному делу в отношении умершего представляется обязательным. В случаях, когда подозреваемый (обвиняемый) при жизни свою вину в совершении преступления не признал или признал частично, защитник обязан отстаивать невиновность умершего в совершении преступления и возражать против прекращения производства по уголовному делу судом, а суд при принятии решения о прекращении уголовного дела должен учесть мнение защитника и при наличии оснований для реабилитации умершего продолжить производство по уголовному делу.

В научной литературе существует также мнение, что продолжение производства по уголовному делу в отношении умершего возможно и по требованию защитника, в случае если у умершего нет родственников или иных лиц, способных защищать его интересы. Такая точка зрения также основана на том, что в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) участие в деле защитника является обязательным [14, с. 72].

Рассматривая вопрос о полномочиях суда по прекращению уголовного дела в отношении лица умершего после передачи уголовного дела в суд, следует отметить, что принятие такого решения судом возможно только после исследования всех доказательств собранных по делу.

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2002 г. № 45-002-150 по делу Паламарчука было отмечено, что прекращение судьей уголовного дела без проведения предварительного слушания, вне судебного заседания является превышением судьей своих полномочий [15, с. 16]. На невозможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на стадии подготовки дела к судебному заседанию при наличии возражений подсудимого, неоднократно указывалось и в юридической литературе [16, с. 24].

В ходе судебного разбирательства полномочия суда на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в целом не ограничены. Однако при наличии возражений подсудимого против прекращения дела по нереабилитирующим основаниям прекращение уголовного дела допускается только после исследования всех значимых материалов дела (п. 3 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П). Данные правила без сомнений относятся и к процедуре прекращения уголовного дела в отношении умершего при наличии возражений его близких родственников или иных заинтересованных лиц.

По мнению Ю.Ю. Чурилова, в случае смерти обвиняемого на стадии судебного производства, суд обязан продолжить рассмотрение уголовного дела для принятия окончательного решения по делу [17, с. 2]. С этим утверждением следует согласиться, сделав одну оговорку, суд обязан продолжить производство по уголовному делу в отношении умершего, если это необходимо для реабилитации умершего. Рассмотрение судом абсолют-

но всех дел в отношении умерших, как пишет Е.Г. Бендерская, чрезмерно увеличит нагрузку на судебную систему и воспрепятствует своевременному рассмотрению других уголовных.

Специфичной представляется и форма окончания судебного рассмотрения дела. По общему правилу по итогам рассмотрения уголовного дела судом выносятся оправдательный или обвинительный приговор (ст. 302 УПК РФ). В случае же смерти подсудимого согласно ст. 254 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению в судебном заседании. Однако в научной литературе неоднократно выражалось мнение о том, что при разрешении вопроса о виновности умершего итоговое решение суда должно быть вынесено в форме приговора. Так, по мнению Е.Г. Бендерской, в случае если суд приходит к выводу о невиновности умершего в совершении преступления, то должен быть постановлен оправдательный приговор [18, с. 144].

И.В. Маслов отмечает, что, если суд придет к выводу о виновности умершего лица, ему следует вынести обвинительный приговор с освобождением виновного от наказания. В случае же если виновность умершего не нашла своего подтверждения, выносятся оправдательный приговор.

Такая позиция представляется необоснованной, поскольку приговор является актом привлечения к уголовной ответственности. В случае же смерти подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) привлечение к уголовной ответственности невозможно, соответственно невозможно и вынесение приговора в отношении умершего. Исходя из этого, правильным все же представляется вынесение судом постановления о прекращении уголовного дела в случае установления виновности умершего в связи со смертью по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в противном случае постановления о прекращении уголовного дела по одному из реабилитирующих оснований, предусмотренных УПК РФ.

В завершение рассмотрения вопроса об особенностях производства по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) обобщим некоторые выводы:

1. Необходимо разработать особую процедуру производства по уголовным делам в отношении умерших, с учетом отсутствия субъекта, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

2. Необходимым условием продолжения производства по уголовному делу в отношении умершего является наличие возражений близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) и иных заинтересованных лиц против прекращения уголовного дела.

3. Принятие решения о прекращении уголовного дела в отношении умершего на стадии предварительного расследования возможно лишь при условии проведения полного, объективного и всестороннего расследования обстоятельств совершенного преступления и наличия неоспоримых доказательств вины умершего в совершении преступления.

4. Близким родственникам умершего и иным заинтересованным в производстве по уголовному делу лицам должна быть обеспечена возможность участия в производстве по уголовному делу в качестве представителей умершего.

5. На стадии предварительного расследования решение о прекращении уголовного дела в отношении умершего может быть принято следователем с согласия руководителя следственного органа, дознавателем с согласия прокурора.

6. По результатам предварительного расследования в целях направления уголовного дела в отношении умершего в суд следователю (дознавателю) надлежит составить постановление о направлении уголовного дела в суд.

7. В предмет доказывания по уголовному делу в отношении умершего не входит доказывание обстоятельств, характеризующих личность умершего, а также обстоя-

тельств смягчающих или отягчающих наказание.

8. Факт смерти подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) должен быть установлен достоверно.

9. Суд может по собственной инициативе признать необходимым продолжение производства по уголовному делу после смерти подсудимого в целях его реабилитации.

10. По результатам рассмотрения уголовного дела в отношении умершего суду надлежит вынести постановление о прекращении уголовного дела в случае установления виновности умершего в связи со смертью по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в противном случае постановления о прекращении уголовного дела по одному из реабилитирующих оснований, предусмотренных УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калиновский К.Б. Презумпция согласия родственников на прекращение дела умершего // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 9–11.
2. Васильев Н.В. Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 167 с.
3. Маслов И.В. Прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям: как исполнять решение КС РФ // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 48–52.
4. Кириллова Н.П. Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры, 1998. 132 с.
5. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002. 218 с.
6. Кобликов А. Осуществление правосудия только судом – конституционный принцип уголовного судопроизводства // Советская юстиция. 1980. № 23. С. 6–8.
7. Стецовский Ю.И. Судебная власть. 2-е изд. М.: Дело, 2000. 376 с.
8. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки. М.: БЕК, 1997. 314 с.
9. Кабельков С.Н. Перспективы совершенствования института прекращения уголовных дел в стадии расследования // Актуальные вопросы предварительного расследования: Межвузовский сборник научных трудов МВД РФ. Волгоград: Юридический институт МВД РФ, 1997. № 1. С. 129–131.
10. Лукашевич В.З., Шимановский В.О. О праве прокурора и следователя прекращать уголовные дела по реабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1991. № 10. С. 36–38.
11. Мотовиловкер Я.О. О соотношении принципов осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка. Куйбышев: КГУ, 1982. С. 62–75.
12. Хабарова Е.А. Прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям: система оснований и гарантий прав участников уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 189 с.
13. Виноградова О.Б. Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 218 с.
14. Дубинский А.Я. Основания к прекращению уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев: КВШ МВД СССР, 1973. 153 с.
15. Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 7.
16. Петрухин И.Л. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 24–26.
17. Чурилов Ю.Ю. Оправдание умершего // ЭЖ-Юрист. 2007. № 48. С. 2–4.
18. Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 243 с.

FEATURES OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS CONCERNING A DECEASED

© 2016

Yu.O. Maksimikhina, the teacher of department of “Criminal trial and criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal proceedings; the accused; the termination of the criminal case; the death of the accused.

Abstract: The article considered the peculiarity of the criminal proceedings to the dead accused, analyzed the criminal procedural law about the termination of criminal case in connection with the death of the accused, and court practice and formulated proposal for the improvement of the criminal procedure to the dead accused.

И.В. Михеева, доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Конституционное и административное право»
П.А. Чесноков, студент кафедры «Конституционное и административное право»
*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород (Россия)*

Ключевые слова: закрытые административно-территориальные образования; административная ответственность; меры принуждения.

Аннотация: Исследуются основания привлечения к административной ответственности за нарушение режима закрытого административно-территориального образования (ЗАТО). Обращается внимание на природу мер принуждения, обозначенных в инструкциях по обеспечению особого режима в каждом ЗАТО, принимаемых на муниципальном уровне уполномоченными органами и должностными лицами.

«Закрытость» территории закрытого административно-территориального образования (далее – ЗАТО) предполагается особым режимом безопасного функционирования организаций и объектов в ЗАТО, охраны государственной тайны, включающим специальные условия проживания граждан. Заметим, что «закрытые зоны» существуют и на территории зарубежных государств. Степень их засекреченности порой такова, что исследователям остается лишь слагать мифы и выдвигать гипотезы [2; 3]. Одним из наиболее известных образований является так называемая Зона 51 в штате Невада, США. Именно там были проведены первые испытания атомной бомбы.

Законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность за нарушение требований особого режима закрытого административно-территориального образования. Бланкетная норма Закона РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (п. 4 ст. 3) обращена, прежде всего, к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, где содержится санкция в виде административного штрафа (ст. 20.19). Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.19 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), уполномочены составлять должностные лица органов внутренних дел (полиции), а также должностные лица подразделения воинской части, органа управления внутренних войск Министерства внутренних дел РФ (п. 1 и п. 78 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). Дела об этих административных правонарушениях рассматриваются судьями (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ). В первой инстанции – мировыми судьями, а в апелляционной инстанции – районными/городскими судами (ч.1 ст.23.1 КоАП).

Судебная практика по данному вопросу столько же обширна, сколько и однообразна. Дело в том, что необходимость охраны государственной тайны и обеспечения безопасности функционирующих на территории ЗАТО организаций (объектов) предопределяет обязательность только санкционированного допуска на закрытую территорию. В этой связи большая часть совершаемых нарушений режима ЗАТО связана с несоблюдением требований пропускного режима (въезда/выезда) ЗАТО.

Так, постановлением мирового судьи признана виновной гражданка Ш., которая находилась по «адресу» в поселке Власиха Одинцовского района Московской области (территория ЗАТО) без пропуска, таким образом, особый пропускной режим контролируемой зоны ЗАТО. В качестве доказательств по делу судом рассматривались протокол об административном правонарушении, рапорт полицейского, справка на лицо по ИБД-Ф. При назначении наказания суд учел данные о личности виновной, обстоятельство смягчающее административную ответственность – признание вины и раскаяние, и назначил минимально возможное наказание в

виде административного штрафа в размере 3000 рублей [23]. Аналогичное постановление принято мировым судьей ЗАТО Шиханы Саратовской области в отношении гражданина П., совершившего без оформления соответствующих документов въезд на территорию ЗАТО Шиханы [21].

В судебной практике по данной группе дел встречаются такие основания привлечения к административной ответственности, как нахождение «...возле дома... без пропуска на жилую территорию ЗАТО» [22]; нарушение границ особого режима ЗАТО путем незаконного проникновения (пролез под ограждением, совершил подкоп); нахождение на территории ЗАТО после истечения срока действия временного пропуска [20] и т. п. Размер административного штрафа за подобные нарушения в большинстве случаев назначается в размере 3000 рублей. За повторное совершение однородного правонарушения сумма штрафа увеличивается до 3500 рублей [19] (встречается и сумма меньше).

Невыплата установленного постановлением мирового судьи административного штрафа в указанный срок (60 дней) является основанием для привлечения к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.25 КоАП РФ («Уклонение от исполнения административного наказания»). Так, постановлением мирового судьи Центрального округа г. Комсомольск-на-Амуре гражданину Л. по данной статье было назначено наказание в виде обязательных работ на срок 30 часов [15].

В действующей редакции КоАП РФ санкция ст. 20.19 КоАП РФ с марта 2015 года составляет 3000–5000 рублей (в предыдущей редакции – 100–1000 рублей). Между тем судьи назначают и наказание нижеуказанной суммы. Это можно наблюдать в Постановлении мирового судьи г. Вышнего Волочка Вышневолоцкого района Тверской области. Судья, признав гражданина А. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.19 КоАП, в качестве наказания назначил административный штраф в размере 500 рублей [16]. В данном случае речь идет о назначении административного наказания «ниже низшего предела», что, учитывая правовую позицию Конституционного суда РФ, не противоречит действующему законодательству [6; 7].

Иногда дела о нарушении особого режима ЗАТО направляются мировому судье с нарушением правил территориальной подсудности. Определением мирового судьи поступившие в таком порядке материалы дела передаются по подсудности другому мировому судье [17]. При рассмотрении дел с привлечением к административной ответственности по ст. 20.19 в апелляционной инстанции подавляющее большинство постановлений остаются без изменения, а жалобы – без удовлетворения [18]. Здесь следует заметить, что вопросы нарушения подсудности носят общий характер и не определяются спецификой дел о нарушении именно режима ЗАТО.

Привлечение нарушителей режима ЗАТО к административной ответственности осуществляется не только по ст. 20.19. В ряде локальных инструкций (по организации и осуществлению пропускного режима в ЗАТО, о порядке обеспечения особого режима в ЗАТО, о порядке организации пропускного режима в контролируруемую зону ЗАТО, о въезде граждан в контролируемую зону ЗАТО и др.) специально может быть указано и на другие статьи КоАП РФ [10, п. 5.23; 11, п. 4.16–4.17]. При этом очевидным является ряд проблемных аспектов, связанных с локальной детализацией объективной стороны правонарушений (нарушение режима ЗАТО), а также с не совсем понятной природой мер принуждения, применяемых к нарушителям порядка санкционированного допуска на территорию ЗАТО.

В некоторых инструкциях предусматривается возможность привлечения к административной ответственности граждан не только по ст. 20.19 КоАП РФ, но и по ст. 18.9 КоАП РФ за противоправное преодоление контролируемой или запретной зон ЗАТО, самовольное проживание на территории города без разрешительных документов. По этой же статье к административной ответственности по инструкциям ЗАТО к административной ответственности могут быть привлечены граждане – владельцы квартир и квартиросъемщики, допустившие проживание у себя других граждан без оформления разрешительных документов. Иностранцы граждане в рамках нарушения ими особого режима ЗАТО могут быть привлечены к административной ответственности в соответствии со ст. 18.10 («Незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в РФ»), ст. 18.11 («Нарушение иммиграционных правил»), ст. 18.12 (Нарушение беженцем или вынужденным переселенцем правил пребывания (проживания) в РФ») и подвергнуты выдворению с территории ЗАТО [9, п. 2.8].

В этой связи заслуживают внимания два момента. Во-первых, при создании на муниципальном уровне инструкций с правилами обеспечения «особого режима безопасного функционирования» на территории ЗАТО происходит несколько произвольное изложение норм о привлечении к ответственности за нарушение пропускного режима в ЗАТО. Санкции за правонарушения, предусмотренные статьями КоАП РФ – 18.8, 18.9, 18.11, жестче, чем те, что содержатся в ст. 20.19 КоАП РФ, поскольку в качестве дополнительного наказания применяется выдворение за пределы территории РФ.

При этом нарушение одних и тех же запретов может квалифицироваться по-разному в зависимости от субъекта правонарушения. Иностранец гражданин будет нести ответственность за административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации, а российский – за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность. Такое бессистемное перечисление норм КоАП РФ об ответственности за нарушения санкционированного доступа на территорию ЗАТО в условиях локальной детализации объективной стороны правонарушения, связанного с нарушением режима ЗАТО, представляется крайне нелогичным, поскольку ставит под сомнение, выносимое в отношении иностранного гражданина решение о привлечении к ответственности за нарушение пропускного режима в ЗАТО по статьям главы 18 КоАП РФ. Это подтверждается практикой обжалования судебных решений.

Во-вторых, санкции ряда указанных статей гл. 18 КоАП РФ предусматривают административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан. Даваемые в инструкциях по пропускному режиму уточнения о том, что граждане, допустившие нарушения особого режима в ЗАТО, могут быть «удалены»

сотрудниками Органов внутренних дел (далее – ОВД) за пределы контролируемой зоны [14, п. 9.2–9.3] или «выдворены» за пределы закрытого образования [8] в данном случае «не встраиваются» в закрепленную действующим российским законодательством систему мер административной ответственности

Выдворение с территории ЗАТО является не единственной мерой принуждения неясной природы. Например, за нарушения особого режима ЗАТО Снежинск гражданин, оформленный в установленном порядке для временного или постоянного пребывания (проживания) на территории городского округа может быть лишен права: а) пользования пропуском на срок до 1 года; б) периодического въезда на срок до 1 года; в) временного въезда [12, п. 10.7].

В Новоуральске жители города, нарушившие требования пропускного режима, могут быть лишены права пользования постоянным пропуском на срок до трех месяцев. В это же время иногородние граждане, нарушившие требования пропускного режима, лишаются пропуска сроком на один год (п. 43 Инструкции о пропускном режиме в контролируемые зоны ЗАТО г. Новоуральск). Граждане из числа иногородних, имеющих право на въезд в город, допустившие нарушение пропускного режима, не допускаются на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования в течение одного года (п. 47 вышеупомянутой инструкции). Отдельно в соответствующих инструкциях указано, что жители «лишаются права пользования постоянным пропуском на срок до шести месяцев в случаях их задержания при: 1) попытке несанкционированного провоза в транспортном средстве постороннего лица (лиц) на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования; 2) оказании содействия в проникновении постороннему лицу (лицам) на территорию г. Новоуральска; 3) передаче своего пропуска иному лицу» (п. 51 вышеупомянутой инструкции) [13].

Таким образом, наряду с мерами административной ответственности, предусмотренными санкциями статей КоАП РФ, к наказаниям за нарушение особого режима ЗАТО (например, нарушение пропускного режима), установленными инструкциями ЗАТО, добавляются такие меры принуждения, как: лишение права пользования пропуском (лишение пропуска) или периодического въезда (на определенный срок, как правило, до года), временного въезда, выдворение за пределы закрытого образования, не допущение на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования и т. п. Эти меры по способу обеспечения правопорядка и целевому предназначению носят характер наказания, но не относятся к мерам юридической ответственности, выделяемым в доктрине и законодательстве. Трудно отнести эти меры и к обеспечительным, поскольку они применяются к правонарушителям, вина в нарушении режима ЗАТО которых уже установлена, а производство по делу об административном правонарушении завершено. Тем более что в рамках обеспечения производства по делу об административном правонарушении применяются меры административного принуждения, которые осуществляются в рамках федерального законодательства (доставление, административное задержание, привод, личный досмотр и досмотр транспортного средства и пр.). Их перечень содержится в 27 главе КоАП РФ.

Кроме того, некоторые исследователи находят противоречие пункта 16 утвержденных Постановлениями Правительства РФ Положений об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны РФ, Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» с положениями КоАП РФ. В соответствии с п. 16 Положений граждане, нарушившие требования пропускного режима либо допустившие противоправное преодоление границы за-

претной и контролируемой зон закрытого образования, могут быть задержаны в порядке и на срок, установленные законодательством РФ [4; 5]. Однако высказывается мнение, что КоАП РФ не предусматривает «совершение данных действий в качестве административного правонарушения», в связи с чем «пункты 16 вышеназванных Положений применяться не могут» [1].

Данная позиция не бесспорна. Дело в том, что в соответствии со ст. 20.19 КоАП РФ нарушение установленного законом особого режима в закрытом административно-территориальном образовании влечет наложение административного штрафа. Согласно ч. 1 ст. 3 Закона РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» особый режим безопасного функционирования организаций и/или объектов в закрытом административно-территориальном образовании предполагает, в т. ч. установление контролируемых и/или запретных зон по границе и/или в пределах указанного образования, а также ограничения на въезд и/или постоянное проживание граждан на его территории. Также сюда включается и установление перечня оснований для отказа во въезде или в постоянном проживании. Конкретизацию этих положений законодатель в полной мере возложил на Правительство РФ, предоставив ему право устанавливать порядок обеспечения особого режима безопасного функционирования организаций и/или объектов в закрытых административно-территориальных образованиях (ч. 2 ст. 3 указанного закона). Следовательно, нарушение пропускного режима либо порядка прохождения границ контрольной и/или запретной зоны включается в объективную сторону состава административного правонарушения, запрещенного ст. 20.19 КоАП РФ.

Таким образом, несмотря на то, что правовая регламентация вопросов нарушения режима ЗАТО присутствует во всех принятых на муниципальном уровне инструкциях по обеспечению особого режима в ЗАТО (включая порядок организации пропускного режима в контролируемую зону ЗАТО, въезд граждан в контролируемую зону ЗАТО и т. п.), можно отметить различие подходов к регулированию ответственности за нарушение административно-правового режима ЗАТО. Это касается, прежде всего, казуальности нормативно зафиксированных фактических оснований привлечения нарушителей пропускного режима к административной ответственности, а также вообще применяемых в каждом ЗАТО видов мер административного принуждения. Нормативные инструкции произвольно перечисляют нормы, на основании которых граждане могут быть привлечены к ответственности за нарушение установленных в ЗАТО «режимных» правил, а также дополняют представленную действующим российским законодательством ответственность за нарушение режима ЗАТО такими мерами принуждения, как выдворение за пределы территории ЗАТО, лишение права пользования пропуском, въезда на территорию ЗАТО, не допущение на территорию контролируемой зоны закрытого административно-территориального образования и т. п. Эти меры носят характер наказания, но не относятся к мерам ни административной, ни дисциплинарной, ни иного вида ответственности. Представляется логичным привести теоретическое обоснование и провести некоторую унификацию системы мер принуждения, обозначаемых в локальных инструкциях по обеспечению особого режима в каждом ЗАТО. Это позволило бы прояснить их неясную на сегодня природу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Худякова И.В. ЗАТО: правовое значение, порядок создания и права граждан // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КГУ. Вып. 4. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. С. 539–549.
2. Jacobsen A. Area 51: an uncensored history of America's

top secret military. New York: Jenson Books Inc., 2011. 521 p.

3. Leahey C. Whitewashing war: historical myth, corporate textbooks, and possibilities for democratic education. New York: Columbia University, 2010. 161 p.
4. Об утверждении Положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации: постановление Правительство РФ от 26.06.1998 г. № 655, ред. от 19.03.2014 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3180.
5. Об утверждении Положения о порядке обеспечения особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: постановление Правительство РФ от 11.06.1996 № 693, ред. от 29.04.2016 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 40. Ст. 4645.
6. По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»: постановление Конституционного суда РФ от 17.01.2013 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 4. Ст. 304.
7. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд»», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики: постановление Конституционного суда РФ от 25.02.2014 № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.
8. Об утверждении инструкции по пропускному режиму в закрытое административно-территориальное образование Видяево: постановление Администрации ЗАТО поселок Видяево от 06.09.2011 № 686: ред. от 14.01.2013 // Вестник Видяево. 2011. № 28. С. 4–5.
9. Инструкция о порядке организации пропускного режима в контролируемую зону закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) город Мирный Архангельской области: утверждено 2012 г. // Официальный сайт МО Мирный. URL: mirniy.ru/info/ads/2441-instrukciya-o-poryadke-organizacii-propusknogo-rezhima...html.
10. Инструкция «О порядке обеспечения особого режима в ЗАТО Северск, на территории которого расположен Сибирский химический комбинат Министерства Российской Федерации по атомной энергии»: утверждено в 2013 г. // Законы о ЗАТО: сборник законодательных и нормативных актов о закрытых территориальных образованиях федерального агентства по атомной энергии. Екатеринбург: Раритет, 2012. С. 179–202.
11. Инструкция о въезде в контролируемые зоны закрытого административно-территориального образования – города Озерска Челябинской области для постоянного проживания (временного пребывания) физических лиц И-ОР-039-2013 // Официальный сайт органов местного самоуправления Озерского городского округа. URL: ozerskadm.ru/upload/2016/01/Инструкция...pdf.

12. Инструкция о въезде граждан в контролируемую зону категории «А» и контролируемую зону категории «Б» ЗАТО Снежинск. Приложение к приказу директора ФГУП «Российский Федеральный Ядерный Центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е.И. Забабахина» от 30.08.2013 № 5034 // Снежинский городской информационный портал. URL: fsnz.susu.ru/media/file/OK/instrukciya...pdf.
13. О введении в действие Инструкции о пропускном режиме в контролируемые зоны ЗАТО г. Новоуральск: постановление Администрации Новоуральского городского округа от 09.10.2013 № 2557-а; ред. от 15.04.2015 // Сборник официальных документов. 2013. № 37. Ст. 250.
14. Об утверждении Инструкции по организации и осуществлению пропускного режима в закрытое административно-территориальное образование Александровск Мурманской области П.9.2-9.3: постановление Администрации МО ЗАТО Александровск от 09.02.2016. № 290 // Полярный Вестник. 2016. № 6. С. 13.
15. Постановление мирового судьи судебного участка № 32 Центрального округа г. Комсомольск-на-Амуре от 19.02.2016г. № XXX/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
16. Постановление мирового судьи судебного участка № 2 города Вышнего Волочка Вышневолоцкого района Тверской области от 29.02.2016 г. № 5-73/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
17. Определение мирового судьи судебного участка № 94 Красногорского района Московской области от 2.03.2016г. № 5-119/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
18. Решение Омского районного суда Омской области от 3.03.2016 г. № 12-25/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
19. Постановление мирового судьи судебного участка № 50 Юрьянского района Кировской области от 9.03.2016 г. № 5-119/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
20. Постановление мирового судьи судебного участка № 26 города Вилочинск Камчатского края от 10.03.2016 г. № 5-259/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
21. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 ЗАТО Шиханы Саратовской области от 15.03.2016 г. № 5-100/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
22. Постановление мирового судьи судебного участка № 310 Одинцовского судебного района Московской области от 15.03.2016 г. № 5-103/2016 // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.
23. Постановление мирового судьи судебного участка № 309 Одинцовского судебного района Московской области от 16.03.2016 г. № 5-165/16 «309СУ» // РосПравосудие: база данных судебной практики. URL: rospravosudie.com.

THE CLOSED TERRITORIAL FORMATIONS: ABOUT THE NATURE OF SANCTIONS FOR VIOLATION

© 2016

I.V. Mikheeva, Doctor of Law, D. Sc., Head of the Constitutional and Administrative Law Department
P.A. Chesnokov, student of Constitutional and Administrative Law Department
National Research University "Higher School of Economics", Nizhny Novgorod (Russia)

Keywords: the closed administrative-territorial formation (CATF); administrative responsibility; the coercion measures.

Abstract: The issue is devoted to the definition of the nature of the coercive measures established in the municipal acts and applied to the violator of the CATF regime and their ratio with measures of administrative responsibility established in the code of administrative offences.

**ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ И НАКАЗАТЕЛЬНЫЕ САНКЦИИ
НОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

© 2016

А.В. Мусеев, преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: норма права; норма юридической ответственности; санкция; санкция нормы юридической ответственности; наказательная санкция; поощрительная санкция; юридическая ответственность; государственное принуждение; меры юридической ответственности; государственно-правовое воздействие; правовые последствия, наказание; поощрение.

Аннотация: В статье исследуются поощрительные и наказательные санкции, выявляются их общие и различные признаки. Автор пришел к выводу, что для формулирования общей дефиниции санкции нормы права следует исходить из признания существования как наказательной санкции (санкции нормы негативной юридической ответственности), так и поощрительной санкции (санкции нормы позитивной юридической ответственности).

Санкция как научно-правовая категория является одной из дискуссионных тем в юридической литературе. Особое место в этом занимает спор о классификации санкций на наказательные (санкции нормы негативной юридической ответственности) и поощрительные (санкции нормы позитивной юридической ответственности). В рамках данной статьи будет проанализирована возможность использования термина «поощрительные санкции», а также раскрыты общие и отличительные признаки поощрительных и наказательных санкций.

Следует отметить, что среди ученых нет спора относительно того, что санкция является структурным элементом правовой нормы, частью нормы права. Вместе с тем П.В. Васильев полагает, что «понимание правовых санкций только в качестве структурных элементов норм не является единственно возможным» [1, с. 39], в связи с чем ученый рассматриваемую научную категорию изучает и как структурный элемент правовой нормы, и как «средство правового регулирования, или правового средства» [1, с. 40]. В результате автор выводит дефиницию правовых санкций как «гарантирующие реализацию юридических норм правовые последствия противоправного или заслуженного поведения лица, существующие в механизме правового регулирования общественных отношений в форме качественно и количественно определенных мер юридического воздействия» [1, с. 49].

Другие ученые также включают правовые последствия в содержательную часть санкции, как правовой нормы. Так, М.И. Байтин под санкцией понимает структурный элемент, предусматривающий отрицательные последствия нарушения правовой нормы, определяющий вид и меру юридической ответственности для нарушителя ее предписаний [2, с. 187, 203]. В.Н. Казаков, Р.В. Казаков, Ю.Н. Туганов, В.М. Шамаров санкцию определяют как часть нормы, предусматривающей вид и меру принудительных мер, отрицательных, нежелательных для лица последствий [3, с. 233; 4, с. 157].

А.П. Золотарев под санкциями понимает предусмотренные законом или иными правовыми источниками неблагоприятные меры юридической ответственности, правовые средства принудительного воздействия имущественного, неимущественного, морального, личного, организационного, физического характера, направленные на защиту прав и законных интересов потерпевших, публично-правовое наказание, исправление и перевоспитание виновных лиц, возмещение причиненного вреда, предупреждение правонарушений, укрепление правопорядка и законности [5, с. 19]. Иначе говоря, санкции юридической ответственности – это не только отдельные элементы правовых норм, но и вся система отрицательных для правонарушителя правовых последствий, правовое средство государственно-принудительного воздействия на правонарушителя, мера юридической ответственности.

М.Н. Марченко [6, с. 576], О.Э. Лейст [7, с. 7] под санкцией понимают ту часть правовой нормы, в которой

указаны последствия ее нарушения или неисполнения и предусматриваются меры государственного принуждения в отношении ее нарушителей.

А.В. Поляков, Е.В. Тимошина санкцию определяют в узком и широком смысле слова. В первом случае санкция – это закрепленное в когнитивной норме негативное последствие нарушения ее диспозиции (определенного правила поведения), выступающее в форме принудительной меры воздействия на правонарушителя со стороны государства и наносящее ему правовой урон в виде личных или имущественных лишений». При широком понимании санкции, ученые определяют ее как «закрепленное в правовом тексте негативное последствие нарушения установленного правила поведения, выступающее в форме принудительной меры воздействия на правонарушителя со стороны государства» [8, с. 343, 345].

Как можно заметить, во всех выше приведенных определениях санкций, ученые указывают на отрицательные последствия за нарушение или неисполнение правовой нормы.

Напротив, Д.А. Липинский и А.А. Мусаткина санкцию определяют как структурную часть правовой нормы, которая закрепляет вид и меру государственно-правового воздействия в отношении субъекта, нарушившего или выполнившего диспозицию правовой нормы [9, с. 124].

Т.Н. Редько, В.В. Лазарев и Л.А. Морозова также под санкцией понимают вид и меру последствий, наступающих в результате, как соблюдения, так и несоблюдения диспозиции [10, с. 181].

А.Ф. Калинин под санкцией понимает вид и меру возможного наказания за неисполнение юридических обязанностей или поощрения за совершение рекомендуемых действий. В целом, санкцией ученый называет «поощрительные или карательные меры (позитивные и негативные последствия), наступающие в случае соблюдения или, напротив, нарушения диспозиции» [11, с. 62].

С.В. Курылев отмечает, что «санкция должна быть такова, чтобы создать достаточный контрмотив против неправомерного поведения, чтобы было «выгоднее» не совершать правонарушения, чем совершать» [12, с. 55].

Н.А. Гушина в качестве санкции признает не только закрепленные в нормах права предписания о мерах принуждения, но и предписания о мерах поощрения, одобрения [13, с. 93]. Тем более что задача права состоит не только в сдерживании правонарушителей и в наказании лиц, их совершивших, но и в стимулировании правомерного поведения [14, с. 76].

Достаточно подробно исследованы поощрительные санкции А.В. Малько, который приводит следующие аргументы в пользу существования поощрительных санкций:

1) этимологическое значение «санкции» предполагает как негативные, так и позитивные последствия;

2) позитивные санкции присущи всем социальным нормам;

3) санкция является не только отрицательным результатом в виде наказания, но и может выражаться в поощрении, т. е. имеет положительный результат;

4) позитивные и негативные санкции приводят к прямо противоположным последствиям для субъекта, который обладает юридическими обязанностями;

5) структура положительных юридических норм похожа на уголовно-правовые нормы, содержащие наказания. Отличие в том, что в санкциях положительных норм содержатся благоприятные последствия, а в уголовно-правовой – неблагоприятные (за исключением уголовно-правовых поощрительных санкций) [15, с. 212].

Таким образом, в науке сформировалась концепция положительных санкций, которые имеют место не при нарушении нормы, а при ее соблюдении [13; 14].

Однако не всеми учеными признается существование поощрительных санкций.

Так, О.Э. Лейст полагает, что санкция связана с общественными отношениями через юридическую обязанность, в которой выражен единственно допустимый в данных обстоятельствах вариант поведения, в то время как меры поощрения применяются там, где перед лицом стоит выбор нескольких линий поведения, одни из которых более полезны для общества, чем другие [7, с. 53].

А.В. Поляков и Е.В. Тимошина учитывая «психологическую оппозиционность, несовместимость «позитивного» и «негативного» смысла слова «санкция», считают нецелесообразной концепцию положительных санкций [8, с. 344].

М.И. Байтин также выступает против концепции поощрительных санкций, указывая на то, что санкция, как структурный элемент юридической нормы, указывает на отрицательные последствия для лица, нарушившего норму. Далее ученый пишет о том, в содержании санкций поощрительных норм права устанавливаются неблагоприятные последствия, наступающие за неправомерные действия со стороны лиц и органов, обязанных или уполномоченных поощрять и лиц, чьи действия стимулируются [2, с. 203]. В целом, М.И. Байтин не находит ни оснований, ни необходимости вводить в юридический научный аппарат понятие положительных санкций правовой нормы [2, с. 205].

Неоднозначность решения вопроса о поощрительной санкции вызвана, прежде всего, дискуссионностью вопроса о негативной и позитивной юридической ответственности. Не вступая в полемику относительно существования позитивной юридической ответственности, следует присоединиться к словам Д.А. Липинского о том, что «добровольная форма реализации юридической ответственности – это юридическая обязанность соблюдения требований правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении субъектов юридической ответственности или поощряемом государством» [16, с. 12].

Одной из форм реализации позитивной ответственности является поощрение, выступающее в качестве ее меры [17, с. 37–51] подобно тому, как наказание является мерой негативной юридической ответственности. В связи с чем, поощрения и наказания обладают рядом общих признаков, как мер юридической ответственности. Прежде всего, и поощрения, и наказания закрепляются в санкции правовой нормы. Применение и поощрения, и наказания обеспечивается и гарантируется авторитетом государственной власти. И поощрения, и наказания реализуются в форме правоприменения в определенной процедуре и выражаются в актах применения права [18, с. 113–114].

Таким образом, поощрительные санкции, наряду с мерами принуждения, обеспечивают устанавливаемую государством модель правомерного поведения. Особенность поощрительных санкций состоит в том, что они гарантируют те социальные блага, ради достижения которых такая модель поддерживается юридическими средствами [6, с. 26].

В целом, выделяя последствия в качестве самостоятельного аспекта понимания санкций, ученые указывают

на «неблагоприятные последствия» [19, с. 268; 20, с. 37], «отрицательные последствия» [2, с. 187, 203], отрицательные и нежелательные для лица последствия [3, с. 233; 4, с. 157], «вид и меру последствий соблюдения либо нарушения диспозиции субъектом» [21, с. 277], последствия нарушения правовой нормы или неисполнения [6, с. 576; 7, с. 7], «позитивные последствия» [13, с. 93]. В связи с этим следует признать наличие как наказательных, так и поощрительных санкций. Первые имеют место быть при наступлении негативной юридической ответственности, а вторые – при наступлении позитивной юридической ответственности.

Отличаются наказательные и поощрительные санкции правовыми последствиями и мерами юридической ответственности. Однако здесь встает вопрос о разграничении таких категорий, как «правовые последствия» и «меры юридической ответственности».

В науке существует два подхода к определению мер юридической ответственности. Одни ученые определяют меры юридической ответственности через категорию санкции [22, с. 9], другие исходя из родового определения мер государственного принуждения, как «соотношение количественных и качественных параметров государственного принуждения» [23, с. 26–29]. При этом согласно второму подходу, мера юридической ответственности представляет собой «индивидуализированное, справедливое, соразмерное правовое последствие юридической оценки конкретного деяния (деятельности) субъекта» [23, с. 26–29].

Соглашаясь со вторым подходом к определению мер юридической ответственности, следует отметить, что определение мер юридической ответственности исключительно как правового последствия, не представляется верным, в виду того, что как последствие «она выражается в своей динамике, когда субъект претерпевает конкретные правоограничения, а в своей статике закреплена в санкции правовой нормы» [18, с. 77]. Правовое последствие является качественной характеристикой мер юридической ответственности. К примеру, правовым последствием применения мер уголовной ответственности является судимость, административной – состояние административной наказанности, дисциплинарной – состояние наличия дисциплинарного правонарушения. Правовыми последствиями применения мер позитивной юридической ответственности являются благоприятные последствия, улучшающие правовой статус лица, к примеру, повышение в должности, награждение и т. д.

Таким образом, правовые последствия являются качественной составляющей мер юридической ответственности и представляют собой «предусмотренные нормы права изменения правового статуса субъекта общественных отношений, порождаемых наличием или отсутствием соответствующих юридических фактов» [24, с. 14].

В свою очередь, меры юридической ответственности, являясь разновидностью мер государственного принуждения, закреплены в санкции правовой нормы и характеризуется количественными и качественными характеристиками и реализуется в случае совершения правонарушения на основе акта применения юридической ответственности и преследующая цели кары, восстановления, предупреждения и воспитания [18, с. 89].

Меры позитивной юридической ответственности определяют как разновидность мер позитивного государственно-правового воздействия, которые закрепляются в поощрительных санкциях, характеризующиеся количественными и качественными характеристиками, реализующиеся за социально-активное правомерное поведение на основе акта применения позитивной юридической ответственности [18, с. 120]. Содержанием мер позитивной юридической ответственности являются субъективные права, юридические обязанности и законные интересы, которые определяют вид, объем, границы и пределы пра-

вомерного поведения субъекта [18, с. 133–146]. Формами выражения мер государственно-правового воздействия являются правовые средства, а именно дозволения, льготы и поощрения.

Как можно заметить, различие между мерами негативной и позитивной юридической ответственности состоит в том, что в первом случае таковыми являются меры юридической ответственности, как разновидности мер государственного принуждения, а во втором – меры позитивного государственно-правового воздействия. При этом меры государственного принуждения являются родовым понятием, а меры юридической ответственности – видовым [18, с. 40–49]. Кроме того, несмотря на то, что к мерам юридической ответственности относятся и наказания и поощрения, однако в санкциях норм позитивной юридической ответственности могут быть указаны и такие формы государственно-правового воздействия, не являющиеся мерами юридической ответственности, как льготы и дозволения.

Таким образом, государственно-правовое воздействие является более широким понятием по сравнению с государственным принуждением и включает в себя поощрение, позитивную ответственность, стимулирование, убеждение.

Следовательно, при формулировании обобщенной категории санкции как нормы негативной и позитивной юридической ответственности целесообразно использовать категорию «государственно-правовое воздействие», которое включает в себя меры как государственно-правового принуждения, так и меры позитивного государственно-правового воздействия.

Следующим признаком, разграничивающим наказательные и поощрительные санкции, является карательная функция присущая первым. При этом, как наказательные, так и поощрительные санкции осуществляют регулятивную, превентивную, восстановительную и воспитательную функции [18, с. 147–176].

Следует заметить, что в науке санкции юридической ответственности в зависимости от их функционального и целевого назначения классифицируются на восстановительные или карательные [25, с. 31–39]. Однако Д.А. Липинский справедливо возражает, говоря о том, что карательными и восстановительными являются функции, которые выполняют санкции [26, с. 74].

Применение мер негативной юридической ответственности это наказание, поскольку всегда связано либо с определенными ограничениями прав и свобод нарушителя, либо с возложением на него каких-то дополнительных обязанностей. Именно в этих ограничениях и дополнительных обременениях, которые отсутствовали бы в случае правомерного поведения, проявляется карательная функция негативной юридической ответственности [27, с. 50].

Таким образом, можно сформулировать следующие определения наказательных и поощрительных санкций.

Наказательная санкция – это обязательный структурный элемент нормы негативной юридической ответственности, закрепляющий вид и меру государственно-правового воздействия, предусматривающий негативные последствия для лица, нарушившего диспозицию правовой нормы и выполняющую регулятивную, превентивную, восстановительную, воспитательную и карательную функции.

Поощрительная санкция – обязательный структурный элемент нормы позитивной юридической ответственности, закрепляющий вид и меру государственно-правового воздействия, предусматривающий положительные последствия для лица, исполнившего диспозицию правовой нормы и выполняющую регулятивную, превентивную, восстановительную и воспитательную функции.

Наказательным и позитивным санкциям присущи такие общие признаки, как то, что и те и другие являются структурным элементом правовой нормы, обеспечиваются и защищаются государством, носят авторитарный,

властный характер формально определены.

Отличаются наказательные и поощрительные санкции:

- 1) мерами государственно-правового воздействия;
- 2) правовыми последствиями;
- 3) карательной функцией.

В целом под санкцией нормы права следует понимать обязательный структурный элемент нормы как позитивной, так и негативной юридической ответственности, закрепляющий вид и меру государственно-правового воздействия, предусматривающий положительные или негативные последствия для лица, исполнившего или нарушившего диспозицию правовой нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев П.В. Автоматические санкции в Российском праве (теория, практика, техника) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 237 с.
2. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 544 с.
3. Казаков В.Н., Казаков Р.В., Туганов Ю.Н., Шамаров В.М. Теория государства и права. Калуга: Ваш Дом, 2016. 533 с.
4. Казаков В.Н. Теория государства и права. М.: Издательство РААН, 2015. 362 с.
5. Золотарев А.П. Гражданско-правовая ответственность в России: понятие, основания, санкции. М.: Юрлитинформ, 2016. 206 с.
6. Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2017. 240 с.
7. Лейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Правоведение. 1977. № 3. С. 31–39.
8. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб.: С-Петербургский государственный университет, 2015. 472 с.
9. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. М.: ИНФРА-М, 2013. 138 с.
10. Редько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Проспект, 2015. 576 с.
11. Калинин А.Ф. Общая теория права. Чита: ЧитГУ, 2008. 230 с.
12. Курылев С.В. Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и прав. 1964. № 8. С. 47–55.
13. Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 292 с.
14. Малько А.В. Юридические поощрения как разновидность социальных санкций // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 75–84.
15. Малько А.В. Льготная поощрительная правовая политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 231 с.
16. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против // Право и политика. 2005. № 11. С. 9–18; № 12. С. 21–32.
17. Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
18. Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л., Шишкин А.Г. Меры юридической ответственности. М.: ИНФРА-М, 2014. 230 с.
19. Проблемы теории государства и права / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
20. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Красноярский университет, 1985. 198 с.
21. Чашин А.Н. Теория государства и права. М.: Дело и Сервис, 2008. 688 с.
22. Заболотских Е.М. Муниципально-правовые санкции как форма выражения ответственности в системе местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

23. Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 49 с.
24. Васильев П.В. Автоматические санкции в Российском праве (теория, практика, техника) : автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 35 с.
25. Лейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Правоведение. 1977. № 3. С. 31–39.
26. Липинский Д.А. Юридическая ответственность. Тольятти: ВУиТ, 2002. 400 с.
27. Моисеев А.В. Санкции как структурный элемент нормы юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 49–51.

**MOTIVATING AND PUNISHING SANCTIONS OF LEGAL LIABILITY RULE:
GENERAL AND SPECIAL**

© 2016

A.V. Moiseev, lecturer of the chair “Theory of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: rule of law; the legal liability rule; sanction; sanction of the legal liability rule; penalty sanction; motivating sanction; legal liability; state compulsion; legal liability measures; public and legal effect; legal consequences; punishment; motivation.

Abstract: The article investigates the motivating and punishing sanctions, their common and different features are revealed. The author has come to the conclusion that in order to formulate a common definition of the rule of law sanction, it should be based on accepting of the existence of both: a punishing sanction (sanction of the negative legal liability rule), and motivating sanction (sanction of the positive legal liability rule).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2016

Т.В. Мычак, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное правонарушение; проступок; уголовно-процессуальная ответственность; неисполнение процессуальных обязанностей; денежное взыскание.

Аннотация: Уголовно-процессуальная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности признается большинством ученых, занимающихся указанной проблематикой. В УПК РФ она представлена такой мерой наказания, как денежное взыскание. Вместе с тем, согласно общей теории права, юридическая ответственность наступает лишь за совершенные правонарушения. Следовательно, в сфере уголовного судопроизводства основанием уголовно-процессуальной ответственности также является совершение участником уголовно-процессуального правонарушения. Однако в российском уголовно-процессуальном законодательстве термин «правонарушение» не используется, точно так же как и не используется термин «процессуальная ответственность». Вследствие этого у правоприменителей возникают сложности в идентификации процессуальных правонарушений и применений мер ответственности. В статье исследуется понятие уголовно-процессуального правонарушения с точки зрения теории уголовного процесса и действующего правового регулирования, а также рассматриваются проблемы в правовом оформлении процессуальных правонарушений (проступков).

Согласно общей теории права, юридическая ответственность наступает лишь за совершенное правонарушение. Учитывая, что в уголовно-процессуальной науке большинством ученых признается процессуальная ответственность в качестве отдельного вида юридической ответственности, соответственно ее основанием должно выступать уголовно-процессуальное правонарушение.

Раскрывая понятие правонарушения, обратимся к статье 54 Конституции РФ, предусматривающей обязательность признания деяния в качестве правонарушения. Это требование означает, что деяние только тогда будет считаться правонарушением, когда оно официально признано таковым в правовой норме. Следовательно, утверждать о существовании уголовно-процессуальных правонарушений, можно лишь при наличии соответствующих уголовно-процессуальных норм, устанавливающих данный вид противоправного поведения в уголовно-процессуальной сфере. Как нам представляется, данное требование предполагает обязательное использование термина «правонарушение» в характеристике деяний, вызывающих уголовно-процессуальную ответственность. Вместе с тем в российском уголовно-процессуальном законодательстве термин «правонарушение» не используется, точно так же, как и не используется термин «процессуальная ответственность».

В теории уголовного процесса тема процессуальных правонарушений стала активно развиваться с начала 80-х годов прошлого столетия, с выходом в свет нескольких научных работ по уголовно-процессуальной ответственности [1–4]. Однако до настоящего времени ученые не смогли выработать единую концепцию. К примеру, А.И. Столмаков под правонарушением в уголовном процессе понимает «виновное противоправное деяние субъекта уголовного судопроизводства, заключающееся в нарушении процессуальных обязанностей и причиняющее вред правоприменительному процессу, запрещенное уголовно-процессуальными санкциями» [5]. В определенной степени рассматривала процессуальные правонарушения Г.Н. Ветрова, определяя их как «виновное нарушение требований уголовно-процессуального закона субъектами уголовно-процессуальных правоотношений» [6]. В работе В.С. Вепрева правонарушение в уголовно-процессуальном праве представляет собой «одну из форм противоправного поведения в сфере уголовного судопроизводства, выраженную в действии (или) бездействии, а также системе действий участника уголовного судопроизводства, запрещенных нормами уголовно-процессуального законодательства, и нарушении требований и принципов уголовно-процессуального закона, конституционных принципов, совершаемые посредством неисполнения обязанностей или ненад-

лежащего их исполнения» [7]. Схожа с ним позиция С.Н. Бурцева, который несколько уже обозначает сферу применения мер процессуальной ответственности, ограничиваясь нормами, регламентирующими порядок производства по уголовному делу [8]. А.А. Канифатов понимает процессуальное правонарушение – как «общественно вредное и противоправное умышленное действие (бездействие) деликтоспособного субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, посягающее на установленный уголовно-процессуальным законом порядок возбуждения, предварительного расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел, а также, частично, исполнение приговора» [9].

Исходя из представленных авторских позиций, следует, что в качестве правонарушителей могут быть не только вовлеченные участники уголовного судопроизводства, но и органы государственной власти и их должностные лица. Из этого следует, что должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, способно совершить уголовно-процессуальное правонарушение, и как следствие, должно нести уголовно-процессуальную ответственность. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения и считаем, что меры ответственности должны использоваться правоприменителями только в отношении вовлеченных участников, не являющихся частью государственного аппарата.

Итак, несмотря на имеющиеся семантические различия представленных определений, практически все авторы в качестве основных признаков процессуального правонарушения выделяют противоправность, виновность, общественную вредность (или общественную опасность), запрещенность деяния, а также вменяемость (дееспособность или деликтоспособность) нарушителя. Выделенные здесь признаки правонарушения можно разделить на две группы, первая из которых характеризует объективную сторону правонарушения как запрещенного и наказуемого деяния, а вторая группа признаков раскрывает правонарушение с субъективной стороны, как виновное деяние дееспособного лица.

В результате можно сформулировать научное понятие уголовно-процессуального правонарушения, объединяющее все представленные позиции. Процессуальное правонарушение – это *противоправное (нарушающее нормы УПК РФ), запрещенное и наказуемое деяние вовлеченного в уголовный процесс участника судопроизводства, выраженное в неисполнении возложенных на него обязанностей, вызывающее применение к нарушителю мер процессуальной ответственности.*

Взяв за основу это определение при исследовании процессуального правонарушения, останемся на основных, с нашей точки зрения, признаках, находящихся

между собой в определенных связях и в своей совокупности формирующих понятие правонарушения. Это такие признаки, как:

- 1) запрещенность деяния в праве;
- 2) причинно-следственная связь деяния с мерой наказания;
- 3) специальный порядок установления правонарушения.

На первый взгляд в нормативном понятии уголовно-процессуального принуждения можно выделить все обозначенные элементы: запрещенное деяние представлено неисполнением процессуальной обязанности и/или нарушением порядка в судебном заседании; наказание – в виде денежного взыскания до 2500 рублей; а условия применения ответственности – определенным ст. 118 УПК РФ порядком наложения денежного взыскания.

Выделение в характеристике правонарушения признака запрещенности только тогда имеет сущностное значение, когда запрет на совершение деяния обеспечивается связью с конкретными мерами наказания, т. е. деяние запрещается под угрозой наказания. Следовательно, правонарушение это противоправное деяние, запрещенное под угрозой наказания. Указанный признак обязывает законодателя придать запрещенному деянию формальную определенность, закрепить непосредственную связь между деянием и наказанием и признать всю правовую конструкцию в качестве самостоятельной правовой категории – правонарушения.

В уголовно-процессуальном законодательстве юридический состав правонарушения представлен в ст. 117 УПК РФ, согласно которой неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушение ими порядка в судебном заседании, вызывает наложение на них денежного взыскания в размере до двух тысяч пятисот рублей. Таким образом, содержание уголовно-процессуального правонарушения, составляет:

- неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей;
- нарушение ими порядка в судебном заседании.

Сопоставляя объективную сторону указанных деяний, мы пришли к выводу, что по своей природе, нарушение порядка в зале судебного заседания есть не что иное, как неисполнение субъектом своих процессуальных обязанностей. Следовательно, редакция ст. 117 УПК РФ, в части определения объективной стороны процессуального правонарушения не совсем удачна. И в том, и в другом случае под процессуальным правонарушением законодатель понимает неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ. Именно эти обстоятельства образуют объективную сторону уголовно-процессуального правонарушения и присущи всем без исключения видам противоправного поведения в уголовном судопроизводстве. С другой стороны, каждая процессуальная обязанность участника имеет собственное объективное содержание и правовое значение. Поэтому неисполнение каждой обязанности специфично. Отсюда следует вывод: сколько процессуальных обязанностей предусмотрено в уголовно-процессуальном законодательстве, столько различных по содержанию, по объективным характеристикам процессуальных правонарушений можно выделить.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли неисполнение участником своей процессуальной обязанности рассматривать в качестве дефиниции уголовно-процессуального правонарушения? Исследуя этот вопрос, мы столкнулись с рядом серьезных проблем.

Первая проблема связана с объективной характеристикой фактического (запрещенного) деяния. Закрепляя в качестве основания ответственности «неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей» законодатель определяет бланкетный (отсылочный) характер данных положений, предусматри-

вающий обязательное наличие других правовых норм, регулирующих процессуальные обязанности. Вместе с тем обязанности, на которые ссылается ст. 117 УПК РФ, не нашли своего надлежащего правового оформления в процессуальном статусе участников. Более того, процессуальные обязанности как мера должного поведения не свойственны участникам уголовного судопроизводства, в то время как процессуальные права присутствуют в статусе каждого из них [10]. Следовательно, определение запрещенного деяния посредством указания на обязанности участников судопроизводства требует от законодателя существенной корректировки их процессуальных статусов в части регулирования должного поведения.

Вторая проблема связана с количеством мер наказания и их выбором при реализации института уголовно-процессуальной ответственности. Из анализа ст. 117, 118 УПК РФ складывается впечатление о существовании только одной меры ответственности – денежного взыскания, применяемой за все виды уголовно-процессуальных нарушений. Вместе с тем в качестве наказания, как нам кажется, можно рассматривать и другие меры воздействия, применяемые к участникам уголовного судопроизводства в судебной его части на основании ст. 258 УПК РФ. Это такие меры как предупреждение и удаление из зала судебного заседания. К сожалению, законодатель не установил критерии, по которым определяется связь противоправного деяния с мерой наказания.

Третья проблема состоит в отсутствии четких условий применения наказания за совершенное уголовно-процессуальное правонарушение. Прежде всего, следует отметить несоответствие института уголовно-процессуальной ответственности принципу неотвратимости наказания. Как следует из текста ст. 117 УПК РФ применение меры наказания к нарушителям процессуального порядка осуществляется в диспозитивном порядке, по усмотрению суда: за неисполнение процессуальных обязанностей на участников может быть наложено денежное взыскание. По нашему мнению в регулировании причинно-следственной связи «деяние – наказание» должен использоваться жесткий императив, не допускающий свободного усмотрения в решении данного вопроса. При установлении объективной стороны совершенного правонарушения и деликтоспособности участника судопроизводства, применение к нему меры уголовно-процессуальной ответственности должно быть обязательным.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве есть серьезные проблемы в регулировании процессуальных правонарушений (проступков), которые требуют своего разрешения. С нашей точки зрения, для обеспечения формальной определенности процессуальных правонарушений необходимо закрепить в УПК РФ процессуальные обязанности всех участников и детально регламентировать механизм их исполнения. Только при таких условиях установление состава процессуального правонарушения в практической деятельности не будет вызывать трудностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столмаков А.И. Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву // Правоведение. 1980. № 1. С. 71–76.
2. Капустянский В.Г. Об уголовно-процессуальной ответственности // Правоведение. 1982. № 6. С. 101–104.
3. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж: Воронежский университет, 1984. 190 с.
4. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М.: Наука, 1987. 112 с.
5. Столмаков А.И. Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву // Правоведение. 1980. № 1. С. 71–76.
6. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальное правонарушение // Совершенствование законодательства о суде

- и правосудии. М.: Институт государства и права АН СССР, 1985. С. 58–65.
7. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности. М.: Юрлитинформ, 2007. 229 с.
8. Бурцев С.Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
9. Канифатов А.А. Защита уголовного процесса от ненормативного поведения его участников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 24 с.
10. Вершинина С.И. Обязательность порядка судопроизводства как основа российского уголовного процесса // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 19–21.

CRIMINAL PROCEDURE OFFENSE AS THE CAUSE OF THE CRIMINAL PROCEDURE LIABILITY

© 2016

T.V. Mychak, senior lecturer of “Criminal trial and criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal-procedural violation; misdemeanor; criminal-procedural responsibility; failure to procedural obligations; pecuniary punishment.

Abstract: Criminal procedure responsibility as an independent type of legal liability, is recognized by most scientists involved in the said issues. The Code of Criminal Procedure, it is represented by a penalty, as the monetary penalty. However, according to the general theory of law, legal liability arises only for the committed offense. Therefore, in criminal proceedings under the Criminal-procedural responsibility as a party to the commission of the offense of criminal procedure. However, in Russian criminal procedural law, the term “offense” is not used, just as not using the term “procedural responsibility”. As a result, the law enforcement agencies have difficulty in identifying procedural violations and imposition of sanctions. In this article we will explore the concept of criminal procedural violations in terms of the theory of criminal procedure and the current legal regulation, as well as considering the problems in legalizing procedural violations (misdemeanors).

КЛАССИФИКАЦИЯ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2016

Е.Н. Немова, преподаватель кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; уголовная ответственность; гражданско-правовая ответственность; освобождение от юридической ответственности; освобождение от наказания; основания освобождения от юридической ответственности.

Аннотация: В статье предпринимаются попытки классифицировать освобождение от юридической ответственности на отдельные виды. Наиболее подробно классификация освобождения от юридической ответственности исследована в уголовном праве. В общетеоретическом аспекте освобождение от юридической ответственности классифицируют по различным основаниям. В связи с возрождением концепции деления системы права на частное и публичное, встает вопрос о разделении освобождения от юридической ответственности на виды освобождения от юридической ответственности в публичном и частном праве, которое отличается по специфике целей освобождения, по основаниям освобождения, по форме освобождения, по субъектам и по другим критериям.

В науке существуют определенные трудности для общетеоретической классификации видов освобождения от юридической ответственности.

В отраслевом законодательстве закреплены основания освобождения от юридической ответственности.

Так, в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) предусмотрены следующие виды оснований освобождения от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), по амнистии (ст. 84 УК РФ). Кроме того, в примечаниях к соответствующим статьям УК РФ предусмотрены специальные основания для освобождения от уголовной ответственности (см., например, ст.ст. 126, 205, 205.1, 205.3, 205.5, 206, 208, 222, 223, 30 и др. статьи УК РФ).

В Кодексе об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) в ст. 2.9 предусмотрены основания освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, в п. 4 ч. 1 ст. 24.5 – в связи с изданием акта амнистии, в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5, п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), а также в примечаниях к соответствующим статьям КоАП РФ выделены специальные основания для освобождения от административной ответственности (см., например, ст.ст. 6.8, 6.9, 6.16.1, 12.21.3, 14.1, 14.5 и др. статьи КоАП РФ).

Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) также приводит основания для освобождения от налоговой ответственности. Таковыми являются: истечение сроков давности привлечения к налоговой ответственности (п. 4 ч. 1 ст. 109 НК РФ), если налоговое правонарушение было совершено при приобретении, использовании либо распоряжении имуществом и (или) контролируруемыми иностранными компаниями, а также счетами (вкладами), информация о которых содержится в специальной декларации и (или) прилагаемых к ней документов и (или) сведениях, представленных в Федеральном законе «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ч. 2 ст. 109 НК РФ). НК РФ подобно УК РФ и КоАП РФ содержит и специальные основания освобождения от налоговой ответственности, предусмотренные в соответствующих статьях Кодекса. К примеру, согласно ч. 2 ст. 126.1 НК РФ налоговый агент освобождается от ответственности, предусмотренной настоящей статьей, в случае, если им самостоятельно выявлены ошибки и представлены налоговому органу уточненные документы до момента, когда налоговый

агент узнал об обнаружении налоговым органом недостоверности содержащихся в представленных им документах сведений. В ч. 2 ст. 129.3 НК РФ предусмотрены основания освобождения от налоговой ответственности налогоплательщика.

В международном праве освобождение от международной ответственности предусмотрено в различных международно-правовых актах и также имеет свои особенности.

К примеру, в ст. 31 Римского статута Международного уголовного Суда перечислены основания для освобождения от уголовной ответственности [1]. Согласно ст. 33 Римского статута Международного уголовного суда освобождаются от ответственности лица, исполнившие приказ не зная, что он незаконный или лицо, которое было юридически обязано выполнять такой приказ или если приказ не носил явно незаконного характера. Определенные основания освобождения от международной ответственности предусмотрены в международном воздушном и космическом праве. Так, в случае пересечения государственной границы экипажами космических кораблей ответственность не применяется, так как данные лица считаются представителями человечества в космосе и государство, на территории которого они приземлились, должно оказывать им всяческую помощь [2].

В доктрине предпринимаются попытки классифицировать освобождение от юридической ответственности на отдельные виды.

В уголовном праве общепризнанной является классификация освобождения от уголовной ответственности на общие и специальные виды. К общим видам освобождения от уголовной ответственности относятся те, которые предусмотрены в главе 11 Общей части УК РФ. В качестве самостоятельных видов называют освобождение в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ) и актом амнистии (ст. 84 УК РФ). Виды освобождения от уголовной ответственности, которые закреплены в примечаниях, являются специальными [3].

Л.В. Головкин классифицирует освобождение от уголовной ответственности в зависимости от того является ли освобождение от уголовной ответственности правом или обязанностью судебно-следственных органов на дискреционные (освобождение от уголовной ответственности является правом органов следствия и суда) (ст.ст. 75, 76, 90 УК РФ) и императивные (освобождение от уголовной ответственности является обязанностью органов следствия и суда). В зависимости от позитивного поведения лица, подлежащего уголовному преследованию, которое выражено в конкретных указанных в законе действиях и когда освобождение от уголовной ответственности не зависит от поведения этого субъекта на: объективные и субъективные (ст.ст. 76.1, 78, 81, 84 УК РФ) [4, с. 37–40].

П.В. Коробов несколько иначе формулирует классификационные основания для деления освобождений от уголовной ответственности на объективные и субъективные. В первом случае это обстоятельства, не зависящие от сознания и воли правонарушителя, а во втором – обстоятельство, связанные с сознанием и волей лиц, совершивших правонарушение [5, с. 61–67].

В зависимости от обязательности или невозможности предъявления определенных требований к поведению виновного лица после освобождения от уголовной ответственности, все виды освобождения от уголовной ответственности делят на условные и безусловные [6, с. 49–56].

А.М. Балафендиев полагает, что основанием выделения условных и безусловных видов освобождения от уголовной ответственности, являются регламентация последствий. В основном освобождение от уголовной ответственности не связано с какими-либо последствиями, не предусматривает учета поведения освобождаемого лица и возможности отмены принятого решения об освобождении – это безусловное освобождение от уголовной ответственности. Безусловные виды освобождения от уголовной ответственности окончательны с момента вынесения соответствующего постановления [7, с. 84].

Условным видом освобождения от уголовной ответственности является освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90 УК РФ).

А.В. Ендольцева в качестве классификационной основы деления освобождения от уголовной ответственности на виды предлагает выделять субъекта права освобождения от уголовной ответственности [8, с. 70–71], а именно виды освобождения от уголовной ответственности, применяемые только судом (ч. 4 ст. 78, ч. 1 ст. 90, ст. 96, ч. 1 ст. 81 УК РФ) и применяемые, как судом, так и несудебными органами (ч. 1 ст. 75, ст. 76, ст. 78, ч. 2 ст. 84 УК РФ) [8, с. 70–71].

В качестве критерия деления видов освобождения от уголовной ответственности выделяют и возраст лица, подлежащего уголовной ответственности. Так, Л.В. Головкин, разграничивая виды освобождения от уголовной ответственности на общие и специальные, в свою очередь общие виды освобождения от уголовной ответственности делит на две подгруппы: 1) основные общие и 2) субсидиарные общие. Так, освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), хотя и является общим основанием для освобождения от уголовной ответственности, но может применяться только в отношении несовершеннолетних лиц [4, с. 38].

В других отраслях права не приводится столь обстоятельного и последовательного исследования классификации видов освобождения от юридической ответственности.

Так, виды освобождения от административной ответственности подразделяют на общие и частные. Первые применяются ко всем административным правонарушениям, а вторые, как исключение из общих правил, исходя из соображения стимулирования добровольного отказа от совершения правонарушения [9, с. 61–65].

В зависимости от возможности или невозможности выбора, на: дискреционные виды оснований освобождения от административной ответственности (предусматривают возможность выбора того или иного варианта поведения) и императивные (исключают возможность выбора) [9, с. 61–65].

В гражданском праве, ученые лишь перечисляют отдельные виды оснований освобождения от гражданско-правовой ответственности. О.А. Кузнецова к видам освобождения от гражданско-правовой ответственности относит: истечение срока давности при соответствующем заявлении стороны в споре, малозначительность правонарушения, отказ кредитора от привлечения правонарушителя к ответственности (прощение долга), примире-

ние с правонарушителем [10, с. 100]. Кроме того, автор приводит еще такие виды освобождения от гражданско-правовой ответственности, как освобождение от уже назначенной меры гражданско-правовой ответственности (постприменение ответственности): если кредитор не обращает решение суда к принудительному исполнению в течение установленного законом срока, правонарушитель по воле кредитора освобождается от наказания; другие случаи освобождения от гражданско-правовой ответственности при привлечении к ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью (см. п. 3 ст. 1073, п. 2 ст. 1090, п. 4 ст. 1090 ГК РФ) [10, с. 101–102].

В учебнике Гражданское право под редакцией О.Н. Садикова виды освобождения должника от ответственности классифицированы в зависимости от основания освобождения: освобождения от гражданско-правовой ответственности при отсутствии вины в действии должника и вследствие того, что неисполнение обязательства не считается неправомерным [11]. Кроме того, к видам освобождения от гражданско-правовой ответственности относят истечение срока исковой давности и гарантийных сроков.

В международном праве освобождение от международной ответственности классифицируют в зависимости от оснований, освобождающих от международной ответственности на: 1) основания, связанные с психическими заболеваниями; 2) основания, обусловленные защитой; 3) основания освобождения по причине интоксикации; 4) основания освобождения, связанные с ошибкой в факте или событии; 5) основания, связанные с приказом начальника или предписания закона [12, с. 112–116].

Таким образом, наиболее подробно классификация видов освобождения от юридической ответственности исследована в уголовном праве.

В общетеоретическом аспекте освобождение от юридической ответственности классифицируют по различным основаниям.

О.Ф. Скакун классифицирует виды освобождения от юридической ответственности по следующим критериям:

1) по отраслям права на конституционные, международные, административные, гражданские, финансовые, налоговые, дисциплинарные, уголовные виды освобождений от юридической ответственности;

2) по цели освобождения от юридической ответственности. Например, освобождение от юридической ответственности с целью освобождения от наказания;

3) по основаниям освобождения от юридической ответственности, различает: освобождение от юридической ответственности по степени общественной опасности правонарушения и по степени общественной опасности правонарушителя; общие и специальные основания освобождения от юридической ответственности;

4) по форме освобождения от юридической ответственности на: освобождение от юридической ответственности в законодательной или правоприменительной форме;

5) по субъектам, которые применяют освобождение от юридической ответственности на: освобождение от юридической ответственности, применяемое законодательными (представительными), исполнительными, судейскими органами;

6) по полноте (объему) освобождения от юридической ответственности на: полное и частичное освобождение от юридической ответственности [13, с. 85].

С.В. Медведев виды освобождения от юридической ответственности классифицирует по следующим основаниям:

1) по отрасли права: на освобождение от конституционной, уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной ответственности;

2) по цели: на освобождение от юридической ответственности с целью дифференциации ответственности, депенализация деяния, расширения круга субъектов, освобождения от наказания;

3) в зависимости от основания освобождения от юридической ответственности: по степени общественной опасности правонарушения и по степени общественной опасности правонарушителя; на общие и специальные;

4) по форме освобождения от ответственности на: освобождение от юридической ответственности в форме законодательных или правоприменительных актов;

5) по степени обязательности применения освобождения от юридической ответственности на факультативные и императивные виды освобождения от юридической ответственности;

6) по субъекту, применяющего освобождение от юридической ответственности на: освобождение от юридической ответственности, применяемого органами государственной власти Российской Федерации и субъектами Российской Федерации, муниципальными органами;

7) по объему освобождения от правовой ответственности полное и частичное [14, с. 22].

В целом, соглашаясь с предложенными выше классификациями освобождения от юридической ответственности, следует добавить, что действительно, в различных отраслях права виды освобождения от юридической ответственности несколько отличаются. Если в уголовном праве освобождение от уголовной ответственности строго предусмотрены в нормах Уголовного кодекса РФ, то в гражданском праве допускается возможность договорного установления оснований для освобождения от гражданско-правовой ответственности. Например, в соответствии с п. 4 ст. 723 ГК РФ, договор подряда может содержать условие об освобождении подрядчика от ответственности за определенные недостатки результата работы.

В международном праве освобождение от международной ответственности предусмотрено в различных международно-правовых актах и также имеет свои особенности.

Таким образом, по отраслевому критерию можно выделить такие виды освобождения от юридической ответственности, как освобождение от конституционной ответственности, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от административной ответственности, освобождение от налоговой ответственности; освобождение от гражданско-правовой ответственности, освобождение от дисциплинарной ответственности, освобождение от международной ответственности и т. д.

Однако в связи с возрождением концепции деления системы права на частное и публичное, встает вопрос о разделении освобождения от юридической ответственности на виды освобождения от юридической ответственности в публичном и частном праве. Более того, следует согласиться с Д.А. Липинским в том, что институт юридической ответственности по своей природе является публичным, так как и в частном праве защищаются не только частные, но и публичные интересы, которые взаимосвязаны друг с другом [15, с. 3–7].

Юридическая ответственность в отраслях публичного права несколько отличается от юридической ответственности в отраслях частного права. Прежде всего, это связано с целями юридической ответственности. Если в отраслях частного права такими целями являются пресечение противоправных действий и принудительное восстановление нарушенного права, то в публичная юридическая ответственность, помимо перечисленных целей, преследует и цель наказания правонарушителя, т. е. учитывает общественную опасность, как самого деяния, так и виновного лица. Кроме того, как сама публичная ответственность, так и основания освобождения от нее предусмотрены только законом, в то время как частно-

правовая ответственность и основания освобождения от нее могут быть установлены договором.

Освобождение от юридической ответственности в отраслях публичного и частного права отличается также и по специфике целей освобождения, и по основаниям освобождения, и по форме освобождения, и по субъектам и по другим критериям.

В связи с изложенным представляется вполне обоснованным классифицировать освобождение от юридической ответственности на отдельные виды в зависимости от деления системы права на частное и публичное: на освобождение от юридической ответственности в отраслях публичного и в отраслях частного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Римский статут Международного уголовного суда: принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
2. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство: заключено в г. Москве, Лондоне, Вашингтоне 22.04.1968 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
4. Головкин Л.В. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1998. № 11. С. 37–40.
5. Коробов П.В. Виды освобождения от уголовной ответственности, носящие объективный и носящие субъективный характер // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 74. С. 61–67.
6. Коробов П.В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 49–56.
7. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 255 с.
8. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 231 с.
9. Жданов Н.М., Жданова А.Н. Освобождение от административной ответственности // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 61–65.
10. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. 2012. № 4. С. 97–103.
11. Гражданское право / под ред. О.Н. Садикова. Т. 1. М.: ИНФРА-М, 2006. 493 с.
12. Русанов Г.А. Обстоятельства, освобождающие от международной уголовной ответственности // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 112–116.
13. Скаун О.Ф. Институт освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой и историко-правовой аспекты) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2008. Т. 21. № 2. С. 82–91.
14. Медведев С.В. Освобождение от юридической ответственности в Российском государстве (теоретические и практические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 28 с.
15. Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12. С. 3–7.

CLASSIFICATION OF EXEMPTION FROM LEGAL RESPONSIBILITY

© 2016

E.N. Nemova, lecturer of “Civil law, civil process and labour law” department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: law responsibility; criminal responsibility; civil right responsibility; exemption from law responsibility; exemption from punishment; basis of exemption from law responsibility.

Abstract: In the paper there are attempts to classify exemption from legal responsibility into the separate types. Classification of exemption from law responsibility is carefully examined in criminal law. In general theoretical aspect exemption from law responsibility is classified by different basis. In connection with revival of the concept of splitting the right system into private and public here is the question on splitting of exemption from law responsibility into the types of exemption from law responsibility in public and private law, that is different on specific of targets of exemption, basis of exemption, form of exemption, subjects and other criteria.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА КЛЕВЕТЫ, СОЕДИНЕННОЙ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ О НАЛИЧИИ У ЛИЦА ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

© 2016

Ю.С. Норвартян, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и криминология»*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)*

Ключевые слова: клевета; оценочное понятие; заболевания, представляющие опасность для окружающих; психические заболевания.

Аннотация: В статье дается уголовно-правовая характеристика признаков объективной стороны клеветы, соединенной с распространением заведомо ложных сведений о наличии у лица заболеваний, представляющих опасность для окружающих по Уголовному кодексу Российской Федерации. Особое внимание уделено видам заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

В теории уголовного права под объективной стороной состава преступления обычно понимается внешнее выражение акта преступного поведения человека, которое может выражаться в общественно опасных действиях или бездействии, влекущих либо не влекущих общественно опасные последствия [1, с. 75].

Отличительным свойством объективной стороны состава преступления, по сравнению с другими признаками состава преступления, заключается в том, что в большинстве случаев она описывается в самой диспозиции уголовно – правовой нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Не является исключением и ст. 128.1 УК РФ, где объективная сторона состава служебного подлога сформулирована следующим образом: распространение виновным ложных сведений о другом лице; порочащий характер этих распространяемых сведений или подрывающих его репутацию. Одной из сведений, порочащих честь и достоинства человека или подрывающих его репутацию – сведения о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, эти данные отражены в ч. 4 ст. 128. УК РФ [2]. Данный квалифицирующий признак стал новшеством для современного уголовного законодательства России, где законодатель предусмотрел ответственность за «клевету о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих».

Следует отметить, квалифицирующий признак ст. 128.1 УК РФ «Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих» является бланкетным. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (ред. от 13 июля 2012 г.) [3] к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих, относятся: болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ); вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки; гельминтозы; гепатит В; гепатит С; дифтерия; инфекции, передающиеся преимущественно половым путем; лепра малярия; педикулез, акариоз и другие инфекции; сип и мелиоидоз; сибирская язва; туберкулез; холера; чума. Соответствующий перечень носит закрытый характер. Несмотря на это, некоторые правоведы предлагают не ограничиваться указанными выше заболеваниями, а наоборот, расширить их круг. Так, О.С. Степанюк и А.В. Степанюк отмечают, что «при толковании понятия «опасность для окружающих» необходимо учитывать не только возможность заражения заболеванием окружающих, но и опасность поведения лица, страдающего заболеванием, для окружающих» [4, с. 28]. С данной позицией не согласны В.Б. Поезжалов и М.М. Шахмаев, так как перечень данных заболеваний определен постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 и носит закрытый характер [5, с. 50].

Необходимо иметь в виду, что перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, актуален для 2004 г., когда принималось соответствующее постановление Правительства РФ. Однако, как известно, появляются и получают распространение новые социально опасные инфекционные заболевания человека. Примерами тому могут служить вирус группы А (H1/N1), инфекция ЕНЕС (энтерогеморрагическая кишечная палочка) и другие инфекционные заболевания человека, характеризующиеся быстрым распространением среди населения, тяжелым течением, высоким уровнем инвалидности и смертности. В соответствии с этим очевидно, что перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715, со временем будет уточняться.

В этой связи возникает вопрос: как следует квалифицировать действия лица, которое распространяло заведомо ложную информацию о болезни, не входящей в вышеуказанный перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Например, А. из неприязни, заведомо осознавая ложность сообщаемых сведений и преследуя цель опорочить Б., ложно обвинила его в присутствии Г. и Д. в том, что якобы А., будучи зараженным вирусом Эбола, ведет беспорядочный половой образ жизни.

Одним из распространенных способов передачи вируса Эбола является контакт с кровью и любыми выделениями: слезами, слюной, спермой, а также воздушно-капельный путь. Медики отмечают, что даже после смерти человека можно заразиться посредством соприкосновения с телесными жидкостями [6]. Это заболевание вызывает опасность для своего здоровья, а у некоторых – брезгливость и отвращение. Однако такое отношение общества представляется недостойным для воспитанного человека (общества). Порочащим является не сам факт наличия болезни, так как человек может заразиться указанной болезнью, когда он заботился о больном или занимался похоронами человека, зараженного данным вирусом, а действия, способствующие распространению данной болезни, например, больной целуется, вступает в половую связь, выступает в качестве донора крови и т. д., могут опорочить честь и достоинство лица.

Думается, что вышеуказанное деяние следует квалифицировать по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ либо по ч. 3 ст. 128.1 (если лицо использовало свое служебное положение), так как лицо четко отметило способ передачи вируса Эбола. Кроме того, виновный заведомо осознавал ложность сообщаемых им сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и желал их распространить. Квалифицировать его действия по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ не представляется возможным, так как данное заболевание не входит в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих,

предусмотренных в постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

В случае если лицо добросовестно заблуждалось в том, что тот или иной субъект болен вышеуказанным заболеванием, он освобождается от уголовной ответственности, так как добросовестное заблуждение относительно подлинности распространяемых сведений исключает состав клеветы [7, с. 156].

В юридической литературе обсуждается вопрос о привлечении к уголовной ответственности за клевету, соединенную с распространением заведомо ложных сведений о психическом заболевании лица. Авторы этой позиции приводят следующие аргументы: «Учитывая то, что лицами, страдающими психическими заболеваниями, совершается значительное количество общественно опасных деяний, у значительной части населения сформировалось стойкое убеждение в их опасности для окружающих». Также они предлагают дополнить ст. 128.1 УК РФ примечанием, в котором будет указан перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, или сделать ссылку на нормативно-правовой акт, как это сделано в примечании к ст. 228 УК РФ [4, с. 28].

Первое предложение авторов вышеуказанной позиции нельзя рассматривать как верную позицию, так как сам факт болезни не должен унижать честь и достоинство потерпевшего или подрывать его репутацию. Порочком может быть не само заболевание, а действия, способствовавшие его распространению [8, с. 451]. Второе предложение является более корректным.

Еще один вопрос квалификации: как следует квалифицировать деяния лица, если он распространял заведомо правдивые сведения. Например, И., будучи лечащим врачом М., заведомо осознавая достоверность сообщаемых сведений и преследуя целью подорвать деловую репутацию М., в присутствии Ш. и Э. сообщила, что М., будучи больным туберкулезом, ведет прием граждан в многофункциональном центре города.

Квалификация по ст. 128.1 УК РФ исключается, так как закон указывает на заведомость ложных сведений, а в примере указано, что И. осознавала достоверность (правдивость) распространяемых ею сведений.

Таким образом, действия И. следует квалифицировать по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ (ред. от 23.05.2016 г.) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», «лица, находящиеся под диспан-

серным наблюдением в связи с туберкулезом, при оказании им противотуберкулезной помощи имеют право на: сохранение врачебной тайны» [9].

Резюмируя вышеизложенное, считаем целесообразным дополнить ст. 128.1 УК РФ примечанием. Это примечание предлагается изложить в следующей редакции: «Перечень инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, в статьях настоящего кодекса утверждается Правительством Российской Федерации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современное уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. 1040 с.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон принят Государственной думой 13 июля 2012 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4330.
3. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 г. № 715 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916.
4. Степанюк О.С., Степанюк А.В. Вопросы толкования понятия «заболевания, представляющие опасность для окружающих» как квалифицирующего признака клеветы // Российский следователь. 2013. № 3. С. 27–28.
5. Поезжалов В.Б., Шахмаев М.М. Клевета: спорные вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 46–53.
6. Лихорадка Эбола в мире и в Африке: обзор фактов заболевания // Московская медицина: справочно-информационный портал. URL: moskovskaya-medicina.ru/lihoradka-ebola/lihoradka-ebola-v-mire-i-v-afrike-obzor-faktov-zabolevaniya.html.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I–X). М.: Волтерс Клувер, 2010. 736 с.
8. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 680 с.
9. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 26. Ст. 2581.

THE OBJECTIVE PART OF SLANDER, COUPLED WITH THE SPREAD OF FALSE INFORMATION ABOUT PERSON'S DISEASES THAT POSE A DANGER TO OTHERS

© 2016

Yu.S. Norvartyan, PhD (Law), senior lecturer of Chair “Criminal Law and Criminology”
Samara State University, Samara (Russia)

Keywords: slander; evaluation; diseases, that pose a danger to the wider public; mental diseases.

Abstract: The article is criminal legal characteristic of signs of the objective party of slander, coupled with the spread of false information about a person of the diseases, presenting danger to others under the criminal code. Special attention is paid to the types of diseases that pose a danger to others.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ПОИСК И (ИЛИ) ИЗЪЯТИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

© 2016

И.В. Одоева, аспирант*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск (Россия)*

Ключевые слова: уголовная ответственность; незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов; повреждение или уничтожение культурного слоя; культурное наследие; объекты культурного наследия; археологические предметы.

Аннотация: В статье приводится анализ уголовно-правовой нормы, посвященной незаконным действиям по поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания. Автор исследует основные и квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного статьей 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, отмечает некоторые особенности применения положений данной статьи в судебной практике.

Федеральным законом от 27.06.2011 г. № 163-ФЗ [1] была ратифицирована Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная), подписанная в городе Валлетте 16 января 1992 г. [2]. В соответствии со статьей 2 указанной конвенции каждая Сторона приняла обязательство создать с помощью подходящих для данного государства средств, правовую систему охраны археологического наследия.

Федеральным законом от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ [3] (далее – Федеральный закон № 245-ФЗ) в отдельные законодательные акты Российской Федерации был внесен значительный ряд изменений, направленных на пресечение незаконной деятельности в области археологии. Данный нормативный акт не обошел стороной и УК РФ [4], в который, помимо прочих изменений, была внесена статья 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания».

Несмотря на то, что названная норма действует уже более трех лет, практика ее применения судами не совсем распространена.

Вместе с тем введение статьи 243.2 УК РФ является крайне важным шагом в борьбе за сохранность объектов археологического наследия, поскольку, согласно мнению директора Института археологии РАН Н.А. Макарова, «волна браконьерских раскопок буквально захлестнула Россию, выбросив на прилавки антикварных магазинов тысячи раритетов. Варварская добыча древностей превратилась в хорошо организованный промысел, в который вовлечены сотни людей» [5, с. 14]. Указанные деяния приводят не только к незаконной реализации ценнейших объектов археологического наследия, но и к их разрушению и уничтожению.

Опасность рассматриваемого преступления заключается в создании условий для незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания. В результате причиняется значительный ущерб культурному наследию народов Российской Федерации и его объектам.

Норма об ответственности за рассматриваемое преступление располагается в главе 25 УК РФ, в связи с этим его родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок. Видовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность. Непосредственным объектом можно назвать отношения, обеспечивающие общественную нравственность в сфере охраны объектов археологического наследия.

До принятия Федерального закона № 245-ФЗ Уголовный кодекс РФ содержал несколько статей, предусматривающих ответственность за посяательства на объекты культурного наследия (ст. 164, 226.1, 190 и 243 УК РФ). Криминализация незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания повлекла изменение ст. 243 УК РФ, а также добавление

новых составов преступлений, охватываемых ст. 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ, в результате этого в Уголовном кодексе РФ появилась целая группа составов преступлений, посягающих на объекты культурного наследия.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что в систему объектов уголовно-правовой охраны уголовного законодательства, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, после категории «окружающая природная среда» необходимо включить «культурное наследие» [6, с. 42].

Понятие «культурное наследие народов Российской Федерации» законодательно закреплено в ст. 3 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» [7] и включает в себя материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Предметом рассматриваемого состава выступает археологический предмет, под которым согласно ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [8] (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок.

Как показывает судебная практика, для решения вопроса о принадлежности найденного предмета к археологическим в смысле ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ суд, как правило, прибегает к заключению историко-культурной экспертизы и показаниям экспертов, специалистов [9].

Следует отметить, что в примечании 1 к ст. 243.2 УК РФ законодатель дает определение понятию «культурный слой», которое аналогично по содержанию дефиниции, содержащейся в Федеральном законе № 73-ФЗ. Вместе с тем термин «археологические предметы», который также раскрывается в указанном Федеральном законе, в Уголовном кодексе РФ не закреплен. Представляется логичным включить в примечание и понятие «археологические предметы», либо исключить из него понятие «культурный слой».

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, выражена в активных действиях виновного, а именно в поиске и (или) изъятии археологических предметов, проводимых без разрешения (открытого листа).

Под поиском следует понимать действия, направленные на обнаружение местонахождения археологических предметов; розыск археологических предметов.

Под изъятием понимается извлечение археологических предметов из мест залегания.

Согласно статье 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов (далее – археологические полевые работы), проводятся на основании выдаваемого сроком не более чем на один год разрешения (открытого листа). Поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания могут производиться исключительно в составе археологических полевых работ. Разрешение (открытый лист) – документ, выдаваемый федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук и подтверждающий право на проведение одного из видов археологических полевых работ, указанных в пункте 7 настоящей статьи. Порядок выдачи разрешений (открытых листов), приостановления и прекращения их действия устанавливается Правительством Российской Федерации.

Обязательным признаком состава рассматриваемого преступления является наступление общественно опасных последствий в виде повреждения или уничтожения культурного слоя.

Согласно примечанию к ст. 243.2 УК РФ под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы.

Установление факта повреждения или уничтожения культурного слоя является непростой задачей. Так, оценивая законность вынесенного приговора, судебная коллегия по уголовным делам Костромского областного суда в апелляционном определении [10] указывает, что суд первой инстанции, устанавливая факт наличия культурного слоя, правомерно исходил из данных, полученных из заключений эксперта, специалиста, а также принял во внимание результаты оперативно-розыскного мероприятия – обследование местности.

Понятия «повреждение» и «уничтожение» характеризуют различную степень порчи археологических предметов. А.И. Бойцов указывает: «Если уничтожение означает приведение предмета в полную негодность, в результате чего он целиком теряет свое потребительское или иное целевое назначение и не подлежит восстановлению, то повреждение – это приведение предмета в состояние, существенно или временно затрудняющее его использование, снижающее его потребительские свойства или ограничивающее его хозяйственное назначение, но не исключающее возможность восстановления первоначального состояния при соответствующей затрате труда и материалов» [11, с. 758].

Проводя аналогию указанных разъяснений в отношении объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, приходим к выводу о том, что повреждение культурного слоя означает такое воздействие на него, в результате которого частично или временно исключается возможность обнаружить содержащиеся в этом слое следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, а также включенные в него археологические предметы.

Под уничтожением культурного слоя следует понимать такое воздействие на него, в результате которого полностью и окончательно исключается возможность обнаружить содержащиеся в этом слое следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, а также включенные в него археологические предметы.

Поскольку повреждение и уничтожение культурного слоя – разные по степени общественной опасности последствия, следует отразить это при формулировании правовой нормы. Представляется более логичным поместить общественно опасное последствие в форме уничтожения культурного слоя в ч. 2 ст. 243.2 УК РФ, чем ужесточить ответственность за деяние, повлекшее названное последствие.

Также обязательным признаком состава является причинно-следственная связь между совершенным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Обязательным признаком объективной стороны анализируемого состава является место совершения преступления. Поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания должны быть произведены виновным лицом на поверхности земли, в земле или под водой.

При этом как показывает судебная практика [10], для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 243.2 УК РФ общественно опасные деяния могут быть осуществлены на любой территории. Если же поиск и (или) изъятие археологических предметов совершены в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия, то ответственность наступает в соответствии с ч. 2 указанной статьи, что влечет более суровое наказание. Это обусловлено тем, что повреждение или уничтожение культурного слоя в границах таких территорий представляет собой большую общественную опасность и причиняет больший ущерб объекту посягательства.

Федеральный закон № 73-ФЗ относит культурный слой к объектам археологического наследия (ст. 3). При этом в силу ч. 3 ст. 49 указанного нормативного акта объекты археологического наследия, а также археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности.

В соответствии с ратифицированной Российской Федерацией пересмотренной Европейской конвенцией об охране археологического наследия [2], государство – сторона конвенции, в числе прочего, обязуется: создать с помощью подходящих для него средств правовую систему охраны археологического наследия; применять процедуры для выдачи разрешений на раскопки и контроля над ними и другими видами археологической деятельности, предотвращать любые незаконные раскопки или изъятие объектов археологического наследия; обеспечивать проведение археологических раскопок и изысканий научными методами и при условии: применения, где это возможно, неразрушающих методов исследований; недопущения оставления незакрытыми или незасыпанными объектов археологического наследия во время или после раскопок без обеспечения их надлежащей сохранности, консервации и контроля и др.

В связи с этим, под уголовно-правовую охрану попадают не только объекты археологического наследия, выявленные в установленном данным законом порядке и включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, но и те, которые были выявлены в результате незаконных действий.

В данном аспекте представляют интерес материалы уголовного дела, рассмотренные Костромским областным судом [10]. Осужденные, не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, в апелляционных жалобах указали, что вели земельные работы в обычном поле за пределами села, на территории которого находится архитектурный комплекс Казанской и Троицкой церквей. Данный комплекс является объектом культурного наследия и включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Однако то место, где ими производились поиски, не относится ни к архитектурному комплексу, ни к селу. Свои доводы осужденные подтверждали картой с официального сайта Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии.

Отклоняя указанные доводы, судебная коллегия по уголовным делам поддержала выводы суда первой инстанции, указав, что территория, на которой совершено преступление, действительно не включена в единый го-

сударственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, однако на основании совокупности доказательств, в том числе показаний свидетелей и Акта обследования территории, можно сделать однозначный вывод о том, что село само по себе имеет богатое историческое наследие и культурный слой, а также о том, что границы на представленной защитником карте не соответствуют фактическим данным имевшейся застройки.

Таким образом, факт принадлежности территории, на которой совершено преступление, предусмотренное ст. 243.2 УК РФ, к объектам культурного наследия влияет на квалификацию содеянного и на определение наказания.

Средства совершения преступления в данном составе выступают особо квалифицирующим признаком. Пункт «а» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ предусматривает наступление повышенной ответственности, при условии, что перечисленные в частях 1, 2 деяния были совершены с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин. Примечание к статье дает разъяснения, что следует понимать под специальными техническими средствами поиска.

Субъективная сторона преступления характеризуется умыслом. При этом в каждом конкретном случае суд должен установить, что умысел лиц, совершивших деяние, был направлен на поиск и (или) изъятие именно археологических предметов. Так, при рассмотрении одного из уголовных дел виновные лица настаивали на том, что их действия были направлены на поиск и изъятие цветного металла. Суды первой и апелляционной инстанции, опираясь на совокупность имеющихся в деле доказательств (в частности, результаты оперативно-розыскного мероприятия – обследование местности, показания свидетелей, заключения экспертов и специалистов) установили, что умысел виновных при совершении ими общественно опасного деяния был направлен «именно на незаконные поиск и изъятие из мест залегания в земле археологических предметов» [10].

Субъект преступления – общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет.

Совершение указанных в диспозиции деяний лицом с использованием своего служебного положения образует особо квалифицированный состав преступления.

К лицам, использующим свое служебное положение при проведении незаконных раскопок, относятся должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, а также руководители и служащие коммерческих и некоммерческих организаций, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями.

Совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 243 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору или

организованной группой также образует особо квалифицированный состав преступления.

Подводя итоги, нам представляется необходимым отметить, что закрепление уголовной ответственности за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания является необходимым и важным шагом в борьбе за сохранность культурного наследия народов Российской Федерации, поскольку «сохранение, использование и преумножение культурных богатств нашей страны немислимы без надлежащего правового регулирования» [12, с. 194].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной): Федеральный закон от 27.06.2011 № 163-ФЗ // Российская газета. 2011. № 139.
2. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (заключена в г. Валлетте 16.01.1992): Европейская конвенция ETS № 143 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 16. Ст. 1812.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ // Российская газета. 2013. № 163.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 06.07.2016 № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: выступления участников круглого стола Совета Федерации. М.: Издание Совета Федерации, 2004. С. 13–24.
6. Анощенкова С.В. Культурное наследие как объект уголовно-правовой охраны и объект преступлений // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 38–42.
7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1: в ред. от 28.11.2015 // Российская газета. 1992. № 248.
8. Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Российская газета. 2002. № 116–117.
9. Приговор Отрадненского районного суда Краснодарского края от 26.05.2014 № 1-35/2014 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
10. Апелляционное определение Костромского областного суда от 19.11.2015 № 22-1181 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
11. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
12. Клебанов Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 3. С. 194–197.

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL SEARCH AND (OR) SEIZURE OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS FROM THE PLACE OF OCCURRENCE: SOME ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

© 2016

I.V. Odoeva, post-graduate student

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk (Russia)

Keywords: criminal liability; illegal search and (or) seizure of archaeological objects; damage or destruction of the cultural layer; cultural heritage; objects of cultural heritage; archaeological objects.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the criminal rule, that is dedicated to the liability for illegal search and (or) removal of archaeological objects from the place of occurrence. The author investigates the main and qualifying signs of the corpus delicti provided by article 243.2 of the criminal code of Russian Federation, notes some features of application of the provisions of this article in judicial practice.

Ключевые слова: древнерусское право; головничество; вира; частнопредварное возмещение.

Аннотация: Дискуссионная проблема содержания института головничества раскрывается на основе привлечения новых источников информации. Головничество рассматривается в системе мер частнопредварного возмещения, что позволяет более уверенно судить о содержании этого института древнерусского права.

Головничество является одним из наименее изученных институтов древнерусского права, а дискуссия относительно его природы продолжается в течение длительного времени, но при этом круг источников не расширяется. Очень странной представляется ситуация, когда вира упоминается в различных памятниках права вплоть до XV в., а головничество встречается только в Русской Правде. В рамках данной статьи предпринята попытка взглянуть на головничество в контексте более широкого круга данных и рассмотреть этот институт как один из разных видов частнопредварного возмещения.

В условиях ограниченного круга источников информации большое значение приобретают косвенные данные, в первую очередь – данные сравнительно-правового анализа. Современные авторы Э.В. Георгиевский и Р.В. Кравцов проводят параллели с германским правом, отмечая, что головничество «являлось эквивалентом кровной мести, взималось с убийцы и шло родственникам убитого. Так же, как вира соответствовала германскому правовому институту *wehrgeld*, головничество соответствовало *busse*» [1, с. 75]. Действительно, очень часто вергельд и вира отождествляются до такой степени, что даже в переводе Салической правды в некоторых главах вместо термина «вергельд» используется термин «вира» (гл. LXII §1): «Если будет лишен жизни чей-нибудь отец, половину виры пусть возьмут его сыновья, а другую половину пусть разделят между собою ближайшие родственники как со стороны отца, так и со стороны матери». Следует заметить, что сходство с вирой в данном случае весьма отдаленное: в обоих случаях можно усмотреть некое замещение отпущения за убийство, но на этом сходство заканчивается, различий гораздо больше. И главное среди различий – это назначение платежа: вергельд поступает в пользу родственников убитого и представляет собой частнопредварное возмещение за потерю работника, тогда как вира Русской Правды является публично-правовым штрафом и поступает в пользу публичной власти. На это же различие указывают С.А. Кондрашкин и М.Ю. Неборский, которые прямо отождествляют вергельд с головничеством [2, с. 50].

О содержании вергельда весьма обстоятельные сведения дают некоторые нормы Гуталага. Например, в случае нарушения так называемого «мира дома» (*af haimfríði*) предусматривалось разделение уплачиваемого возмещения на несколько частей: «Если ты убьешь человека дома в его усадьбе или покалечишь его, то плати 12 марок всей стране и другие 12 ему (истцу) и, кроме того, вергельд» [3, с. 128]. Прежде всего, очевидно, что вергельд отделяется от другой части уплачиваемого преступником, которая представляет собой дополнительную санкцию за нарушение «мира» (в данном случае – «мира дома»). Эта дополнительная часть, в свою очередь, четко разделяется на два платежа, которые различаются своим назначением – 12 марок в пользу «всей страны» (т. е., по сути, публично-правовой штраф, возмещение всему обществу) и другие 12 марок – в пользу пострадавшей стороны («истцу», т. е., по сути, частнопредварное возмещение). Особый интерес в данном случае представляет тот факт, что и публично-правовая, и частнопредварная выплаты совпадают по своему размеру, что является кос-

венным доводом в пользу позиции тех исследователей, которые предполагают, что размеры виры и головничества были одинаковыми.

Вторую – и основную – часть в рассматриваемой норме Гуталага составляет вергельд. Хотя его характер в этом месте никак не поясняется, анализ дальнейшего текста позволяет сделать определенные выводы: «Если ты ударишь человека палкой или обухом топора или ранишь его, плати тогда ему 3 марки и другие 3 народу (*mogha*) и, кроме того, законный штраф» [3, с. 128]. Структура этой нормы идентична приведенной выше, но вместо вергельда здесь упомянут «законный штраф», что косвенно указывает на характер вергельда как публично-правового возмещения, штрафа. В другом месте это косвенное предположение находит подтверждение, когда Гуталаг прямо указывает, что вергельд представляет собой «штраф стране», подчёркивая тем самым его публично-правовой характер: «Но штрафы за нарушение святости никогда не платятся стране, кроме случая, если кто-нибудь будет убит в церкви; тогда должно быть заплачено 40 марок. Это штрафы стране» [3, с. 126].

С другой стороны, этот же термин «штраф» в Гуталаге нередко обозначает частнопредварное возмещение, уплачиваемое в пользу пострадавшей стороны. В Гуталаге прослеживается сильное влияние архаических правовых норм, которым ещё не было известно значительное влияние публично-правового начала. В связи с этим в некоторых нормах говорится о том, что вергельд должен быть принят наследниками, а в пользу общины он поступает только после формального отказа наследника принять вергельд: «Но тот (истец) пусть сразу же примет штраф, если он хочет. И пусть на нем не будет позора. Но если он не хочет так быстро принять штраф, то его надо предлагать три раза в течение одного года, а потом нести его на тинг перед всеми людьми. Он может принять штраф там, если хочет. Иначе все люди распоряжаются добром, но они [ответчики] пусть будут без вины» [3, с. 130].

Возникающая путаница может быть объяснена, если предположить, что мы имеем дело с наложением разных временных пластов, поскольку на раннем этапе вергельд представлял собой частнопредварное возмещение родственникам убитого, позднее – публично-правовой штраф в пользу общины и верховной власти. В таком случае определённое обоснование получает как позиция авторов, усматривающих сходство между вергельдом и головничеством, так и тех исследователей, которые отождествляют вергельд с вирой. Обе позиции могут быть обоснованы, если аргументировать их в соответствующих хронологических рамках.

Попытки отождествить вергельд с вирой или головничеством не помогут раскрыть значение последнего термина, – слишком много отличий самостоятельной древнерусской правовой традиции от современных ей инокультурных правовых систем. Следует полагать, что наиболее перспективным будет раскрытие термина «головничество» через его связь с вирой штрафной ставки. И в этом направлении комплексный анализ системы источников древнерусского права позволяет сделать интересные выводы.

Судя по памятникам древнерусского права XII–XIII вв., вира довольно быстро стала переосмысляться в широком смысле как откуп от вероятной мести и смерти. Например, в ст. 11 договора Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. предписывалось: «А иже иметь Русин Немчича у своею жоны, [ино] за сором 10 гривен серебра. Та же правда буди Русину в Ризе и на Готьскомъ березе» [4, с. 62]. Учитывая распространенность обычая, разрешавшего в таких случаях убить прелюбодея на месте, штраф представлял собой выкуп жизни преступника и являлся в этом смысле прямым аналогом виры (10 гривен серебра в этом договоре соответствуют 40 гривнам Русской Правды). Более позднее Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом, в отличие от Договора, специально оговаривает два возможных варианта наказания прелюбодея – его можно убить на месте или взыскать с него компенсацию в размере вирной ставки в 10 гривен серебра: «Оже имуть Русина вольного у вольное жены в Ризе или на Гътскомъ березе, оже убьютъ, и тьтъ убит; паки ли не убьютъ, платити ему 10 грив[ен] серебра» [5, с. 75].

Рассмотрение этих норм вплотную подводит нас к более полному пониманию одного из положений договора Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами конца XII в.: «Оже пошибаетъ мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривн ветхymi кунами, а жене или мужское дчери 40 гривн ветхymi кунами» [6, с. 125]. Исследователи часто сетуют на то, что головничество упоминается всего лишь в одной статье Русской Правды и именно по этой причине так сложно делать достоверные предположения о его природе. В данном случае мы находим сильный аргумент в пользу одной из версий трактовки института головничества. В приведенной норме преступник выкупает свою жизнь выплатами, которые измеряются вирной ставкой (то, что эти платежи в случае насилия над свободной женщиной генетически связаны с выкупом жизни убийцы, наглядно показано приведенными выше нормами международных договоров XIII в.), однако сам выкуп четко разделялся на две части: одна уплачивалась в пользу княжеской власти и представляла собой публично-правовой штраф (аналог виры), другая часть – в пользу самой пострадавшей (частноправовой платеж, аналог головничества).

Вира устанавливалась за убийство свободного человека или за другие преступления, если подразумевалась необходимость «выкупа» жизни преступника. В ряде статей Русской Правды (статьи 13, 15, 17, 40, 61, 65, 89) речь также идет о «цене» жизни, но человека, свобода которого ограничена: холопа, рабыни, закупа, сельского и ратайного тиуна и др. В большинстве случаев 12 гривен – это прямой аналог виры, он уплачивался в качестве штрафа в случае убийства несвободного или зависимого лица (ст. 13, 15, 17, 40, 89). В одной из статей (ст. 89) законодатель косвенно оговаривает, что эта штрафная ставка является аналогом виры: «А в холопе и в робе виры нетуть: но оже будетъ без вины убиен, то ... князю 12 гривен продаже» [7, с. 70]. Кроме того, штраф в 12 гривен представлял собой выкуп жизни преступника (например, в ст. 65 указано на существовавшую возможность убить раба, ударившего свободного человека, однако господин раба мог выкупить его жизнь, уплатив штраф в 12 гривен и возмещение потерпевшему), или этот же штраф мог уплачиваться в случае совершения преступлений, которые по своей тяжести соотносились с убийством (например, по ст. 61 господин, пытавшийся продать закупа в холопство, принуждался к уплате штрафа в 12 гривен). Характерно, что к числу лиц, несвободных или зависимых, жизнь которых оценивалась не в полную виру, а в 12 гривен, относился вор, пойманный с поличным – за его убийство Русская Правда также назначала штрафом в 12 гривен.

Из рассмотренных статей наибольший интерес представляет то обстоятельство, что возмещение за убийство

чужого раба состоит из двух частей: одна часть представляет собой штраф, другая – частноправовое возмещение пострадавшей стороне (хозяину раба). Это ещё один косвенный довод в пользу концепции головничества как частноправового возмещения в дополнение к вире.

Наконец, ещё одним косвенным свидетельством в пользу представления о том, что возмещение ущерба, причинённого преступлением, состояло из двух частей (публичноправового штрафа и частноправового возмещения), являются нормы княжеских церковных уставов (например, ст. 2, 3, 4, 7 Пространной редакции Устава князя Ярослава Владимировича и др.). По этим статьям штраф выплачивался в пользу церковных властей, а равное ему возмещение уплачивалось пострадавшей. Возмещение составляет такую же сумму, как и штраф, и дифференцировано таким же образом, как это видно, например, из ст. 3 Пространной редакции Устава князя Ярослава: «Аще кто пошибаетъ боярскую дочерь или боярскую жену, за сором еи 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; а меньших бояр – гривна золота, а митрополиту – гривна золота; нарочимых людеи – два рубля, а митрополиту два рубля; простыи чади – 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитель» [8, с. 189–190].

О том, что эти (или похожие) нормы на самом деле имели применение в практике, свидетельствуют русско-немецкие договоры XII–XIII вв. [6, с. 125–126; 4, с. 62].

Отдельно можно отметить, что дифференциация штрафных ставок, связанных с вирой, в княжеских церковных уставах и в международных договорах XII – XIII вв. дают основу для предположения, что двойная вирная ставка также могла порождать двойной размер головничества.

Очевидно, что попытки найти точное соответствие вире и головничеству в инокультурных правовых традициях не могут быть успешными: оба эти правовые института являются элементами самобытной системы древнерусского права. Но комплексный анализ системы источников древнерусского права позволяет выявить нормы, которые дополняют наши представления о головничестве Русской Правды. Их содержание позволяет более уверенно утверждать, что головничество дополняло собой виру, так же как аналоги головничества дополняли вирные штрафные ставки в полном соответствии со средневековой концепцией двойственной природы преступления и наказания: наказание было призвано возместить ущерб, причиненный преступным деянием, и в этом смысле в систему права органично включаются компенсации в пользу пострадавших (в рассматриваемом случае – головничество). С другой стороны, наказание должно компенсировать ущерб, причиненный общему «миру», восстановить утраченный баланс, утраченную стабильность: здесь на преступника возлагается обязанность уплатить штраф в пользу общины (в данном случае – вира).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В. Система штрафных санкций в уголовном праве Древнерусского государства // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3. С. 73–78.
2. Кондрашкин С.А., Неборский М.Ю. Преступление и наказание в Древней Руси. Государство. Право. Церковь. М.: Просвещение, 1999. 220 с.
3. Гуталаг // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.: РГГУ, 1999. С. 113–173.
4. Договор («правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. II. М.: Госюриздат, 1953. С. 62–65.
5. Соглашение Смоленска с Ригою и Готским берегом 1230–1270 гг. // Памятники русского права. Вып. II. М.: Госюриздат, 1953. С. 72–75.
6. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими

- городами 1189–1199 гг. // Памятники русского права. Вып. II. М.: Госюриздат, 1953. С. 124–125.
7. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 64–73.
8. Устав князя Ярослава. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 189–193.

GOLOVNICHESTVO IN THE SYSTEM OF PRIVATE LAW COMPENSATION

© 2016

Yu. V. Ospennikov, doctor of jurisprudence, professor of chair of the “Theory and history of state and law”
Samara Humanitarian Academy, Samara (Russia)

Keywords: old Russian law; *golovnichestvo*; *vira*; private law compensation.

Abstract: Discussion the problem of the maintenance of the Institute *Golovnichestvo* revealed on the basis of attracting new sources of information. *Golovnichestvo* is considered in the system of private law compensation measures, allowing you to more confidently judge the content of this Institute of old Russian law.

И.В. Попрядухина, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Банк России; кредитная организация; банкротство; стадии банкротства; финансовая организация; арбитражный суд; конкурсное производство.

Аннотация: В статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с несостоятельностью (банкротством) кредитных организаций. Предлагаются пути решения обозначенных проблем. Анализируется современное законодательство о несостоятельности банкротстве кредитных организаций. Необходимость особого правового регулирования правоотношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) кредитных организаций, обусловлена тем, что, в отличие от большинства других коммерческих организаций, кредитные организации обладают специальной (целевой) правоспособностью, в рамках которой они могут выполнять банковские операции, оказывать финансовые и иные услуги и совершать определенные сделки, недоступные, как правило, другим участникам рынка.

Реалии современной жизни таковы, что ни одна, даже самая стабильная финансовая организация не застрахована от неблагоприятных экономических последствий. В настоящее время тема банкротства кредитных организаций очень актуальна. Это связано как с общей нестабильной финансовой ситуацией в мире, введением персональных санкций в отношении конкретных коммерческих банков и целых секторов экономики, так и низкой финансовой платежной дисциплиной и невысоким уровнем юридической ответственности топ-менеджмента кредитных организаций. В 2015 году были внесены существенные изменения в законодательство о банкротстве кредитных организаций. Это позволило в значительной мере нивелировать отрицательный эффект, вызванный неспособностью кредитных организаций исполнять возложенные на них обязательства и, как следствие, их банкротство.

Отдельные положения закона «О несостоятельности (банкротстве)» вызывают большие дискуссии в научных кругах. Необходимость регламентации процесса банкротства кредитной организации специальными нормами закона исходит из специфики самого должника, его природы. Деятельность кредитных организаций, несмотря на то, что они являются как правило, частными организациями, носит публично-правовой характер.

Безусловно, банки и иные кредитные организации владеют собственным имуществом – денежными средствами, зданиями, уставным капиталом, но, помимо этого, кредитные организации также используют привлеченные денежные средства физических и юридических лиц.

Проблемы у финансовой организации могут возникнуть в результате внутренних сложностей, ограничений и санкций со стороны других государств, хищений и растрат со стороны топ-менеджеров.

Если финансовое состояние должника характеризуется неплатежеспособностью, то инициируется процесс банкротства.

Согласно положениям федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», несостоятельность (банкротство) – признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

Его можно охарактеризовать как многостадийный процесс, представляющий собой совокупность планомерно сменяющих друг друга процедур. Процесс банкротства начинается с введения процедуры наблюдения. На втором этапе подлежат применению правила о такой процедуре банкротства как финансовое оздоровление. Третьей процедурой является внешнее управление. Каждая из указанных выше процедур имеет свои особенности содержания, сроки и последствия введения. Завершающей стадией процесса банкротства является

конкурсное производство. Законодатель допускает также заключение мирового соглашения.

Однако банкротство даже такой категории как юридические лица имеет свои особенности в зависимости от вида субъекта. К специальным субъектам относят и кредитные организации – юридические лица, которые для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России) имеют право осуществлять банковские операции.

К кредитным организациям не подлежат применению правила о таких процедурах банкротства, как наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение.

Проанализировав законодательство РФ, мы пришли к выводу о том, что банкротство кредитных организаций регламентировано специальными нормами закона. Несмотря на то, что ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» кредитных организаций утратил силу, его положения, с некоторой переработкой, вошли в качестве особенной части в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Процесс банкротства в рамках российской модели представляется довольно длительной процедурой. Он существенно осложняется и наличием среди лиц, участвующих в рассмотрении дела о банкротстве кредитных организаций специальных субъектов, таких как: Банк России, Агентство по страхованию вкладов, временной администрации, кредитной организации как должника. Каждый из них наделен особым, набором прав и обязанностей, присущих исключительно ему. Ввиду этого представляется интересным взаимодействие всех этих субъектов в рамках процесса о банкротстве.

Далеко не каждый участник рынка в ситуации, когда его долги превышают активы, способен самостоятельно преодолеть кризис. В таких случаях вступает в действие правовой механизм признания такого должника банкротом.

Безусловно, банки и иные кредитные организации владеют собственным имуществом – денежными средствами, зданиями, уставным капиталом, но довольно часто кредитные организации также используют привлеченные денежные средства физических и юридических лиц.

В данном случае наиболее слабой и менее защищенной стороной при банкротстве предприятий являются кредиторы. Поэтому все положения закона «О несостоятельности (банкротстве)» изложены с учетом регламентации положений о составе включаемого в конкурсную массу имущества, об очередности удовлетворения требований. Таким образом, законодатель защищает права кредиторов, создает определенные гарантии.

Вопрос урегулирования требований кредиторов – один из наиболее важных в ходе процедуры банкротства кредитной организации. Банкротство кредитной организации это не разовая вспышка, а некое подобие гири-

ды. Во многих случаях банкротство самой кредитной организации влечет наступление банкротства юридических лиц – вкладчиков, а они в свою очередь влекут наступление неплатежеспособности своих контрагентов. Неисполнение банком обязанностей в отношении вкладчиков – физических лиц, также может иметь серьезные социальные последствия [2].

Урегулирование требований кредиторов осуществляется конкурсным управляющим в рамках одноименной процедуры. Его действия в основном направлены на своевременное установление и полный учет требований кредиторов, а также проведение расчетов с ними.

Отметим, что федеральным законом от 22.12.2014 г. № 432-ФЗ внесены изменения в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». В качестве структурного элемента в его содержание был введен параграф 4.1, регламентирующий процесс банкротства кредитных организаций.

Одновременно с этим утратил юридическую силу действующий ранее федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций». Теперь закон «О несостоятельности (банкротстве)» охватывает как общие положения о банкротстве организаций, так и положения о несостоятельности специальных субъектов – кредитных организаций.

Отметим дополнительные механизмы защиты кредиторами своих прав.

Во-первых, несостоятельность кредитной организации признается только арбитражным судом. В тоже время банкротство иных организаций может быть объявлено должником добровольно. В свою очередь, основанием для возбуждения производства по делу о банкротстве служит предварительный отзыв Банком России лицензии у кредитной организации.

Во-вторых, положения закона о банкротстве кредитных организаций, не содержат требования должника к объему требований, удовлетворение которых невозможно. Более того, сокращено время неплатежеспособности с трех месяцев до четырнадцати дней.

В-третьих, при рассмотрении дел в отношении кредитных организаций применяется только конкурсное производство. Иные процедуры (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление) и мировое соглашение не используются. Однако стоит отметить, что, несмотря на отсутствие процедуры финансового оздоровления кредитной организации фактически те же меры по восстановлению платежеспособности подлежат применению в качестве мер санации.

В-четвертых, кредиторы кредитной организации вправе предъявлять свои требования в любой момент в ходе конкурсного производства, причем не в арбитражный суд, а конкурсному управляющему, который по результатам рассмотрения не позднее 30 рабочих дней со дня получения такого требования вносит его в реестр требований кредиторов или отказывает в таком включении, о чем кредитор письменно уведомляется [3].

Порядок очередности удовлетворения требований кредиторов должника является одним из наиболее дискуссионных вопросов, возникающих в ходе конкурсного производства при банкротстве кредитных организаций.

Анализируя состав первой очереди удовлетворения требований кредиторов кредитной организации, можно прийти к выводу о том, что их состав более обширный по сравнению с иными организациями. Так в состав первой очереди дополнительно включаются требования Агентства по страхованию вкладов, перешедшие к нему в результате осуществления выплат вкладчикам в рамках системы страхования вкладов; требования Банка России, перешедшие к нему в результате осуществления выплат по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе страхования вкладов [4].

По нашему мнению, подобное увеличение кредиторов первой очереди противоречит целям банкротства –

соразмерному удовлетворению требований кредиторов, а также принципам добросовестности, разумности и справедливости.

В данном случае было бы целесообразно ограничить требования кредиторов первой очереди, ограничив их лишь требованиями физических лиц, перед которыми кредитная организация несет ответственность за причинение вреда их жизни или здоровью и осуществляет компенсацию морального вреда, а также требования физических лиц о возврате суммы основного долга и процентов по договорам банковского вклада и счета.

Введение подобных ограничений позволило бы соблюсти принципы пропорциональности и соразмерности, а также защитить интересы слабой стороны – граждан РФ.

Органы банковского надзора имеют право требовать от банков принятия специальных мер для повышения степени надежности, запрещать виды деятельности, способные усугубить положение банка.

Меры воздействия, применяемые к кредитным организациям, можно разделить на предупредительные (рекомендательные) и принудительные. Полномочия по определению их конкретного состава предоставлены Банку России и его территориальным учреждениям. Это могут быть как меры одного типа, так и сочетание мер различных типов. При выборе вида мер воздействия надзорный орган должен учитывать ряд факторов:

- характер допущенных кредитной организацией нарушений;
- причины, обусловившие возникновение выявленных нарушений;
- общее финансовое состояние кредитной организации;
- положение кредитной организации на федеральном и региональном рынке банковских услуг.

Наиболее часто в правоотношениях, возникающих в связи с несостоятельностью кредитных организаций, Банк России использует отзыв лицензии. Перечень оснований отзыва лицензии у кредитных организаций четко определен в законодательстве и является исчерпывающим [5].

Для соблюдения требования об отзыве лицензии в качестве необходимого условия возбуждения дела о банкротстве кредитной организации не имеет значение основание отзыва лицензии.

По нашему мнению, отзыв лицензии как мера ответственности должен применяться в исключительных случаях, когда состояние кредитной организации с точки зрения банковских рисков характеризуется как критическое. Целесообразным будет исключение из числа оснований для отзыва лицензии на осуществлении банковских операций, таких как: установление фактов недостоверности отчетных данных или же задержку более чем на 15 дней представления ежемесячной отчетности.

Таким образом, можно подвести ряд итогов. Несмотря на то, что законодательство о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций представляется глубоким и фундаментальным, и оно с течением времени подлежит некоторому преобразованию.

Следует особо отметить следующее. Кредитная организация по своему статусу является юридическим лицом, и стало быть подпадает под действие общих положений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так и специальной части того же закона. Возбуждение дела в арбитражном суде происходит по правилам Арбитражного процессуального кодекса РФ, особенности и порядок рассмотрения данной категории дел регламентируются также рядом законов, таких как ФЗ «О ЦБ РФ» ФЗ «О банках и банковской деятельности» и другими.

Обратимся к порядку рассмотрения дела о банкротстве в суде. Начинается он с предъявления в арбитражный суд заявления о признании кредитной организации банкротом уполномоченным субъектом. Стоит особо отметить роль Банка России в процессе банкротства. С одной стороны, данный субъект поименован как надлежащий заявитель, однако не единственный. Но как мы

уже знаем, обязательной предпосылкой для возбуждения дела о банкротстве в суде является отзыв у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, что относится к исключительной компетенции ЦБ РФ. Объем прав иных сторонних заявителей, таких как конкурсные кредиторы, а также уполномоченные органы, представляется равным. Такова проблематика субъектов банкротства кредитных организаций.

Особые сложности имеет и сама процедура рассмотрения дела о банкротстве в арбитражном суде.

Проанализировав законодательство о банкротстве кредитных организаций, можно выделить основные правовые проблемы, возникающие в ходе рассмотрения дела о банкротстве.

Во-первых, процесс банкротства является довольно растянутым во времени. В связи с этим было бы целесообразно предусмотреть иные сроки процедуры конкурсного производства. Шестимесячный срок введения конкурсного производства, с возможностью его продления но не более чем на 6 месяцев, существенно ускорил бы данный процесс.

Во-вторых, определенные сложности вызывает разобщенность правовых норм, регламентирующих процедуру банкротства кредитных организаций. К данным отношениям подлежат применению положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», федерального закона «О банках и банковской деятельности», федерального закона «О Центральном банке (Банке России)», Арбитражно-процессуального кодекса и иных нормативно-правовых актов.

Проанализировав положения законодательства о несостоятельности кредитных организаций, можно предложить следующие предложения о внесении ряда изменений в отдельные нормативно-правовые акты.

Во-первых, для упрощения процедуры банкротства кредитных организаций предлагаем сократить сроки введения конкурсного производства, и установить его предельный срок – 1 год.

Во-вторых, на наш взгляд, внести изменения следует

и в статью 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

Целесообразным будет исключить из числа оснований для отзыва лицензии на осуществлении банковских операций, таких как: установление фактов недостоверности отчетных данных или же задержку более чем на 15 дней представления ежемесячной отчетности.

В-третьих, по нашему мнению, стоит внести изменения в статью 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и изложить ее в следующей редакции соискатель на должность конкурсного управляющего обязан «иметь высшее экономическое или юридическое образование».

В-четвертых, целесообразным будет внесение ряда изменений в сроки введения отдельных процедур в рамках общего порядка рассмотрения дела о несостоятельности. Так, следует законодательно закрепить, что процедура наблюдения вводится на срок не более трех месяцев, финансовое оздоровление – на срок не более одного года, внешнее управление – на срок не более 18 месяцев, конкурсное производство – на срок не более 6 месяцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О несостоятельности (банкротстве): с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2015: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: ред. от 29.12.2014 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
2. Беляева О. Банкротство по-новому // ЭЖ-Юрист. 2010. № 7. С. 10–15.
3. Елизаров М.А. Особенности банкротства некоторых отдельных категорий юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. 253 с.
4. Безбородова Т.И. Взаимодействие органов финансового контроля при признании должника банкротом // Юрист. 2010. № 6. С. 44–49.
5. Пыхтин С. Приостановление, аннулирование и отзыв банковской лицензии // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 46–54.

ABOUT THE LEGAL ISSUES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF CREDIT ORGANIZATIONS

© 2016

I.V. Popryadukhina, candidate of law science, assistant professor of “Civil law, civil procedure and labour law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: The Bank of Russia; credit institution; bankruptcy; under bankruptcy; financial institution; bankruptcy court; bankruptcy proceedings.

Abstract: The article discusses legal issues related to insolvency (bankruptcy) of credit organizations. The ways of solving the identified problems. Examines the current law on bankruptcy of credit institutions. The need for special legal regulation of relations associated with the insolvency (bankruptcy) of credit institutions, due to the fact that, unlike most other commercial organizations, credit organizations have special (trust) the legal capacity in which they can perform banking transactions, to provide financial and other services and to perform certain transactions, not available generally to other market participants.

В.Н. Пяткин, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
Саранск (Россия)*

Ключевые слова: фикция; юридическая фикция; конституционно-правовая фикция.

Аннотация: Представленная публикация посвящена исследованию понятия и сущности юридических фикций, их роли в развитии права и государства (в данной статье правовые фикции и юридические фикции рассматриваются как синонимы). Особое внимание в работе уделяется исследованию и определению основных признаков юридических фикций в конституционном праве, предлагается авторское понятие конституционно-правовых фикций.

Формирование и развитие правовых категорий зачастую имеет противоречивый, неоднозначный характер. Яркий пример – становление и развитие категории «правовая фикция». Внутренняя сущность понятия «фикция» (от лат. «выдумка, вымысел») – нечто несуществующее, мнимое. И если следовать принципу объективности права, категории «правовая фикция» не должно существовать.

Несмотря на возросший интерес к правовым фикциям, до сих пор в российской правовой науке фикция является малоисследованным феноменом. Хотя данную категорию в России начали исследовать ещё в дореволюционный период. Так, в дореволюционной российской юриспруденции можно выделить лишь две монографии – Д.И. Мейера [1] и Г.Ф. Дормидонтова [2], касались данной проблемы и ряд других авторов, в частности С.А. Муромцев, Н.О. Нерсесов, Е.В. Васильковский, Ю.С. Гамбаров.

Стоит отметить, что в советскую эпоху фикциям практически не уделялось внимания, поскольку считалось, что в советском праве не должно быть никаких фикций. Поэтому если юридическая фикция и подвергалась исследованию (обычно в контексте с презумпциями), то отношение к ней было сугубо негативным [3, с. 34]. Фикция в правовой науке зачастую определялась как «мнимонаучный прием, затемняющий сознание народных масс», «распространенным в капиталистических странах законоустановленным положением, противоречащим объективной действительности» [4, с. 578]. Такое неблагоприятное отношение сложилось по разным причинам. Б.И. Пугинский полагает, что в рамках советского гражданского права такой подход сформировался вследствие распространения «выдвинутой в 50-х годах теории юридического лица как социальной реальности, которая противопоставлялась буржуазным фикционным теориям юридического лица» [5, с. 158].

Негативное понимание и отношение к фикциям породило использование этого слова при характеристике, описании нежелательных, негативных, противоправных явлений: «фиктивный брак», «фиктивный обмен», «фиктивное банкротство», «фиктивная норма».

В современный период правовые фикции вызывают заслуженный интерес, как со стороны юристов-теоретиков, так и со стороны юристов-практиков (например: законодворцев).

Как правильно отмечает Е.А. Джазоян, «фикция представляют собой категорию, которая находит применение не только в праве... но и во многих иных областях науки. Востребованность фикций в этой сфере в значительной степени обусловлена тем, что данный прием избавляет от необходимости давать излишние объяснения по поводу тех или иных предметов, явлений, а также тем, что многие методы научного исследования весьма условны. Даже такие точные науки, как физика и математика, вынуждены прибегать к фикциям в силу отсутствия совершенного логико-понятийного аппарата («квадратура круга», «корень отрицательного числа», «географический меридиан»)» [6].

Применение фикций может иметь различные цели, среди которых можно выделить:

а) стремление к порядку и эффективности правового регулирования;

б) иногда – желание упростить чрезмерно сложные, запутанные юридические отношения (оптимизация нормативной системы), исключение избыточности правового регулирования, способствование более быстрому и простому решению определённых юридических вопросов

в) стремление к установлению справедливости, когда её нельзя достичь иными методами;

г) четкая организация судопроизводства, своевременное разрешение дел в судах и т.п.

д) это один из способов эффективного заполнения пробелов в законодательстве, которые размыкают логические связи в правопорядке, тогда как с помощью фикции осуществляется его восстановление [7, с. 63].

В самом общем виде использование правовых фикций освобождает от необходимости объяснять многие положения права; упрощает процедуру регулирования; будучи особым приемом, оптимизирует нормативную систему; исключает избыточность правового регулирования.

Говоря о состоянии научных исследований феномена «правовая фикция», можно отметить, что наблюдается возрастающий интерес к его изучению.

Одним из определений понятия правовых фикций, которое в той или иной мере затрагивает практически все существующие концепции, является следующее: «Правовые фикции – сформулированные в законодательстве положения о несуществующих фактах, которые признаются существующими, а потому имеющими определенные юридические последствия» [8, с. 94].

На основе этого определения можно выделить основные признаки правовых фикций:

1. Наличие соответствующей формулировки в законодательстве или иных источниках права;

2. Это объективно несуществующие факты, положения, явления, предметы, образования и т. п.;

3. Признание несуществующих фактов, положений, явлений, предметов, образований юридически существующими;

4. Наступление юридических последствий в результате их применения.

В продолжении хотелось бы отметить, что в российском праве правовые фикции – отнюдь не редкое явление. Фикции можно встретить практически во всех отраслях права, так как «через фикции прослеживаются принципы той или иной отрасли права, и это связано с намеренно деформирующим характером этого приема, который позволяет максимально воплотить в жизнь фундаментальные, базовые требования отрасли права» [9, с. 27].

Полагаем, что достаточно актуальным на данном этапе развития юриспруденции, является рассмотрение фикций в конституционном праве.

Важно заметить, что конституции государств, являющиеся основным источником конституционного права, содержатся положения, которые закрепляют не только

реально сложившиеся, объективно существующие общественные отношения, явления и т. д., но и включают в себя положения, которые, по сути, являются условными, реально не существующими. Можно выделить цели конституционно-правовых фикций, которые можно причислить к конституционно-правовым фикциям, например, разделение властей [10], государственный суверенитет [11] и т. д.

Фикции в конституционном праве значительно отличаются от фикций, используемых в других отраслях права. Правовые фикции конституционного права зачастую носят ярко выраженную политическую и идеологическую окраску, выражают определённое мировоззрение, стремления, чаяния граждан, их образований и организаций, народа, общества в целом. Фикции в конституционном праве формируются под влиянием множества иных факторов – доктринальных, юридико-технических, юрисдикционных (т. е. связанных с правоприменением) и т. д. Они проявляются в форме очевидного несоответствия рассматриваемого фрагмента правовой действительности (фактического содержания правоотношения) ее нормативной модели [12, с. 8].

Как отмечает Ю.В. Ким, «К категории фикций относятся такие конституционно-правовые явления, уровень институциональной определенности которых не вполне прояснен. Речь идет о правовых терминах (категориях), обозначающих потенциально недефинируемые или же неидентифицируемые феномены. В их числе как сам термин «государство», так и усложненные его версии: «демократическое государство», «правовое государство», «социальное государство», «федеративное государство». Как известно, наука не дает универсальных определений этих понятий» [12, с. 8–9].

Таким образом, в современный период использование фикций как в целом в юриспруденции, так и в отдельных отраслях необходимо, в том числе в конституционном праве, как для объяснения тех или иных закономерностей, явлений, фактов, так и для эффективного решения стоящих задач, достижения определённых целей, преодоления коллизий и иных трудностей.

Но заметим, что «нет основания в юриспруденции избегать этого вполне научного приема, не следует только обращаться к фикциям там, где в них нет необходимости» [13, с. 90]. Особенно это касается именно конституционного права, так как в связи с особым характером конституционно-правовых фикций, они легко «деформируют гражданское правосознание и «искривляют» государственно-правовое пространство. Частое и произвольное замещение логических связей свободными ассоциациями, что свойственно неразвитому правосознанию, приводит к возникновению феномена «конституционно-правового сюрреализма». Избыточность норм-фикций создает критический «люфт» в конституционно-правовой системе, что делает неустойчивым конституционный строй» [12, с. 9].

Таким образом, необоснованное, неосторожное использование фикций в конституционном праве может привести к деградации конституционного строя, потере авторитета конституции, значительным сложностям в реализации конституционно-правовых предписаний. А для недопущения вышеназванных проблем необходимо выявить природу, сущность, особенности конституционно-правовых фикций, установить и исследовать проблемы закрепления и использования правовых фикций в конституционном праве.

Что же представляет из себя конституционно-правовая фикция. По мнению Е.В. Ильиной, наиболее существенными признаками конституционно-правовой фикции являются следующие: признание несуществующего существующим; универсальность; категоричность; императивность; неопровержимость; формальный характер; относительная произвольность; закрепление в законодательстве; выражение законодательной политики; особое

целевое назначение в механизме правового регулирования наиболее значимых общественных отношений [14].

Важной особенностью фикций, в том числе в конституционном праве, является тот факт, что фикции позволяют создать действующую конструкцию, позволяющую эффективно выражать волю законодателя (проецировать волю законодателя в объективную государственно-правовую действительность) и, фактически, делает возможным то, что без использования фикций невозможно или затруднено. По сути, фикция обеспечивает существование отдельных категорий (и институтов в целом) в правовой сфере. К тому же фикция выступает в качестве средства отражения конституционных ценностей в конституционных нормах [7, с. 63].

Отметим, что в отличие от фикций в других отраслях права (так, И.В. Филимонова в качестве одного из признаков приводит их редкость [16, с. 78]), в конституционном праве они используются сравнительно часто.

Например, множество фикций содержится в сфере российского федерализма. Так, И.В. Сухинина отмечает [11, с. 29], что в конституционном праве Российской Федерации к правовым фикциям относят принцип равноправия субъектов Российской Федерации (ч. 1, 4 ст. 5 Конституции РФ), декларирование республик в составе Российской Федерации в качестве «государств» (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ), признание всей полноты государственной власти субъектов Российской Федерации вне пределов совместного ведения между ними и Российской Федерацией (ст. 73 Конституции РФ), верховенство нормативного правового акта субъекта Российской Федерации над федеральным законом в случае, если он принят в порядке осуществления собственного правового регулирования (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ).

На основе всего вышесказанного, дадим следующее определение конституционно-правовой фикции – это императивное нормативное положение, легально созданное государством (народом), выражающее государственную законодательную политику, закрепляемое в конституции и конституционном законодательстве, устанавливающее (регулирующее) порядок, состояния, процессы, институты, которые не соответствуют действительности, но являются проекцией воли законодателя, влекущие определённые юридические последствия в конституционно-правовой сфере.

Исследование категории «конституционная фикция» способствует более глубокому пониманию конституционного права в целом, ибо указанные фикции, являясь его элементом, существенным образом влияют на содержание и развитие, как конституционного законодательства, конституционных правоотношений, так и конституционного права в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях и скрытых и притворных действиях. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1854. 127 с.
2. Дормидонтов Г.Ф. Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. 185 с.
3. Филимонова И.В. Понятие фикции в правовой науке: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 31–33.
4. Юридический словарь / под ред. П.И. Кудрявцева. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1956. 660 с.
5. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. 224 с.
6. Джазоян Е.А. Фикции в гражданском праве России // Законодательство. 2006. № 8. С. 17–24.
7. Воробьева М.Н. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: предпосылки, особенности, значение // Вестник Томского государственного уни-

- верситета. Право. 2013. № 4. С. 58–64.
8. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 86–96.
9. Курсова О.А. Фикции в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 193 с.
10. Ким Ю.В. Конституционная модель «Разделение властей» в Российской Федерации: фикции и реалии // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2. С. 60–65.
11. Худолей Д.М. Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 2. С. 48–57.
12. Ким Ю.В. О фикциях в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13. С. 8–9.
13. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. 556 с.
14. Ильина Е.В. Особенности конституционно-правовых фикций // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 4. С. 27.
15. Филимонова И.В. Основы современного учения о юридических фикциях в праве России. М.: Юрлитинформ, 2013. 288 с.
16. Сухина И.В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 172 с.

IN THE FICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS

© 2016

V.N. Pyatkin, senior Lecturer of the Department legal discipline
Ogarev Mordovia State University, Saransk (Russia)

Keywords: fiction; a legal fiction; the constitutional-legal fiction.

Abstract: The scientific work is devoted to the concept and essence of legal fictions, their role in the development of law and the state. Special attention is paid to the study and definition of the main features of legal fictions in constitutional law, the author proposed the concept of constitutional and legal fictions.

Ю.М. Савельев, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовная ответственность; юридическая ответственность; преступление; санкция; наказание; позитивный аспект юридической ответственности.

Аннотация: В статье исследуется вопрос о понятии уголовно-правовой ответственности. Точное определение понятия уголовной ответственности необходимо для выявления рамок уголовной ответственности, а также для правильного применения норм уголовного закона, что в итоге является важным средством гарантии законности и незыблемости прав граждан.

Уголовная ответственность является разновидностью юридической ответственности наряду с гражданской, административной, дисциплинарной и другими видами ответственности. В то же время уголовная ответственность выступает самой суровой мерой ответственности среди остальных, которая устанавливается уголовным законом за совершения самых опасных деяний, причиняющих вред общественно значимым отношениям, как для гражданина, так и для государства в целом.

Несмотря на то, что проблемам уголовно-правовой ответственности были посвящены многочисленные исследования ученых-юристов, до сих пор не закреплено легального определения данного понятия. Теория уголовной ответственности стала разрабатываться отечественной наукой уголовного права лишь во второй половине XX века. В российской дореволюционной литературе развивалась теория наказания и его градации, дифференциации. Даже те исследователи, которые употребляли термин «уголовная ответственность», по существу обозначали им не что иное, как наказание. Так, Н.С. Таганцев в своих лекциях по уголовному праву писал: «Уголовный закон есть повеление, в установленном порядке от верховной власти исходящее, коим определяется уголовная ответственность за посягательство на нормы права» [1]. Позднее А.А. Пионтковский указал, что «все уголовное право и процесс занимают различными сторонами решения вопроса об уголовной ответственности, однако этого оказалось недостаточным для изучения понятия уголовной ответственности в теории уголовного права» [2]. В теории уголовного права понятие уголовной ответственности остается дискуссионным также как и в общей теории права актуальным остается вопрос о едином понятии юридической ответственности. Институт юридической ответственности представляется весьма важным как для правовой науки, так и для юридической практики, а потому институт уголовной ответственности также является актуальным для уголовно-правовой науки.

Поскольку этимология термина «ответственность» означает некую необходимость или обязанность лица брать на себя отчет за свои действия, то производное словосочетание от данного термина – «уголовная ответственность», которое также выступает видом уголовно-правового института, предполагает обязанность лица, совершившего преступление, дать отчет в содеянном перед обществом и государством, подвергнувшись юридическим последствиям, которые носят неблагоприятный характер материального или морального характера. Однако возникает нюанс – обязанность быть ответственным еще не означает самой ответственности. В случае нераскрытия преступления лицо, фактически виновное в содеянном, так и остается безнаказанным. Более того, привлечь к ответственности может не каждый, и тем более не сам ответчик (как это было по принципу талиона). Поэтому для определения понятия уголовной ответственности необходимо уточнение – это фактическая обязанность лишения каких-либо благ в отношении лица, совершившего преступление, которая реализуется уполномоченными на то органами власти от имени го-

сударства, в рамках уголовных правоотношений, предусмотренных уголовным законодательством.

Уголовная ответственность – это основанный на обвинительном приговоре суда определенный статут преступника, выделяющий его из числа законопослушных граждан путем ограничения его конкретных закрепленных нормативно в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) прав, свобод или законных интересов [3].

Действующий уголовный кодекс не закрепляет понятия уголовной ответственности, несмотря на многократное употребление данного термина в нормах как общей, так и особенной частей кодекса, однако из смысла статей можно выявить ряд признаков, характерных для уголовной ответственности. Так, из статьи 8 УК РФ следует, что уголовная ответственность наступает только за деяния (действие или бездействие), которые будут содержать в себе признаки состава того или иного преступления, которое предусмотрено Уголовным кодексом. Из части 1 статьи 14 УК РФ следует, что деяние, влекущее уголовную ответственность, должно иметь общественную опасность, причинять вред общественным отношениям. Статья 5 УК РФ определяет, что деяние должно быть также виновным, то есть совершенным умышленно (ст. 25 УК РФ), либо по неосторожности (ст. 26 УК РФ), либо с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ). Следовательно, уголовная ответственность предусмотрена не за всякое общественно опасное деяние, а за то, которое зафиксировано особенной частью уголовного кодекса.

Таким образом, уголовная ответственность наступает за общественно опасное, виновное противоправное деяние, предусмотренное нормами особенной части уголовного законодательства. А.И. Марцев дает более развернутое определение, считая, что «уголовная ответственность есть совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых правоотношений, в которых одна сторона – государство в лице представительного органа, осуществляя свое право воздействия, возлагает на лицо, совершившее преступление, тяготы и лишения, содержащиеся в уголовном наказании, а другая сторона – правонарушитель выполняет обязанности по несению данных тягот и невзгод» [4]. Также существует точка зрения, согласно которой уголовная ответственность является совокупностью определенных общественных отношений, которые под воздействием норм права становятся правовыми, а их содержание обуславливается наличием взаимных прав и обязанностей у сторон [5]. Также возможно вывести понятие уголовной ответственности через понятие юридической ответственности – это «обязанность виновного лица дать в установленном порядке отчет в совершенном им преступлении: подвергнуться определенным правоограничениям (мерам пресечения и т. п.), вытекающим из установленного порядка решения вопроса об ответственности, быть осужденным от имени государства и понести заслуженное наказание» [6]. Большой юридический словарь профессора А.Я. Сухарева определяет «уголовную ответственность как один из видов юридической ответственности, основным содержанием которого выступа-

ют меры, применяемые государственными органами к лицу в связи с совершением им преступления» [7].

Некоторые ученые утверждают, что уголовную ответственность необходимо характеризовать через правовой статус и правовое положение лица, которое совершило преступление. В любом случае, уголовная ответственность идентифицируется через правоотношения уголовно-правового, процессуального либо исполнительного характера. Содержанием уголовной ответственности, следуя данной точке зрения, будет выступать обязанность гражданина претерпеть наложенные государством лишения различного характера. Однако данная точка зрения является относительно спорной, так как содержание любого правоотношения уже есть совокупность прав и обязанностей составляющих его субъектов. Если же руководствоваться положением о том, что уголовная ответственность и есть содержание уголовных правоотношений, то придется исключить самостоятельность содержания уголовной ответственности вместе с совокупностью прав и обязанностей ее субъектов.

В правовой теории существует несколько подходов к толкованию понятия уголовной ответственности. Ее содержание не раскрывается уголовным законом, хотя сам термин «уголовная ответственность» используется в ряде статей как Общей, так и Особой части. В теории уголовного права понятие уголовной ответственности дискуссионно. Можно выделить несколько основных суждений. Во-первых, она понимается как обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное в соответствии с уголовным законом. Во-вторых, уголовной ответственностью предлагается считать все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к преступнику. В-третьих, под ней понимается уголовно-правовое отношение в целом, т. е. урегулированное уголовным законом отношение между преступником и государством в лице правоприменительных органов.

Конечно же, самое базовое и первичное учение исходит из восприятия уголовной ответственности как ретроспективного явления, обязанностью которого является необходимость дать ответ за нарушенную норму права.

Вторая точка зрения, напротив, основана на восприятии уголовной ответственности как позитивного явления, призванного охранять социальные ценности общества и государства.

Третья точка зрения охватывает собой и позитивный, и негативный моменты природы уголовной ответственности, толкуя ее как явление, направленное на охрану правопорядка в государстве, а в случае нарушения заповедей обязанность претерпеть наказание.

Если в общей теории юридической ответственности возможно указывать на тот факт, что позитивная юридическая ответственность возникает без факта правонарушения, то для уголовной ответственности подобное суждение неприменимо. Сама природа уголовной ответственности подразумевает наказание и неотделима от основания возникновения той самой уголовной ответственности, которым является преступление. В данном случае необходимо исходить из того, что общая юридическая ответственность как родовое понятие всегда находится в обществе, находится в ее правовой атмосфере вне зависимости от наличия или отсутствия правонарушений. Юридическая ответственность направлена также и на формирование правосознательности в обществе. Уголовная ответственность, конечно, также формирует определенный уровень правосознательности, но основной механизм его формирования – принуждение и страх быть наказанным, претерпеть лишения различного характера. К тому же от основания уголовной ответственности в законодательном плане зависит уровень законности и эффективность работы правоохранительных органов, правовое положение и уровень юридической защищенности человека и гражданина от преступных посягательств со стороны других членов общества и произвола со стороны государства.

От решения проблемы основания уголовной ответственности зависит в целом характер государственной уголовно-правовой политики. Уголовная ответственность имеет практическую направленность, в то время как общая теория юридической ответственности может себе позволить оперировать философскими категориями и морально-психологическими подходами к вопросу о реализации юридической ответственности в обществе.

В связи с распространением позитивного аспекта юридической ответственности приобретает актуальность конструктивный подход в определении уголовной ответственности, а именно с позиций негативной и позитивной уголовной ответственности. Негативный аспект традиционно распространен как предполагающий ответственность за совершенное преступление. В свою очередь, сторонники позитивной уголовной ответственности мотивируют свою позицию тем, что, несмотря на то, что уголовная ответственность базируется на государственном принуждении, которая при этом выступает и содержанием самой уголовной ответственности, в то же время уголовная ответственность принуждает не совершать запрещенного уголовным законом преступного деяния, то есть побуждает к фактическому соблюдению требований и предписаний уголовно-правовых норм. Наряду с этим, нельзя причислять к основаниям уголовной ответственности деяния, чье сходство имеется с преступным посягательством, но таковым не является. В данном случае речь идет о необходимой самообороне, крайней необходимостью и обособанным рискам.

Изложенное позволяет выявить цепочку взаимосвязанных звеньев в решении вопроса о понятии уголовной ответственности. Суть этой взаимосвязи заключается в том, что уголовное регулятивное правоотношение может в полном объеме реализоваться лишь через уголовную ответственность, уголовную санкцию и, в необходимых случаях, уголовное наказание. Уголовная ответственность, таким образом, выступает как правоотношение, возникающее между государством и преступником по поводу его личных или имущественных прав. Возникающая в рамках регулятивного отношения, уголовная ответственность, однако, реализуется не сразу. Уголовная ответственность реализуется в присущих ей формах, соответствующих определенным стадиям самого процесса ее реализации.

Последствия факта свершения преступления находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Первичным, доминирующим элементом в этой связи выступает сама уголовная ответственность. Она не зависит от наказания и судимости, в то время как наказание и судимость вторичны, производны от уголовной ответственности. Вместе с тем, каждое уголовно-правовое последствие выступает и может рассматриваться как относительно самостоятельный социально-правовой феномен, имеющий устойчивые для него признаки, свое содержание, объем и пределы.

Изложенное позволяет определить уголовную ответственность как правоотношения, возникающие с момента совершения преступления, в рамках которых и на основании закона уполномоченный на это государственный орган порицает (осуждает) преступное деяние, человека, его совершившего, ограничивает его правовой статус и возлагает на него обязанность вынужденно претерпеть лишения личного или имущественного характера исключительно с целью восстановления нарушенных законных прав потерпевшего и положительной ресоциализации сознания и поведения преступника.

Представление о юридической ответственности как о мере должного социально-ролевого поведения, выступающей в единстве позитивной и ретроспективной стороны, а точнее, добровольной и принудительной форм реализации, требует аналогичного концептуального подхода к рассмотрению всех ее разновидностей, включая и уголовную ответственность. На первый взгляд может показать-

ся, что уголовное право в силу своей специфики способно стать барьером на пути широкого понимания ответственности, поскольку охранительно-принудительная сторона уголовного права и уголовной ответственности выражена наиболее резко. К тому же действовавшее советское уголовное законодательство оперировало понятием уголовной ответственности в сугубо ретроспективном значении. И тем не менее в отечественной уголовно-правовой науке есть уже немало сторонников выделения позитивной стороны уголовной ответственности.

Таким образом, сущность уголовной ответственности состоит, по нашему мнению, в том, что она выступает объективно обусловленной и установленной уголовным законом мерой минимально необходимого социально-ролевого поведения и тем самым требованием не совершать наиболее опасные отклонения от конкретной социальной роли.

Итак, уголовно-правовая ответственность – это предусмотренная уголовным законом совокупность правоограничений принудительного характера, применяемых по приговору суда к лицу, совершившему преступление, а равно претерпевания виновным страданий нравственного, имущественного или физического свойства, обусловленных лишением или ограничением его прав и свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Часть Общая. 2-е изд., пересм. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 380 с.
2. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: общая часть. М.: Госюриздат, 1961. 666 с.
3. Дворецкий М.Ю. Перспективные направления развития института «уголовная ответственность» в контексте ее эффективной реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 11. С. 393–396.
4. Марцев А.И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск: НИИРИО Ом. ВШМ МВД СССР, 1973. 96 с.
5. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск: Выш. шк., 1976. 383 с.
6. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юридическая литература, 1974. 232 с.
7. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
8. Савельев Ю.М. К вопросу об актуальности позитивной юридической ответственности как формы реализации юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 91–94.
9. Савельев Ю.М. Необходимость доктринального закрепления понятия юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 49–52.
10. Савельев Ю.М. О понятии юридической ответственности // Юридические исследования. 2015. № 10. С. 61–80.
11. Степанова В.В. Эволюция понятия юридической ответственности в истории досоветского права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 49–52.
12. Степанова В.В. Соотношение общественной опасности и вредности правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 38–41.
13. Степанова В.В. К вопросу о понятии юридической ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 55–60.

ISSUES OF THE NOTIONS OF CRIMINAL LAW

© 2016

Yu.M. Savelyev, senior lecturer of Theory of State and Law Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal liability; legal liability; a crime; sanction; punishment; positive aspect of legal liability.

Abstract: The article investigates the question of the concept of criminal liability. The exact definition of notions criminal responsibility is necessary to identify the limits of criminal responsibility for the proper application of the criminal law, which ultimately are an important means to guarantee the rule of law and the inviolability of the rights of citizens.

© 2016

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; отягчающие (квалифицированные) признаки; служебная деятельность и общественный долг; особая жестокость; использование органов или тканей потерпевшего; оружие или предметы, используемые в качестве оружия.

Аннотация: В статье исследуются вопросы, связанные с квалификацией умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, которое по уровню общественной опасности можно поставить на второе место после преступлений против жизни. Именно поэтому данный состав преступления содержит схожий с убийством перечень отягчающих признаков. За период 2007–2014 гг. в состав ст. 111 Уголовного кодекса РФ был внесен ряд существенных изменений, касающихся квалифицированных видов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью закреплена в ст. 111 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

На сегодняшний день данный состав насчитывает одиннадцать отягчающих признаков: восемь из них отнесены к числу квалифицированных (ч. 2 ст. 111 УК РФ), три – к особо квалифицированным (ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ).

Практически все квалифицированные и особо квалифицированные признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью совпадают с квалифицированными признаками убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Соответственно, все изменения и дополнения, которые касались отягчающих признаков ст. 111 УК РФ, касались и аналогичных признаков убийства.

Так, Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 111 УК РФ были дополнены квалифицированным признаком «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [1].

Федеральным законом от 27.07.2009 г. № 215-ФЗ из состава убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии, выделен специальный потерпевший – малолетний [2].

Однако есть два отягчающих признака, которые свойственны только составу преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ. Это квалифицированный признак «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ), который является новеллой для данного состава, поскольку впервые был включен в 2014 году [3]. А также традиционный для умышленного причинения тяжкого вреда здоровью особо квалифицированный состав, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего).

В рамках данной статьи подробно рассмотреть все отягчающие признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью не представляется возможным в силу ограниченности объема данной работы, поэтому остановлюсь только на некоторых из них.

П. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ предусмотрена ответственность за умышленное причинение тяжкого и вреда здоровью средней тяжести в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Разъяснение понятий «служебная деятельность» и «общественный долг» содержатся в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [4] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 1). Под осуществлением служебной деятельности Пленум Верховного Суда РФ рекомендует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающие из трудового договора с государственными, муниципальными,

частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству [4].

Таким образом, служебная деятельность рассматривается исключительно как деятельность, осуществляемая в рамках трудового договора и только с двумя категориями работодателей – юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Соответственно, с позиции Пленума Верховного Суда РФ, деятельность лица, основанная на гражданско-правовом договоре, в частности, на договоре подряда, либо осуществляемая в соответствии с трудовым договором, заключенным с работодателем – физическим лицом (например, договор об оказании услуг домработницы) служебной не является. По мнению И. Шишко, с которым следует согласиться, такая точка зрения является необоснованной [5, с. 53].

Действительно, несмотря на то, что на лицо, с которым заключен гражданско-правовой договор, не распространяются нормы трудового законодательства об оплате труда, отпусках, компенсациях и т. д., характер оказываемых им услуг, предусмотренных договором, может полностью совпадать с трудовой функцией штатного работника. Кроме того, согласно ст. 20 Трудового кодекса РФ трудовой договор может заключаться с физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями.

Также обращают на себя внимание неудачные обороты, употребляемые в Постановлении Пленума ВС РФ относительно понятия лиц, близких тому, кто осуществляет служебную деятельность или выполняет общественный долг. Из буквальной трактовки формулировок «к близким потерпевшему лицам», «лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дорожки потерпевшему» следует, что потерпевшим в случае лишения жизни или причинения вреда здоровью тому человеку, который близок для гражданина, осуществляющего служебную деятельность или выполняющего общественный долг, является сам гражданин, осуществляющий названную деятельность, а не его близкие.

П. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ предусмотрена ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с особой жестокостью. Разъяснение по вопросу того, что следует понимать под «особой жестокостью» содержится в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 1. В частности, Пленум ВС РФ указывает на то, что признак особой жестокости наличествует при истязании потерпевшего, применении к нему пыток, совершения глумления над жертвой, использования способа, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, длительное лишение пищи, воды и т. д.) [4].

Таким образом, особая жестокость должна проявляться в ощущении потерпевшим сильной боли в процессе пыток, мучения, истязания. При этом для признания пре-

ступления совершенным с особой жестокостью, не имеет значение факт осознания потерпевшим характера примененного в отношении него способа посягательства.

Вместе с тем позиция Пленума Верховного Суда РФ требует некоторых уточнений в части отнесения к особой жестокости случаев совершения преступления в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания [4].

Общественная опасность преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ заключается, прежде всего, в причинении смерти или вреда здоровью человека. При этом особая жестокость выступает способом осуществления данных посягательств. Следовательно, испытывать мучения и страдания от насильственных действий виновного, приводящих к наступлению смерти или вреда здоровью, может тот, кому этот вред причиняется, то есть потерпевший.

Если же речь идет о причинении вреда здоровью в присутствии близких потерпевших лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания, особая жестокость имеет место в отношении близких, а не жертвы убийства или вреда здоровью. Подобную же позицию высказывает С.К. Питерцев, который считает, что при совершении убийства потерпевшего на глазах его близких главным является субъективный критерий – субъективная связь между убийством жертвы и причинением ее близким особых страданий [6, с. 116–118]. Именно такой смысл необходимо предавать разъяснению Пленума по рассматриваемому вопросу. С учетом указанных доводов, считаем, что случаи причинения тяжкого вреда здоровью в присутствии близких лиц, которые испытывали особые мучения и страдания, если у них вследствие этого наступило психическое или иное тяжкое заболевание, необходимо квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

П. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ предусмотрена уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью как по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной, социальной ненависти, так и по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной, социальной вражды.

Термины «ненависть» и «вражда» имеют между собой тесную и непосредственную связь, поэтому необходимо рассмотреть каждое из них и затем произвести сопоставление.

В толковом словаре ненависть трактуется как нетерпение, нелюбовь, невыносимость, отвращение, омерзение, желание зла.

Под враждой понимается чувство неприязни, несогласия, зложелательства, относящиеся к врагу [7, с. 289].

Как видно, и в том, и в другом случае речь идет об антипатии к чьим-либо интересам и убеждениям.

Различие же следует искать в причине, вызывающей такое негативное отношение. Так, враждебность может быть основана на открытом противостоянии, розни двух и более наций (например, евреев и палестинцев, турков и курдов), когда человек причиняет вред здоровью потерпевшего в силу неприязни лица иной нации обществом или социальной группой, к которым принадлежит виновный. Если неприязнь к нации, расе и религии складывается в силу индивидуальных воззрений личности, то имеет место мотив ненависти.

Вполне возможна ситуация, на что обращает внимание А. Васецов, при которой, совершая такое преступление, виновный, действуя по мотиву ненависти, одновременно преследует цель возбудить национальную, расовую или религиозную вражду между определенными группами населения, спровоцировать конфликт между ними, то есть породить мотив вражды. В таких случаях кроме п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ содеянное квалифицируется по совокупности со ст. 282 УК (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды) [8, с. 14].

По мнению О.С. Ивченко, мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды – это обусловленные определенными потребностями, внутренние побуждения, выражающие стремление виновного показать неполноценность потерпевшего по причине его национальной, расовой принадлежности, исповедание им определенной религии и, вследствие этого, своей ненавистное к нему отношение [9, с. 114].

Полагаем, что данное определение не отражает в полной мере сущность рассматриваемого мотива.

Ненависть к нации (расе) может возникнуть не только на основе представления виновного о превосходстве своей нации (расы), но и по иным причинам. Например, неприязненно отношение может быть вызвано тем, что представитель нации, к которой относится и потерпевший, в прошлом убил родственника виновного (например, во время Великой Отечественной войны), и тот, через причинение вреда здоровью жертве, мстит всей нации.

Весьма актуальным на сегодняшний день остается вопрос об уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда «в целях использования органов или тканей потерпевшего».

Помимо названных норм, ответственность за незаконный оборот человеческих органов или тканей частично регламентирована ст. 120 и п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми». Однако здесь, в отличие от составов убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, законодатель использует, по нашему мнению, более удачную формулировку «в целях изъятия органов или тканей». Аналогичная терминология закреплена в Законе РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон №4180-1) [10].

В этой связи, для единообразного применения положений уголовного законодательства целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ изложить в следующей редакции: «в целях изъятия органов или тканей потерпевшего».

Содержание терминов «орган» и «ткань» раскрывается в Законе № 4180-1. Так, согласно ст. 2 Закона № 4180-1 под органами и тканями понимаются: сердце, легкое, почка, печень, костный мозг; органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетка, сперма, яйцники, яички или эмбрионы), а также кровь и ее компоненты, другие органы и ткани, перечень которых определяется Минздравсоцразвития РФ совместно с Российской академией медицинских наук [10].

Законом четко ограничивается круг живых доноров, у которых допускается изъятие органов и тканей. Это должны быть дееспособные лица, достигшие 18 лет, находящиеся с реципиентом (больным, которому пересаживается орган и (или) ткань) в генетической, то есть родственной связи, за исключением пересадки костного мозга (ст. 3, 11) [10].

Помимо требования о наличии родственных отношений между донором и реципиентом, законодательство, регулирующее порядок изъятия органов и тканей человека, содержит ряд условий, при соблюдении которых изъятие органов и (или) тканей можно считать правомерным:

1. Если донор предупрежден о возможных осложнениях для его здоровья в связи с предстоящим оперативным вмешательством по изъятию органов и (или) тканей (абз. 1 ч. 2 ст. 11 Закона).

Это означает, что донор должен быть проинформирован о побочных эффектах, возможном риске и ожидаемых результатах данного оперативного вмешательства.

2. Если донор свободно и сознательно в письменной форме выразил согласие на изъятие своих органов и (или) тканей (ч. 3 ст. 1, абз. 2 ч. 2 ст. 11 Закона).

Как отмечалось выше, в 2014 году ч. 2 ст. 111 УК РФ была дополнена новым квалифицирующим признаком – «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» (п. «з»).

Исходя из положений п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 при квалификации действий виновного по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ судам следует в соответствии с Федеральным законом от 13.11.1996 года «Об оружии» и на основании экспертного заключения устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. При наличии к тому оснований, предусмотренных Законом, действия такого лица должны дополнительно квалифицироваться по статье 222 УК РФ [11].

Под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать предметы, которыми потерпевшему могли быть причинены телесные повреждения (периципальный или кухонный нож, бритва, ломик, дубинка, топор, ракетница и т. п.), а также предметы, предназначенные для временного поражения цели (например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами) [11].

Действия лица, использующего для причинения телесных повреждений собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, также должны квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. При этом необходимо отметить, что тяжкий вред здоровью от действий собаки может выражаться не только в непосредственном нанесении ранений жертве (в телесных повреждениях), но и в неизгладимом обезображивании лица, в утрате речи (сильное заикание от испуга) или психическом расстройстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2009 г. № 215-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия: Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 227-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30-1. Ст. 4228.
4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1; ред. от 03.03.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
5. Шишко И. Квалификация «служебного долга» в условиях рыночных отношений // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 53–56.
6. Питерцев С.К. Уголовно-правовое значение присутствия близких потерпевшему при убийстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 116–118.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). М.: Цитадель, 1998. 1009 с.
8. Васцов А. Неоднократность и совокупность преступлений при квалификации убийств // Законность. 2000. № 6. С. 14–18.
9. Ивченко О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 211 с.
10. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1; ред. от 23.05.2016 // Ведомости Съезда депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 62.
11. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29; ред. от 24.05.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

RESPONSIBILITY FOR DELIBERATE CAUSING HEAVY HARM TO HEALTH UNDER THE AGGRAVATING CIRCUMSTANCES

© 2016

O. Yu. Savelyeva, candidate of legal Sciences, associate Professor of criminal law and criminology
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: deliberate causing heavy harm to health; the aggravating (are qualified) signs; office activity and public debt; special cruelty; use of bodies or victim's tissues; the weapon or subjects used as the weapon.

Abstract: In article the questions connected with qualification of deliberate causing heavy harm to health which on the level of public danger can be put on the second place after crimes against life are investigated. For this reason this corpus delicti contains a list, similar to murder, of the aggravating signs. For the period 2007–2014 to structure of Art. 111 of the criminal code of Russian Federation it was made a number of the essential changes concerning the qualified types of deliberate causing heavy harm to health.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ
НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА**

© 2016

А.А. Саргсян, магистрант кафедры уголовного и уголовно-процессуального права
А.В. Танаян, магистрант кафедры уголовного и уголовно-процессуального права
Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Армения)

Ключевые слова: убийство новорожденного; мать; роды; психическое расстройство; психотравмирующая ситуация.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы описания состава преступления и дифференциации уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в законодательстве России. В результате их анализа предлагается новая редакция ст. 106 Уголовного кодекса РФ.

Процесс развития квалификации достаточно своеобразного вида убийства – убийства матерью новорожденного ребенка – всегда вызывал значительный интерес со стороны правоведов и порождал большое количество дискуссий вокруг проблем, связанных с ним. Исходя из этого, актуальность исследуемой темы вызвана противоречивостью и некой недоработанностью как российского, так и армянского законодательства, что порождает сложности при квалификации данного массива преступлений, а иногда и столкновение фундаментальных уголовно-правовых принципов в свете возрастания распространенности совершаемых матерями детоубийств. В статье мы попытались выявить и отразить наиболее существенные недостатки российского уголовного права в указанной сфере и предложить пути его совершенствования и преобразования.

Введение статьи 106 в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) является проявлением расширения политики гуманизации в законодательстве государства. Предшествующее законодательство до 1960 г. не содержало данной нормы, поэтому при квалификации этих деяний обращались к статье простого убийства. Действующая же норма, следовательно, содержит привилегированный состав убийства, содержащий более мягкое наказание по сравнению с обычным убийством.

Рассматривая проблемы исследуемой уголовно-правовой нормы, остановимся на объективных признаках данного деяния, разграничивающих данное преступление на четыре разновидности. Общеизвестно, что из диспозиции ст. 106 вытекают 4 разновидности данного деяния, а именно: убийство матерью новорожденного во время родов; сразу после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Как вытекает из текста статьи, законодатель перечисленные выше условия не ставит в зависимость друг от друга, что представляется неверным. Как видно из буквы закона, законодатель не связывает убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов с особым психологическим состоянием женщины, вызванным ими, что может привести к многочисленным искажениям в квалификации деяния. Ввиду того, что диспозиция нормы четко не отражает действительных намерений законодателя, можно лишь предполагать, что подразумевается под формулировкой «во время родов» или «сразу же после родов». Данное обстоятельство ставит судебную практику в тупик. Если сухо руководствоваться лишь буквой закона, не углубляясь в тот смысл, который хотел вложить в норму законодатель, то можно столкнуться с ситуацией, когда действия женщины, неоднократно рожавшей до этого и не испытывающей особого психологического дискомфорта от подобной процедуры, заранее обдуманной убийство новорожденного ребенка, будут квалифицированы по ст. 106 УК РФ.

Л.Л. Кругликов в этой связи полагает, что при убийстве во время или сразу же после родов определенные отклонения в психологическом состоянии роженицы, влияющие на возможности осознания ею своего поведения

и принятие решения, презюмируются законодателем, и эта презумпция объявляется неопровержимой [1]. Поэтому, если в конкретном случае окажется, что роды прошли гладко и не вызвали сколько-нибудь заметных психических расстройств, но тем не менее мать по каким-либо соображениям убила ребенка во время или сразу же после родов, содеянное должно квалифицироваться на общих основаниях («простое» убийство), а не по ст. 106 УК РФ. Подводя итог рассмотренному выше положению, считаем необходимым усовершенствовать статью 106 УК РФ, в первую очередь, в связи с тем, что отечественная и мировая общественность ставит на первое место охрану наиболее уязвимой категории населения – детей.

Предлагается следующая редакция ст. 106 УК РФ:

1. Убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов, связанное с особым психическим состоянием в этот момент, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Потерпевшим в данном преступлении является только новорожденный ребенок. Недостатком ст. 106 УК РФ выступает тот факт, что в нем отсутствует четко установленный критерий новорожденности – можно ли считать ребенка новорожденным во время родов?

Некоторые исследователи период сразу же после родов относят к первым суткам с момента рождения ребенка. Однако имеются и противники подобного подхода. Так, С.В. Бородин считает, что установление какого-то заранее определенного срока применительно к ситуации «во время или сразу же после родов», когда ребенок считается новорожденным, вряд ли приемлемо. Он предлагает определять срок в каждом конкретном случае [2].

Применительно к данному случаю определенный интерес представляет позиция М. Бавсуна и П. Попова, согласно которой оценка убийства во время родов относится к аналогии уголовного закона, когда происходит выбор наиболее подходящей к конкретной ситуации нормы. Причинить смерть можно только человеку, а не плоду, и таким образом складывается парадоксальная ситуация, в которой должно происходить доказывание вины лица по отношению к несуществующему последствию в виде смерти. Некорректно сформулированное положение в данном случае заставляет правоприменителя домысливать, искать внешнюю схожесть совершенно и законодательно закрепленного. [3].

В процессе углубленного анализа рассматриваемой статьи нами было выявлено еще одно обстоятельство, заслуживающее должного внимания, а именно когда мать приняла меры к сохранению жизни ребенка, начала кормление ребенка, а затем совершила убийство. Последнее нельзя признать совершенным непосредственно, тотчас, сразу же после родов, поэтому и не следует относить это деяние к убийству матерью новорожденного ребенка.

Например, Свердловский областной суд осудил Ж., совершившую убийство восьмидневного ребенка. Ее действия попадают под признаки п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В таком случае нельзя считать, что виновная в момент совершения убийства находилась в том исключительном состоянии, которое вызывается родами. При убийстве в подобных случаях используется беспомощное положение потерпевшего, которое не может быть отнесено к признаку, характеризующему убийство матерью новорожденного ребенка [4].

Рассматриваемая статья содержит термин «мать», который, однако, не имеет определения на законодательном уровне, а также в связи данным понятием возникают проблемы относительно его фактического и юридического смысла. По мнению Н.Г. Иванова, существует противоречие между семейным и уголовным законодательством касательно того, с какого момента женщина признается матерью ребенка. Так, фактически признание матерью следует за рождением младенца, а юридически, согласно ч. 1 ст. 48 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ): «Происхождение ребенка от матери (материнство) устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинском учреждении, а в случае рождения ребенка вне медицинского учреждения на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств». Н.Г. Иванов считает, что ч. 1 ст. 48 СК РФ должна рассматриваться как бланкетная основа определения материнства.

Следовательно, возникает вопрос, чем руководствоваться следственным и судебным органам в случае совершения матерью убийства новорожденного ребенка до ее регистрации в органах записи актов гражданского состояния в качестве матери. Объективная сторона деяния в данном случае соответствует всем признакам ст. 106 УК РФ, однако некоторые юристы склонны к точке зрения, что ее действия следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку юридически женщина не является специальным субъектом.

Однако мы находим, что данная позиция является крайне неприемлемой, так как она может привести к уходу от ответственности неимоверного количества женщин, совершающих данное деяние до их регистрации в качестве матери.

Следующей проблемой является субъектный состав рассматриваемого деяния. Законодатель выделяет в качестве субъекта женщину-мать, достигшую 16 лет. Законодатель, видимо, мотивировал это тем, что мать новорожденного ребенка в 14 лет не может осознавать всю ответственность материнства, саму ее сущность. Однако с медицинской точки зрения возможно рождение ребенка и в возрасте 14 лет, что в современной действительности довольно-таки распространено. Проблема заключается в том, что действия женщины в возрасте от 14 до 15 лет, убившей ребенка, не подпадают под привилегированный состав ст. 106, и, следовательно, на практике квалификация осуществляется по правилам п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве ст. 105 УК РФ», новорожденный ребенок относится к объекту, находящемуся в заведомо беспомощном для виновного состоянии. «По п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» [5].

Налицо значительная разница в мерах наказания: так, деяние, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ наказывается лишением свободы от 8 до 20 лет или пожиз-

ненным лишением свободы, а деяние, предусмотренное ст. 106 УК РФ, – от двух до четырех лет лишения свободы. Здесь возникает законодательный пробел, так как четырнадцатилетняя мать будет подвергаться более строгому наказанию, чем шестнадцатилетняя. По нашему мнению, в данном случае нарушается важнейший принцип уголовного права – принцип справедливости, так как, опираясь на смысл гл. 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», ясно, что за совершение подобных деяний несовершеннолетние не могут подвергаться более строгим мерам ответственности, чем взрослые.

Ряд ученых, руководствуясь соображениями гуманистического характера, предлагают не привлекать к ответственности мать, не достигшую шестнадцатилетнего возраста. Мы же, соглашаясь с противоположной точкой зрения, которой придерживается В.Ф. Щепельков, предлагаем снизить минимальную возрастную границу до 14 лет, а следовательно, включить данное преступление в перечень деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность за которые наступает с 14 лет. Проведя данное изменение, мы сможем повысить значение новорожденного ребенка как объекта уголовно-правовой охраны. Эти изменения также позволят соблюсти признанные в международном праве принципы назначения наказания в отношении несовершеннолетних.

Следующим вопросом, на котором хотелось бы остановиться, является соучастие в рассматриваемом преступлении. Трудности в квалификации возникают в случае убийства своего новорожденного ребенка матерью, не достигшей шестнадцати лет, в соучастии или в соисполнительстве с лицом, достигшим четырнадцати лет. В нашем случае привлечение соисполнителей к ответственности по статье Особенной части УК РФ за преступление, которое они совершили совместно, без ссылки на ст. 33 УК РФ невозможно, так как в ст. 106 УК РФ предусмотрен специальный субъект преступления. Таким образом, соисполнитель привлекается к ответственности по «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Следовательно, четырнадцатилетний соисполнитель отвечает за совершение особо тяжкого преступления, а что касается ответственности исполнителя того же возраста, то здесь наличествует законодательный пробел, приводящий к неточностям в квалификации деяния, вследствие чего, как нами уже предлагалось выше, считаем целесообразным снизить возраст привлечения к уголовной ответственности до четырнадцати лет.

Соглашаясь с мнением большинства правоведов, мы полагаем, что соучастие в преступлении, предусмотренном ст. 106 УК РФ, при даче квалификации не может иметь место, так как смягчение ответственности здесь имеет сугубо личный характер, относящийся к рожающей матери. Но фактически при совершении данного деяния оно имеет место быть, что порождает неточности в процессе квалификации.

В том случае, когда мать является соучастником, а другие лица – исполнителями, сложность заключается в оценке действий матери. Зачастую бывают случаи, при которых женщина при родах или после них не способна к самостоятельным действиям, вследствие чего по ее просьбе убийство новорожденного совершает иное лицо, например отец ребенка. Очевидно, что муж будет нести ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Считаем неверным привлечение матери к ответственности за соучастие в убийстве лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, поскольку при собственноручном убийстве ребенка ответственность смягчается и наступает по привилегированному составу, а при лишении ребенка жизни чужим лицом – по квалифицированному. Мать не может отвечать за соучастие по ст. 106 УК РФ, так как данный привилегированный состав не предусмотрен для исполнителей этого преступления. Считаем правильным в подобных случаях

квалифицировать действия матери по ст. 106 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. Так как она выступает соучастником убийства своего ребенка, поэтому должна нести ответственность по названной нами статье, независимо от выполняемой ею роли. Следовательно, здесь женщина является посредственным исполнителем убийства новорожденного, так как выполняет его через действия другого лица, не подлежащего ответственности по ст. 106 УК РФ.

Следующей немаловажной проблемой, возникающей на практике, является вопрос квалификации убийства матерью двух или более новорожденных (близнецов). Изучаемая нами статья содержит положение касательно убийства только одного младенца, но не отражает случаи убийства двух и более новорожденных. Нужно отметить, что убийство нескольких младенцев матерью не подпадает под п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и это объясняется тем, что значительной повышенной ответственностью отличается санкция данной нормы по сравнению со ст. 106 УК РФ. Наверное, аналогично следует поставить вопрос и о квалификации повторного детоубийства. В то же время очевидно, что оба эти обстоятельства существенно отягчают вину детоубийцы, и данный состав преступления не может быть отнесен к привилегированным видам преступлений [6].

Также налицо конкуренция привилегированного и квалифицированного составов деяний, и подлежит применению норма, устанавливающая ответственность, наступающую по статье 106 УК РФ, что на практике часто применяется следственными и судебными органами. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии существенного законодательного пробела, так как убийство двух или более характеризуется более высокой степенью общественной опасности, что требует повышенной меры ответственности.

Степень общественной опасности убийства матерью одного новорожденного не равна степени общественной опасности убийства двух или трех новорожденных, и неоднократные матери-убийцы могут легко избежать наказания по двум убийствам новорожденных детей. В связи с этим важно устранить такой пробел законодательства, как отсутствие квалифицирующих признаков (убийство

двух или более детей) в ст. 106 УК РФ [7].

В связи с этим предлагаем внести дополнение в действующую редакцию ст. 106 УК РФ, предусмотрев часть вторую, что позволит сделать квалификацию данного деяния более объективной, полной и справедливой.

Предлагается следующая редакция ст. 106 УК РФ:

1. Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

2. То же деяние, совершенное в отношении двух и более новорожденных.

Подводя итог рассмотрения данного вида преступления, учитывая его специфику, нужно констатировать необходимость совершенствования действующего законодательства в этой сфере для направления деятельности судебной и следственной практики в правильном русле и соблюдения фундаментальных принципов уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов Л.Л. Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 76 с.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 1999. 356 с.
3. Бавсун М.В., Попов П.В. Проблемы квалификации убийства во время родов // Уголовное право. 2009. № 3. С. 12–16.
4. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2002. 767 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 п. 7 // Постановления Пленума Верховного Суда РФ. URL: ppvs.pf/1999/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-27.01.1999.html.
6. Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 43–45.
7. Павлова Н. Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность. 2001. № 12. С. 43–44.

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF MURDER BY THE MOTHER OF THE NEWBORN CHILD

© 2016

A.A. Sargsyan, master of the Department of Criminal Law
A.V. Tananyan, master of the Department of Criminal Law
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

Keywords: newborn child; neonaticide; mother; childbirth; mental disorder; stressful situation.

Abstract: The article considers the problem of description of corpus delicti and differentiation of criminal liability for maternal neonaticide in the legislation of Russia. As a result of their analysis the author puts forward an amendment of the Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation.

А.Ю. Смагина, старший преподаватель кафедры
«Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: налоговое правонарушение; налоговая ответственность; Налоговый кодекс РФ; Кодекс РФ об административных правонарушениях; Уголовный кодекс РФ; субъект правонарушения.

Аннотация: В статье рассматривается проблема самостоятельности налоговой ответственности и ее взаимосвязь с другими видами ответственности, что обусловлено различием мнений ученых по данному вопросу. Определяется место налоговой ответственности в системе видов юридической ответственности.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время в теории права еще не определено место ответственности за совершение налоговых правонарушений (налоговой ответственности) в качестве элемента системы видов юридической ответственности. Современное налоговое законодательство, основой которого является Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ), не располагает нормативным определением налоговой ответственности, что является одной из причин актуализации изучаемого вопроса и основой для признания налоговой ответственности в качестве несостоятельного вида юридической ответственности многими современными учеными [1]. Однако анализируя и обобщая положения НК РФ, можно прийти к выводу, что налоговая ответственность предполагает процесс применения к виновному в совершении налогового правонарушения лицу предусмотренных Налоговым НК РФ налоговых санкций в виде денежных взысканий (штрафов) [1].

Целью статьи является определение места налоговой ответственности в системе юридической ответственности путем исследование различных точек зрения ученых и специалистов по отношению к самостоятельности ответственности за налоговые правонарушения. Изучению данной проблемы посвятили свои научные труды такие ученые, как А.А. Гогин, А.В. Брызгалин, И.И. Кучеров и прочие [2; 3]. Тем не менее исследуемый вопрос остается актуальным в виду отсутствия единообразного мнения в части отнесения налоговой ответственности к одному из видов юридической ответственности (например, административной) или выделение его как самостоятельного элемента.

Для определения места налоговой ответственности в системе юридической ответственности, обратимся к более общему термину – «ответственность». Данное определение используется во многих значениях, тем не менее оно не теряет своего смысла и означает взаимную связь человека с другими людьми, с обществом или государством, когда объект отвечает за свое поведение, учитывает предъявляемые к нему требования и сопоставляет свои поступки с существующими правилами и ценностями. Иными словами, понятие «ответственность» в широком смысле предполагает, что лицо осознает свои обязанности и обладает способностью отвечать за свои поступки.

В рамках права термин «ответственность» несет ту же смысловую нагрузку, но рассматривается в более узком понимании: в юридическом смысле ответственность определена как реакция государства на факт нарушения правовых норм, то есть на совершение правонарушения. Из этого вытекает определение юридической ответственности – применение к лицу, совершившему правонарушение, предусмотренных законом мер государственного принуждения в форме лишения личного или имущественного характера. Термин «юридическая ответственность» используется достаточно часто, что обуславливает его актуальность. Кроме того, каждой отрасли права характерна специализированная трактовка такого понятия. Но, несмотря на различия отраслей права, термин «юридическая ответственности» обладает рядом универсальных признаков, представленных

на рисунке 1. Кроме них, в юридической литературе выделяют такие признаки реализации юридической ответственности, как законность, однократность применения наказания, объективность наказания, неотвратимость наказания, своевременность наказания, целесообразность и гуманизм, ответственность только за вину.

Юридическая ответственность призвана выполнять три основные функции: предупредительную – побуждение к соблюдению установленного законодательством порядка; карательную – наложение на лицо, совершившее правонарушение, ответственности различного характера; восстановительную – процесс регенерации ущемленных и нарушенных вследствие осуществленного правонарушения правовых отношений и связей.

Неотъемлемой частью и обязательным, фактическим основанием юридической ответственности является сам факт правонарушения. Юридическим основанием служит юридическая норма, акт применения права, посредством которого предусматривается наказание за конкретное правонарушение. Исходя из отраслевой принадлежности юридических норм, принято различать целый ряд видов юридической ответственности, представленных на рисунке 2.

Придерживаясь точки зрения самостоятельности налоговой ответственности, данный вид отражен на рисунке как обособленный элемент, а не в составе других видов юридической ответственности. Отметим тот факт, что налоговой ответственности присущи основные признаки юридической ответственности, что позволяет говорить о ней как о важном элементе системы юридической ответственности. В то же время она обладает некоторыми специфическими характеристиками, что продиктовано особенностями финансовой ответственности, которая предшествовала ответственности за налоговые правонарушения и была предусмотрена ст. 13 Закона РФ от 27.12.1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». При этом в Законе не содержится прямого определения термина «финансовая ответственность»: оно было раскрыто позже в постановлениях ВАС РФ по налоговым спорам и широко использовалось в письмах федеральной налоговой службы России. Некоторые ученые и сегодня придерживаются позиции тождественности финансовой и налоговой ответственности. Подтверждением этого мнения служит и тот факт, что возникновение термина «финансовая ответственность» обусловлено позиционированием налогового законодательства только как составной части финансового законодательства.

С другой стороны, при изучении взаимосвязи между финансовой и налоговой ответственностью единственным общим для них элементом является сфера применения, тогда как различия двух видов ответственности очевидны: финансовая ответственность выполняет право-восстановительную функцию, а налоговая – карательную или «штрафную». В редких случаях ответственность за налоговые правонарушения имеет право-восстановительный характер, что не является основанием для рассмотрения ее как элемента финансовой ответственности.

Рис. 1. Признаки юридической ответственности

Рис. 2. Виды юридической ответственности

Многие специалисты придерживаются мнения, что налоговая ответственность не является самостоятельным видом ответственности, в отличие от гражданской, материальной, административной и уголовной ответственности. Такую точку зрения ученые аргументируют отсутствием достаточных оснований для выделения ответственности за налоговые правонарушения как отдельного элемента системы юридической ответственности. Противоположной позиции придерживается и законодатель: анализируя действующие положения НК РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП), можно проследить достаточно однозначную позицию в отношении данной проблемы: налоговая ответственность – это самостоятельный вид ответственности [1, с. 6]. Так, например, А.А. Гогин в своих трудах относит налоговую ответственность к самостоятельному виду юридической ответственности, который обусловлен двумя противоположными свойствами [2; 3]:

1) позитивное – имеет постоянный, созидательный характер, играет главенствующую роль и свойственна большинству субъектов налоговых правоотношений;

2) негативное – является временным явлением, возникающим в результате нарушения требований правовых норм.

А.В. Брызгалин придерживается аналогичной точки зрения и подчеркивает сформировавшийся и четко выраженный в российской правовой системе характер такого правового явления, как налоговая ответственность. В результате анализа представленных выше точек зрения можно сделать о вывод правомерности и рациональности отнесения ответственности за налоговые правонарушения к самостоятельному виду – налоговой ответственности.

Противоположное мнение у С.Г. Пепеляева, который в своих трудах рассматривает налоговую ответственность как комплексный институт, который объединяет нормы различных отраслей права, направленных на защиту налоговых правоотношений. По его мнению, нарушение налогового законодательства в зависимости от вида и тяжести деяния влечет за собой применение мер только административной или уголовной ответственности. Данная точка зрения предлагает рассматривать на-

логовую ответственность как межотраслевой институт.

Особого мнения придерживается И.И. Кучеров: он определяет принцип отнесения ответственности к налоговой в зависимости от того, какое именно нарушение законодательства о налогах и сборах содержится в основе анализируемой ответственности. Так, ответственность может классифицироваться как разновидность финансовой, административной или уголовной ответственности. При этом лица, виновные в совершении налоговых правонарушений, привлекаются к налоговой ответственности, которая является разновидностью финансовой.

Несмотря на множество мнений российских специалистов, большинство ученых относят ответственность, установленную нормами НК РФ, к административной ответственности. Данная позиция основывается на следующих аргументах, представленных на рисунке 3.

Представленные на рисунке 3 основания свидетельствуют о том, что налоговую ответственность следует рассматривать как подвид административной. Однако положения статьи 10, 106, пунктов 1, 3 и 4 статьи 108 части первой НК РФ свидетельствуют об ограниченности ответственности за нарушение налогового законодательства от других видов ответственности, среди которых и административная [1]. Например, исключительно в рамках НК РФ могут быть установлены виды налоговых правонарушений, порядок и меры налоговой ответственности за них. Прочие нормативно-правовые акты, акты применения права не содержат правовые нормы, регулирующие порядок ответственности за налоговые правонарушения. Вместе с этим, факт нарушения законодательства о налогах и сборах влечет за собой применение мер административной, уголовной и иной ответственности. Рассматривая содержание пунктов 3 и 4 статьи 108 НК РФ, следует отметить тот факт, что меры административной ответственности могут быть применены только к лицам, которые не являются субъектами налоговых правоотношений, и, следовательно, не относятся к субъектам налоговой ответственности [1]. Иными словами, административная ответственность в сфере налоговых правонарушений касается только должностных лиц предприятий-налогоплательщиков. Это положение

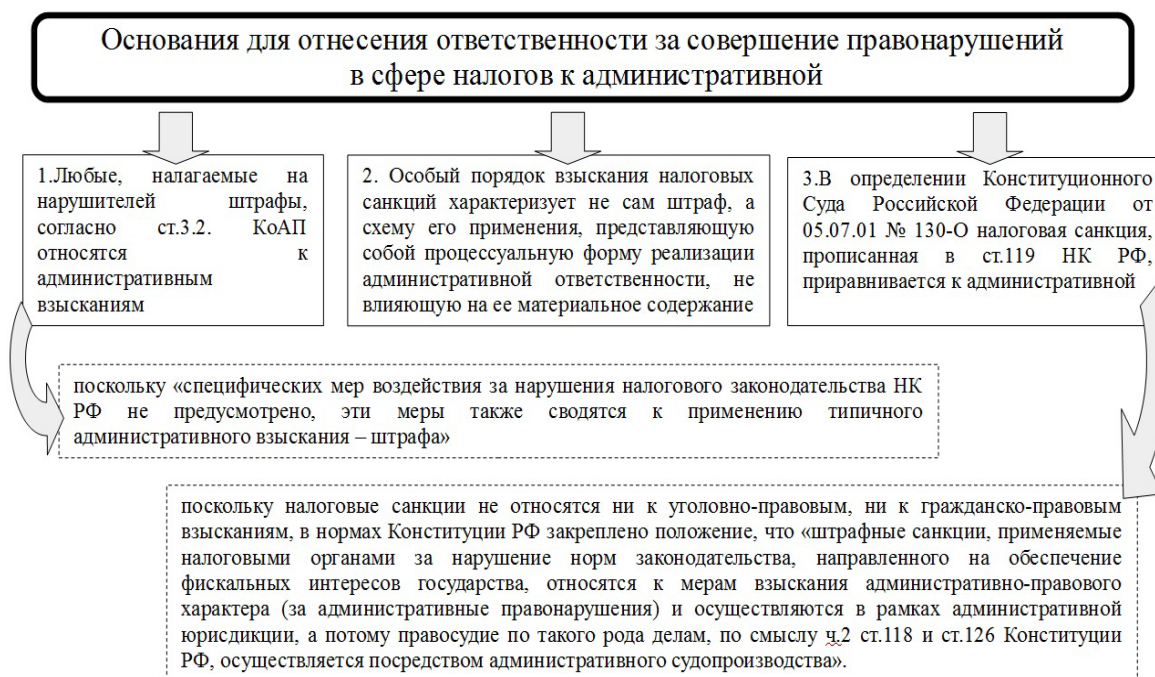

Рис. 3. Основания для отнесения ответственности за совершение налоговых правонарушений к административной ответственности

является основой для установления административной ответственности за правонарушения в области налогов и сборов (ст. 15.3–15.11 КоАП) [4]. Необходимо обращать внимание на следующий факт: независимо от того, что в санкциях норм КоАП РФ в качестве субъекта ответственности выступают должностные лица (а в соответствии со статьей 2.4 КоАП РФ граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как должностные лица), за правонарушения в области налогов и сборов эти же граждане могут нести только налоговую или уголовную ответственность, так как являются налогоплательщиками [4]. Иными словами, отдельные граждане, в том числе ИП, нарушившие законодательство о налогах и сборах, понесут уголовную (п. 3 ст. 108 НК РФ) или налоговую ответственность, а организации (юридические лица) – только налоговую. Единственным административным правонарушением в области налогов и сборов, субъектом которого может выступать гражданин, является правонарушение, содержащееся в части 1 статьи 15.6 «Непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля» КоАП РФ [4]. Так, гражданин только в этом случае может выступать в качестве третьего лица, которое не относится к категории налогоплательщиков.

Несмотря на исключительный характер субъекта ответственности, в юридической литературе отсутствует единая точка зрения по поводу выделения налоговой ответственности как отдельного вида. Тем не менее на самостоятельность налоговой ответственности и ее отграничение от административной ответственности влияет фискальный характер отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах. Так, исследуя налоговые правоотношения с точки зрения их административного регулирования (ст. 2.1 КоАП РФ), не следует забывать об их экономической природе, об их роли в развитии экономического потенциала страны [4]. Исходя из этого, можно утверждать, что налоговые правоотношения не могут быть обеспечены привычными мерами административного воздействия. Так, посредством применения карательных мер воздействия за налоговые правонарушения и стимулирования налогоплательщиков к уплате, используя негативные санкции в виде штрафов, пени и пр., государство обрекает предпринимательство и население на отсутствие перспективы развития экономики и регрессу.

Независимо от различной природы двух видов ответственности, очевиден тот факт, что налоговая и административная ответственности очень близки. Это требует от законодателя четко установленных норм, которые должны определить состав как налоговых, так и административных правонарушений. В сфере разграничения области ведения в отношении правонарушений, важным явля-

ется Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.02.2001 г. № 5 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации», принятое до издания КоАП РФ [4]. Согласно данному Постановлению, для решения вопросов о разграничении налоговой и иной ответственности физических лиц (пункт 7 статьи 101 Кодекса) суд должен опираться на тот факт, что одно и то же правоотношение не может одновременно квалифицироваться и как налоговое и как иное. В этой связи очевидна невозможность привлечения налогоплательщика – физического лица за совершенное им деяние к налоговой и иной ответственности.

Если рассматривается ответственность должностных лиц организаций-налогоплательщиков (пункт 4 статьи 108, пункт 7 статьи 101 НК РФ), следует помнить, что указанные лица не являются субъектами налоговых правоотношений [1]. Это означает, что они не могут быть привлечены к ответственности в соответствии с положениями НК РФ [1]. В таком случае, при наличии соответствующих оснований, они могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности.

Несмотря на различия в мнениях ученых и специалистов в области налогового (финансового) права об особенном характере налоговой ответственности и выделении ее как самостоятельного вида в системе юридической ответственности, неоспоримым является тот факт, что основанием налоговой ответственности является налоговое правонарушение. При этом под налоговым правонарушением, в соответствии со ст. 106 НК РФ, понимается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, за которое НК РФ установлена ответственность [1]. НК РФ регламентирует порядок и условия привлечения к ответственности за налоговые правонарушения. Так, к налоговой ответственности могут быть привлечены как предприятия, так и физические лица (с шестнадцати лет) в случаях, предусмотренных гл. 16 Налогового кодекса. В ст. 108 НК РФ содержатся следующие условия привлечения к ответственности за совершенное налоговое правонарушение:

- 1) к ответственности юридические и (или) физические лица привлекаются исключительно по основаниям и в порядке, предусмотренными НК РФ [1];
- 2) ответственность за налоговое правонарушение, которое совершено физическим лицом, наступает в случае, когда есть определенность в том, что деяние не содержит признаков состава преступления, регламентированных Уголовным кодексом РФ [5].

Деяние может быть отнесено к налоговому правонарушению в случае наличия оснований, представленных на рисунке 4.

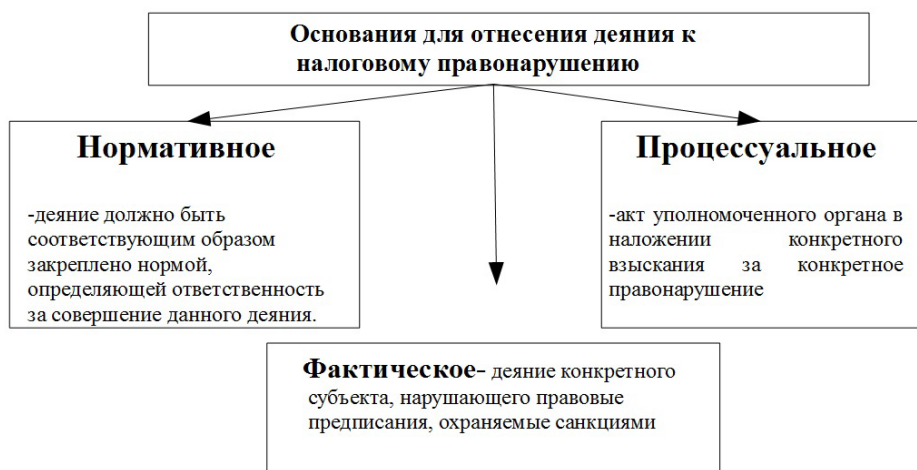

Рис. 4. Основания для отнесения деяния к налоговому правонарушению

Таким образом, юридическая ответственность за налоговые правонарушения находится в тесной взаимосвязи с административной и уголовной ответственностью, вследствие чего возникает разница в трактовках изучаемого понятия и определения его места в юридической науке. Возникновение разногласий по поводу самостоятельности налоговой ответственности или рассмотрения ее в качестве «придатка» административной и уголовной ответственности обусловлено достаточно непродолжительным временем существования налогового законодательства РФ в его современном виде: Налоговый кодекс, принятый в 1999 году, претерпел значительные изменения и корректировки, которые «отшлифовывая» его, избавляли законодательство от ошибок и неточностей, делали его устойчивым к изменениям внешней среды, охватывающим все налоговые правоотношения.

Убеждены, что с развитием налогового законодательства, ответственность за налоговые правонарушения будет все больше признаваться специалистами и учеными в области юриспруденции в качестве самостоятельной правовой категории, которая обладает специфическими признаками, регламентируется Налоговым кодексом Российской Федерации и предусматривает собственные меры как карательного, правоохранительного так и поощрительного характера, направленные на нарушителя в качестве наказания за противоправно совершенное деяние или бездействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 08.06.2015 // Консультант-Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru.
2. Гогин А.А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 21 с.
3. Гогин А.А. К вопросу об уточнении отдельных положений налогового кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения. 2005. № 3. С. 182–186.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 13.07.2015. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 16.07.2015 // Консультант-Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ: ред. от 29.06.2015 // Консультант-Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru.
6. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ: Федеральный Закон от 29.12. 2014 г. № 447-ФЗ // Консультант-Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru.
7. Об основах налоговой системы в Российской Федерации» (утратил силу): Закон РФ от 27.12.1991 № 2118-1 (ред. от 11.11.2003) // Консультант-Плюс: справочно-информационная система. URL: consultant.ru.
8. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 142–151.
9. Репетева О.Е. Юридическая ответственность за семейные, финансовые и экологические правонарушения как межотраслевой институт права // Право и государство: теория и практика. 2010. № 3. С. 135–139.

THE TAX RESPONSIBILITY AS AN INDEPENDENT TYPE IN A SYSTEM OF THE LEGAL RESPONSIBILITY

© 2016

A. Yu. Smagina, assistant professor of the chair “Civil law, civil procedure and Labor law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: tax offenses; tax liability; the Tax Code; the Code of Administrative Offences; the Criminal Code of the Russian Federation; the subject of the offense.

Abstract: The article discusses the problems of tax liability’s independence and its relationship with other types of liability due to difference of opinions of scientists on the issue. Determined the place of the tax liability in the kinds of legal responsibility.

В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; позитивная юридическая ответственность; генетические связи; функциональные связи; предмет; метод; функции; правовой институт.

Аннотация: В работе исследуются генетические и функциональные связи, которые позволят выделить межотраслевую природу института юридической ответственности.

Общая теория государства и права единообразно подводит к определению понятия института права. Базовое определение института права признано за В.В. Лазаревым, который определяет его следующим образом: «это основной элемент системы права, представленный совокупностью правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений» [1]. Таким образом, институт права представляет собой составную часть отрасли права, различаясь масштабом предмета правового регулирования. Каждый правовой институт охватывает не всю совокупность общественных отношений, а конкретные их стороны. Учитывая системность всего права в целом, необходимо выделить конкретные признаки, которые специфичны для института и отрасли права соответственно.

Институту права свойственно наличие системообразующих признаков, которые в своей совокупности должны образовывать комплекс правовых предписаний. К ним необходимо отнести определенный вид общественных отношений, которые составляют предмет юридической ответственности. Под влиянием восприятия юридической ответственности с негативной ее формы распространена точка зрения, что предмет юридической ответственности составляют конфликтные, деликтные отношения, которые различны по виду и по степени общественной опасности, но сходны по типу [2]. По нашему мнению, не совсем полным будет признание в качестве предмета института юридической ответственности только лишь конфликтные, негативные отношения – то есть правонарушения. Выше в работе мы уже отмечали, что придерживаемся точки зрения о наличии двух форм юридической ответственности – позитивной и негативной. Учитывая наше суждение, более полным следует определить предмет института юридической ответственности как общественные отношения, которые государство закрепляет и развивает, а также отношения, возникающие из правонарушений, как полагают Р.Л. Хачатуров и Р.Г. Ягутян [3]. Мы присоединяемся к данному положению, потому что оно, раскрывает предмет института юридической ответственности со всей полнотой и комплексностью юридической ответственности как социального явления.

Связующим элементом для объединения норм различных отраслей права в единый правовой институт также выступает метод правового регулирования, который имеет основное влияние на достижение целей права. Приверженцы негативной юридической ответственности выделяют для правового института юридической ответственности императивный метод. Мы в данном исследовании придерживаемся теории наличия позитивной юридической ответственности, наличие которой уже достаточно закреплено в теории права, и потому считаем, что для правового института юридической ответственности также характерно и наличие диспозитивных методов воздействия. Институту юридической ответственности как комплексному явлению присущи методы не только обвязывания и запрета, но и дозволения и поощрения, который реализуется, например, в представлении граждан к наградам, премиальным поощрениям и пр. Правовые поощрения направлены на решение

глобальных задач, которые направлены на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека (ст. 7 Конституции РФ).

Поскольку институты права неоднородны по своему содержанию, их можно классифицировать по различным основаниям. В зависимости от состава они могут быть простыми и сложными; по характеру – материальными и процессуальными; по функциональной роли – регулятивными и охранительными; по отраслевой принадлежности – отраслевыми и комплексными (межотраслевыми). Комплексные межотраслевые институты одновременно являются сложными и функциональными. С.С. Алексеев объясняет этот феномен следующим образом: «образования являются комплексными в том смысле, что нормы, в них входящие, не связаны единым методом и механизмом правового регулирования, почти все они имеют «прописку» в основных отраслях» [4]. Наиболее распространенной разновидностью комплексных правовых институтов являются межотраслевые институты, которые возникают на стыке смежных отраслей права, т. е. которые обладают известной общностью круга регулируемых отношений [5]. Более того, предмет юридической ответственности может быть присущ одновременно нескольким отраслям права, а их структурные элементы связываются одним институтом права, что может характеризовать институт юридической ответственности как межотраслевой институт права.

Институт юридической ответственности находится на стыке многих отраслей права: конституционного, гражданского, административного, уголовного, трудового, финансового, банковского.

Некоторые ученые полагают, что институт юридической ответственности реализует только охранительную функцию [6], однако данный подход не является комплексным по отношению к содержанию понятия юридической ответственности, поэтому мы в нашем исследовании, придерживаясь концепции позитивной юридической ответственности, считаем, что юридическая ответственность не только охраняет, но и регулирует правомерные общественные отношения, направляя субъектов на совершение полезных, ненаказуемых действий методом поощрения. С.С. Алексеев разделяет регулятивную функцию на две формы ее проявления: регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую [4]. Регулятивно-статическая функция устанавливает уже существующие общественные отношения, а регулятивно-динамическая направлена в будущее – на развитие и совершенствование существующих отношений.

К функциям юридической ответственности можно также причислить и воспитательную функцию. Воздействуя на субъект, формируя правомерное поведение или наказывая правонарушителя, юридическая ответственность воспитывает и прививает правомерное поведение в обществе. Придерживаясь подобного метода суждения, к функциям юридической ответственности можно также причислить и карательную (штрафную) и правовосстановительную, превентивную (предупредительную). В целом же функции юридической ответственности обоснованы целями, ради которых и существует юридическая ответственность. Как социальное явление,

юридическая ответственность носит характер самозащиты общества от посягательств на его порядок и устои, поэтому цели и определяют столь большое количество выполняемых функций.

Генетические связи существуют в нормативно-правовом регулировании отношений ответственности и в публичном праве, что видно при сопоставлении дисциплинарной, административной и уголовной ответственности ввиду их частичной корреляции. Административная и уголовная ответственность реализуется посредством принудительных мер к тем, кто совершает общественно опасные деяния, к нарушителям, не находящимся в служебном подчинении у юридических органов. Генетическая связь административной и уголовной ответственности очень хорошо прослеживается, когда проводится сравнительный анализ норм Общей части Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) и Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). При этом нетрудно убедиться, что многие положения общей части КоАП РФ генетически обусловлены соответствующими положениями УК РФ.

Помимо генетических, существуют функциональные связи в нормативном правовом регулировании отношений юридической ответственности, которые проявляются в том случае, когда действие одной нормы или группы норм побуждает к действию, соответственно другую норму или группу норм, либо же от действия одной нормы возникает зависимость действий для другой. Учеными выявлены функциональные связи субординации, координации и управления [7].

Функциональные связи субординации внутри отношений юридической ответственности обнаруживаются при соотнесении конкретных норм, регулирующих виды юридической ответственности, с целями, задачами, функциями и в особенности с принципами юридической ответственности. При этом в системе принципов существует известная иерархия (т. е. субординация) между общеправовыми, в том числе конституционными, отраслевыми, специальными принципами, распространяющими свое действие на отношения юридической ответственности. Функциональная зависимость видна между принципами института юридической ответственности и его конкретными правовыми нормами, потому как они не могут противоречить общепринятым принципам юридической ответственности, а, напротив, должны более полно воплощать их в своем содержании. Функциональные связи координации обеспечивают приспособляемость и согласованность различных видов юридической ответственности в рамках единого механизма правовой охраны, например, между дисциплинарной и административной видами ответственности. Единая цель дисциплинарной ответственности направлена на достижение совместной деятельности общества четкой организации не только учебного и трудового процесса, но и в различных видах государственных и муниципальных службах, в процессе исполнения наказаний и самого судебного процесса. В данном случае функциональна связь координации осуществляется по двум направлениям: принудительном и карательном. К примеру, нарушение трудовых обязанностей или дисциплины может повлечь не только дисциплинарную, но и административную ответственность. В главе 9 КоАП РФ установлены составы административных правонарушений в области промышленности, строительства и энергетики, объективная сторона которых заключается в неисполнении или ненадлежащем исполнении должностными лицами своих трудовых обязанностей, за которые они могут быть подвергнуты одновременно и дисциплинарной ответственности.

Координационные связи просматриваются также между административной и уголовной ответственностью. Например, статья 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство) и 213 УК РФ (хулиганство), статья 7.27 КоАП РФ (мелкое хищение) и часть 1 ст. 158 УК РФ (кража),

часть 1 ст. 14.12 КоАП РФ (фиктивное банкротство) и ст. 197 УК РФ (фиктивное банкротство). Одним из видов функциональных связей координации является возможность замены уголовной ответственности административной с учетом конкретных обстоятельств совершенного правонарушения. Как видно, данная возможность замены одного вида ответственности другим охватывает широкий круг преступлений, за совершение которых уголовное право предусматривает более мягкое наказание и вероятность социализации преступника менее репрессивными мерами – административно-правовыми.

Функциональные связи координации существуют также и между дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, с одной стороны, и гражданско-правовой с другой. Данная связь наблюдается в том случае, если совершенное правонарушение или проступок влечет за собой необходимость возмещения также и материального или иного вида ущерба. Подобное суммирование правонарушений, их совмещение характеризует единство оснований для обоих видов ответственности, но не свидетельствует о передаче функций от одного вида к другому, поскольку каждый вид ответственности, кроме общих целей, присущих юридической ответственности вообще, преследует и достижение своих специфических целей [8].

Функциональные связи координации в институте юридической ответственности проявляются путем субсидиарного применения норм права об ответственности и использования понятий (категорий) одной отрасли права в качестве общих (межотраслевых). Они также могут прослеживаться и между неоднородными отраслями, т. е. между отраслями частного и публичного права. Например, согласно п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание, является, в частности, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, а также иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. В качестве принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, УК РФ предусматривает возложение обязанности загладить причиненный вред (п. «в» ч. 2 ст. 90). В определении содержания таких понятий, как «имущественный ущерб», «моральный вред», вполне возможно обращение к положениям Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Функциональные связи управления означают наличие в отношениях юридической ответственности целостных, общеправовых и межотраслевых понятий (например, противоправное деяние, вредные последствия, вина, смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства).

В литературе рассматривается и такой специфический вид функциональных связей (связей по управлению) в регулировании и применении мер юридической ответственности, как использование общеправовых дефиниций (понятий), юридических конструкций, имеющих межотраслевой характер (состав правонарушения, ущерб (вред), вина, ее формы, необходимая оборона, крайняя необходимость). Сформулированные вначале в одной отрасли права, они реализуются и в иных отраслях права. Так, определения понятий «необходимая оборона», «крайняя необходимость», «умысел», «неосторожность» употребляются не только в уголовном праве, но и в административном, гражданском и других отраслях права. К межотраслевым понятиям следует отнести также понятия ущерба или вреда, существующие в гражданском праве. При этом характер нанесенного ущерба, а также его размер учитываются при юридической квалификации различных видов общественно опасных деяний и при определении вида и размера дисциплинарного взыскания, административного или уголовного наказания.

Таким образом, наличие функциональных связей – это важнейшее условие, определяющее единство межотраслевого комплексного института юридической ответственности. Функциональные связи института юридической ответственности реализуются в зависимости между нормами: начало действия одной служит отправной точкой для запуска механизма реализации другой нормы, или даже группы норм, при этом вся совокупность норм ответственности образует единое целое.

Именно генетические и функциональные связи в системе нормативного правового регулирования отношений ответственности предоставили возможность для выделения комплексных (межотраслевых) институтов юридической ответственности. Исходными теоретическими положениями служат взгляды С.С. Алексеева и его последователей на комплексные образования как вторичные структурные элементы в системе права, что объясняется своеобразием, особенностями ряда общественных отношений, невозможностью их правового регулирования в рамках одной отрасли права, наличием пробелов в правовом регулировании и т. д. [4]. Существование комплексных (межотраслевых) институтов вызвано существованием пограничных, промежуточных общественных отношений, в силу этого необходимо тесного контакта между отраслями права, их взаимосвязью, «подстройки» правового регулирования близких по характеру общественных отношений.

Некоторыми учеными предложено различать пограничные и функциональные комплексные (межотраслевые) институты [9]. Пограничный межотраслевой институт может явиться началом для организации новой отрасли права. Превращение группы взаимосвязанных пограничных институтов в новую отрасль права возможно лишь тогда, когда институты приобретают некую определенную «критическую массу», по достижении которой у них появляется необходимая сумма новых свойств, касающихся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования.

Функциональные межотраслевые институты складываются на стыке неоднородных отраслей права. Между нормами указанных отраслей при регламентации общего предмета регулирования имеются функциональные связи, которые проявляются в том, что указание закона выступает в качестве необходимой предпосылки, одного из элементов сложного фактического состава, служащего основанием возникновения правовых отношений.

Предметом регулирования функционального межотраслевого института юридической ответственности являются, в большинстве своем, деликтные (конфликтные, негативные) отношения, которые хотя и отличаются по видам в зависимости от степени общественной вредности, тем не менее, все схожи по типу. Наличие различного рода деликтных отношений в обществе, порождаемых правонарушителями, закономерно обуславливает появление определенного правового механизма защиты и ответственности, который находит законодательное закрепление. У различных деликтных отношений имеется много общего, и логически необходимо, целесообразно представлять их как отношения одного типа. Эти отношения генетически служат основой образования в системе права отраслевого института юридической ответственности.

Одинаковы и методы регулирования отношений юридической ответственности – восстановительный (защитный), воспитательный и карательный. Имеются и характерные для данного института принципы: неотвратимость ответственности, конституционность и законность оснований ее наступления, индивидуализация и т. д. Наличие указанных критериев как системообразующих (структурообразующих) факторов, естественно, обуславливает и особый механизм правового регулирования. Причем перечисленные критерии присущи всем структурным элементам, составляющим функциональный межотраслевой институт юридической ответственности.

Комплексный характер межотраслевых институтов юридической ответственности заключается в наличии общих целей, функций, принципов, видов юридической ответственности, общих мер, составляющих их содержание, независимо от отраслевого предмета регулирования, а также в тесном взаимодействии межотраслевых институтов в частном и публичном праве, в неразрывном единстве двух подсистем права – материального и процессуального права, обеспечивающих действие юридической ответственности как охранительного института в механизме правового регулирования общественных отношений. Межотраслевые институты юридической ответственности среди охранительных институтов права занимают особое место и играют специфическую роль в механизме правового регулирования. Они не только охраняют специфическим для них способом регулятивные нормы и соответствующие им правовые отношения, но и гарантируют, подстраховывают действие иных охранительных правовых институтов.

В литературе высказываются мнения, согласно которым финансовая, бюджетная, налоговая, таможенная, эколого-правовая ответственность, каждая в отдельности, рассматриваются как комплексный институт права в специфической сфере общественных отношений, где используются в различном сочетании известные виды юридической ответственности: гражданско-правовая, материальная, дисциплинарная, административная и уголовная.

В качестве межотраслевого института многие авторы рассматривают институт дисциплинарной ответственности. Однако в юридической литературе по вопросу о круге отраслевых норм, входящих в межотраслевой институт дисциплинарной ответственности, не существует однозначного решения. Так, Д.Н. Бахрах, Ю.С. Адушкин и др., считая, что указанный институт объединяет нормы различных отраслей права [10], одновременно полагают, что дисциплинарным проступком могут быть нарушены нормы, по существу, всех отраслей права. Дисциплинарные проступки и дисциплинарная ответственность имеют место в конституционном, муниципальном, трудовом, финансовом, земельном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном праве. На наш взгляд, дисциплинарная ответственность является не межотраслевым институтом, а самостоятельным институтом деликтно-наказательной отрасли права наряду с входящими в эту отрасль институтами административной и уголовной ответственности.

В литературе уже высказывалось мнение о формировании правоохранительной отрасли права [11]. А.П. Чирков признает существование института негативной юридической ответственности в качестве функционального межотраслевого института наряду с институтом государственного поощрения как межотраслевого института позитивной юридической ответственности. Указанные институты обуславливают различные отрасли права: первый из них осуществляет «сквозную» регламентацию привлечения правонарушителей к юридической ответственности, второй регулирует отношения применения мер государственного поощрения к лицам, поступающим юридически ответственно. В то же время А.П. Чирков выступает против деликтно-наказательного права как самостоятельной правоохранительной отрасли права. Он полагает, что конфликтные (деликтные) отношения как предмет правового регулирования относятся к различным отраслям права и, кроме того, различаются по степени общественной вредности. А.П. Чирков считает, что указанный «сборный» предмет правового регулирования не может быть предметом отрасли права, для которой необходим достаточно высокий уровень качественного единообразия регулируемых отношений. Помимо этого, различные конфликтных отношений на уровне вида предполагает и различные методы воздействия на правонарушителей. Причем общество не заинтересовано в нивелировке различий в методах наказания, так

как то или иное правонарушение объективно требует адекватной реакции на него. Таким образом, по мнению А.П. Чиркова, отсутствие должного единства предмета и метода правового регулирования исключает появление отрасли права на основе межотраслевого (комплексного) института юридической ответственности [5].

Деликтные отношения имеют общую родовую основу, хотя и обладают различной степенью вредности. Поэтому закон устанавливает различные виды правонарушений, исходя из степени их общественной опасности, и соответствующие им виды наказаний. Каждый вид правонарушений и юридической ответственности составляет самостоятельную группу норм права (институт или отрасль права), направленных на охрану действия и реализации регулятивных отраслей права (конституционного, парламентского, административного, судебного, гражданского, предпринимательского, трудового и др.). При таком подходе вполне допустимо обособление охранительной отрасли публичного права, имеющей карательно-штрафной характер [12].

Выводы:

1. Правовой институт – это система взаимосвязанных норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность общественных отношений.

2. Юридическая ответственность институт материального права, ее принципами являются справедливость, законность, неотвратимость, индивидуализация, гуманизм и виновность деяния. Не являются принципами юридической ответственности: состязательность процесса и право на защиту лица, привлеченного к ответственности, регламентированность осуществления, официальность, публичность. Институт юридической ответственности – это межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный, воспитательный институт права, закрепляющий и оказывающий воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения – регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения [13].

3. Институту юридической ответственности присущи следующие признаки: системность, обособленность (относительная), императивный, диспозитивный и поощрительные методы. До факта совершения правонарушения предметом регулирования института юридической ответственности выступают наиболее важные общественные отношения, а в случае совершения – материальные правоотношения юридической ответственности. Институт юридической ответственности является публичным институтом материального права, который обладает сложной структурой, включающей в себя различные субинституты юридической ответственности.

4. Нормы уголовной, конституционной, гражданско-правовой, административной, дисциплинарной, материальной, финансовой ответственности составляют струк-

турные подразделения общего института юридической ответственности, его субинституты. Определяющим критерием разграничения системы юридической ответственности на виды являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования, иначе именуемые отраслевым критерием.

5. Институт юридической ответственности можно отнести к межотраслевому, функциональному регулятивно-охранительному институту права, оказывающему сильнейшее воздействие и регулирующему наиболее важные общественные отношения, а, в случае их нарушения устанавливающему отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения. Нормы, устанавливающие юридическую ответственность, содержатся в различных нормативных правовых актах, что в совокупности характеризует межотраслевую природу института юридической ответственности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 2002. 520 с.
2. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 220 с.
3. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса и банковского дела, 1995. 197 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2х т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
5. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград: Калинингр. ун-т, 1996. 77 с.
6. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. Саратов: СГАП, 2000. 54 с.
7. Киринов В.А. Функциональные связи правовых норм // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 35–36.
8. Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев: Наук. думка, 1976. 189 с.
9. Поленина С.В. Социалистическое право как система // Социалистическое право и научно-техническая революция. М.: Наука, 1979. 344 с.
10. Бахрах Д.Н. Укрепление законности в государственном управлении // Советское государство и право. 1987. № 7. С. 10.
11. Шевченко Я.Н. Теоретические проблемы правового регулирования гражданской ответственности несовершеннолетних за правонарушения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1982. 225 с.
12. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М.: Юрист, 2005. 527 с.
13. Антология юридической ответственности: в пяти томах. Т. II / под ред. Р.Л. Хачатуров. Самара: Ас Гард, 2012. 546 с.

INTERSECTORAL NATURE OF INSTITUTE OF LEGAL RESPONSIBILITY

© 2016

V.V. Stepanova, senior lecturer of Theory of State and Law Department
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; positive legal responsibility; genetic linkages; functional communications; subject; method; functions; legal institute.

Abstract: The article investigates the genetic and functional connections that will highlight the cross-sectoral nature of the legal liability of the Institute.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

© 2016

Н.Г. Тараканова, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права»

Ф.Ш. Ямбушев, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета
*Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации», Саранск (Россия)*

Ключевые слова: судебный пристав; юридическая ответственность; закон; взыскание; санкция.

Аннотация: В статье рассматриваются основания и порядок привлечения судебных приставов к дисциплинарной, уголовной и гражданско-правовой ответственности в соответствии с законодательными актами второй половины XIX в. Освещаются особенности осуществления надзора за исполнительным производством со стороны судебных органов.

Поворотным моментом в развитии института исполнительного производства в России явилась Судебная реформа 1864 года, существенно изменившая принципы организации и деятельности отечественной судебной системы.

С принятием Судебных уставов 1864 года исполнение судебных решений регламентировалось Уставом гражданского судопроизводства [1]. Устав совершил революционную перестройку исполнительного производства, изъяв его из компетенции исполнительной власти и передав в ведение суда. Однако последний не должен был сам заниматься исполнением вынесенных решений. Для этого учреждались при соответствующих судебных инстанциях (кассационных департаментах Правительствующего сената, судебных палатах, окружных судах и мировых съездах) специальные должностные лица, – судебные приставы, на которых и возлагалась обязанность производить исполнительные действия.

В отношении исполнения судебных решений судебные приставы действовали от своего имени и под свою ответственность. Они должны были опираться на действовавшее законодательство, а при наличии в нем пробелов принимали решения на основе собственного толкования смысла нормативного акта. В соответствии со ст. 925 Устава гражданского судопроизводства суды по закону не обязаны были наблюдать за тем, как их решения приводятся в исполнение. В связи с этим приставу был предоставлен достаточно широкий круг прав, что, в свою очередь, дало основание некоторым процессуалистам утверждать о вхождении в деятельность судебного пристава элементов чисто судебного свойства, вызывающих его на размышление и разрешение правовых вопросов.

На основании ст. 301 и 302 Учреждений судебных установлений (далее – УСУ) судебные приставы допускались к исполнению своих обязанностей строго после внесения полной суммы установленного залога [2, с. 176]. Его вносили для предотвращения растрат и присвоений сумм судебными приставами в процессе реализации своих полномочий по исполнению судебных решений или на случай убытков, которые могли произойти от их неправильных действий.

Вопросам юридической ответственности судебных приставов посвящены статьи второй части второго отделения главы восьмой УСУ.

За незаконный отказ в исполнении своих обязанностей, за промедление в доставке бумаг, за передачу бумаг не в установленном порядке ненадлежащим лицам, за превышение власти и другие противозаконные поступки, судебные приставы согласно ст. 326 УСУ подвергаются дисциплинарному взысканию или передаются уголовному суду.

К уголовной ответственности судебные приставы могли также быть привлечены за преступления по службе, предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, например, за «противозакон-

ные проступки при хранении и управлении вверенного по службе имущества» и «медленность, нерадение, несоблюдение установленного порядка в отправляемой должности» [3].

Ложные удостоверения по отправлению служебных обязанностей судебными приставами рассматривались как подлог по службе.

Кроме общих дисциплинарных взысканий, установленных для лиц судебного ведомства судебные приставы за совершение действий, «произведенных с упущением» могли подвергаться денежному удержанию из вознаграждения, которое назначалось им по особой таксе, утверждаемой в законодательном порядке в соответствии со ст. 313–314 УСУ, а также денежному взысканию в размере от пяти до ста рублей.

Председатель соответствующего суда, а в кассационных департаментах сената – обер-прокурор вправе был сделать судебному приставу замечание или выговор и даже подвергнуть его аресту до 7 дней. Вместе с тем законодатель устанавливал в ст. 329 УСУ, что удержание вознаграждения и наложение денежных взысканий, как и придание суду могли последовать в отношении судебного пристава только в порядке дисциплинарного производства в суде, при котором состоял пристав, на основании общих правил, установленных для лиц судебного ведомства.

Если же незаконными действиями судебного пристава при исполнении им служебных обязанностей причинялись какому-либо убытки, то независимо от дисциплинарной или уголовной ответственности, пострадавшей стороне по судебному решению выплачивалось вознаграждение из представленного судебным приставом при его вступлении в должность залога, а если его сумма окажется недостаточной, то и из всего имущества виновного.

Жалобы на действия судебных приставов, в том числе на допущенную ими медленность в исполнительном производстве, должны были приноситься председателю того судебного места, при котором он состоял (ст. 330 УСУ).

Что касается приставов, состоящих при мировых съездах, то на них в целом распространялись те же нормы, что и на приставов, состоящих при общих судебных установлениях (окружных судах, палатах, кассационных департаментах сената).

Также как и в общих судах, жалобы на личные действия судебного пристава по исполнению им судебного решения, равно как и вопрос о возбуждении против него дисциплинарного производства подлежали решению председателя съезда мировых судей, а жалобы на неправильное исполнение решений подавались мировому судье, в участке которого это решение исполнялось.

Надзор за судебными приставами был возложен непосредственно на председателя мирового съезда, который периодически осуществлял ревизию его делопроизводства. По итогам ревизии решался вопрос о признании делопроизводства должностного лица исправным, либо

неисправным и о наличии оснований для привлечения пристава к дисциплинарной или даже к уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 62 УСУ председатель мирового съезда, получив сообщение о противозаконных действиях или медлительности подведомственных ему судебных приставов, первоначально был обязан проверить по производству и журналу все действия приставов по делу, правильность вычислений ими сборов, требуемых со взыскателя. Далее председатель направлял дело на рассмотрение мирового судьи в целях установления достоверности жалоб на личные действия пристава.

По окончании рассмотрения дела мировым судьей председатель принимал решение либо о наложении дисциплинарного взыскания на судебного пристава, либо о возбуждении дисциплинарного производства.

Дела о дисциплинарной ответственности судебных приставов слушались мировым съездом, при котором они состояли по представлению председателя съезда. При этом дела рассматривались в распорядительном порядке и при закрытых дверях. По итогам дисциплинарного производства судебные приставы могли быть подвергнуты дисциплинарному взысканию как из общего перечня, установленного для лиц судебного ведомства ст. 262 УСУ, так особым дополнительным видам наказания, закрепленным ст. 328 УСУ, к которым относилось удержание полученного денежного вознаграждения и денежное взыскание в размере от пяти до ста рублей. При этом постановление председателя съезда относительно размера взыскания, наложенного на пристава, не подлежало обжалованию со стороны лица, подавшего жалобу. Также налагаемые взыскания не могли быть включены в послужные списки.

Мировые съезды и окружные суды не имели права оставлять жалобу на действия судебного пристава без рассмотрения, даже если был допущен пропуск частным лицом двухнедельного срока на обжалование действий судебного пристава, если в ней содержались указания на совершенное преступное деяние.

Мировой съезд, обнаружив в ходе дисциплинарного производства в деле обстоятельства, подлежащие рассмотрению уголовного суда, обязан был первоначально постановить о прекращении дисциплинарного производства по делу, а затем передать его в Судебную палату, которая предавала обвиняемого суду и назначала предварительное следствие. Мировой съезд не имел законных оснований рассматривать действия судебного пристава, которые подлежали не иначе как уголовному расследованию.

Что касается судебного контроля за деятельностью судебного пристава, то следует отметить, что роль суда менялась в зависимости от стадии и даже вида взыскания. При наложении взыскания на движимое имущество судебный пристав обладал большими дискреционными полномочиями. Суд контролировал действия пристава, главным образом, рассматривая жалобы взыскателя или должника. В ходе наложения взыскания на недвижимость пристав имел меньше возможностей действовать по своему усмотрению, а контроль суда был более жестким и выражался не только в разбирательстве по жалобам, но и в проверке порядка ареста имущества, присутствии членов суда на торгах, утверждении результатов торгов и др. [4, с. 191].

Если председатель съезда, в соответствии со ст. 62 УСУ, признавал судебного пристава неспособным к отправлению возложенных на него обязанностей, то он был вправе предложить ему подать прошение об увольнении, а в случае уклонения судебного пристава от подачи прошения – распорядиться о его увольнении без прошения. При этом увольнение пристава председателем без объяснения причины не давало оснований для его обращения с жалобой в Сенат.

Однако в случае его возвращения на должность, служебные права, прекращенные его увольнением, восста-

навливались при условии отмены данного распоряжения высшей властью – Сенатом.

Когда в мировой съезд поступали жалобы на неправомерные действия судебного пристава и просьбы о выплате им взыскания из залога пристава, то данная информация публиковалась в губернских ведомостях в долг. А деньги на эту публикацию могли быть удержаны из залога.

При обнаружении растраты вверенных судебному приставу по службе денег или иного имущества на сумму, превышающую представленный им залог, председатель судебного места (в Кассационных департаментах Сената – обер-прокурор) немедленно принимал меры к обеспечению взыскания растроченного наложением ареста на недвижимое или движимое имущество обвиняемого. Затем он доводил это до сведения Судебной палаты одновременно с передачей ей оснований к возбуждению против виновного уголовного преследования. Судебная палата, в свою очередь, могла по обстоятельствам дела отменить или изменить вышеуказанные распоряжения начальства судебного пристава.

Возмещение убытков, причиненных неправильными действиями приставов по службе, производилось также из их залогов или другого имущества по судебному решению и по предварительному разрешению на то Судебной палаты. Если возмещение убытков осуществлялось без указанного разрешения, то оно подлежало отмене.

Иск в отношении судебного пристава о возврате излишне полученного им за служебные действия вознаграждения мог быть предъявлен в общем исковом порядке, без упомянутого разрешения, если этот иск не имел своим основанием неправильные действия судебного пристава по службе. Приведенное правило стало актуальным в свете следующего случая: по распоряжению мирового съезда судебный пристав получил вознаграждение за охрану 738 руб. 50 коп.; это распоряжение было отменено Сенатом, а затем окружной суд назначил судебному приставу только 200 руб. вознаграждения, вследствие чего появился излишек в 538 руб. 50 коп., о взыскании которого судебному приставу и был предъявлен иск в общем порядке [4, с. 192].

Что касается гражданской ответственности приставов, то в ст. 1331 Устава гражданского судопроизводства (далее – УГС) отмечено, что судебные приставы подлежат гражданской ответственности, но лишь за убытки, обусловленные неправильными действиями приставов. В противном случае, иск рассматривается по УСУ в общем порядке. Однако, в ст. 1331 УГС подчеркивается, что независимо от вида ответственности, к которой привлекается пристав – дисциплинарной или уголовной – возмещение убытков по судебному решению производится из его залога. В случае нехватки средств залога – из имущества пристава.

Судебная палата или Сенат, признав возможность удовлетворения жалобы или прошения, по ее предварительному рассмотрению, направляла копию просьбы обвиняемому, для получения от него объяснения в назначенный срок.

При получении письменного объяснения или по истечению назначенного дня его подачи, жалоба или прошение рассматривались на закрытом заседании, при предварительном докладе члена-докладчика или обер-прокурора.

Судебная палата или Сенат, приняв решение об удовлетворении просьбы о возмещении убытков, перенаправляет дело в Окружной суд для последующего его рассмотрения. Дальнейшее производство по данному иску происходило по общим правилам.

Об окончательном решении дела сообщалось министру юстиции (ст. 284–290 УСУ). После вынесения окончательного решения просьбы о его отмене допускались также в течение недели, и только в случае нарушения процедуры производства.

Порядок разбирательства УСУ не регламентировался, единственным условием законодатель поставил:

перед вынесением решения выслушать заключение прокурора и обер-прокурора по принадлежности, а затем окончательные объяснения подсудимого или его защитника (ст. 281–282 УСУ). Решение суда немедленно объявлялось подсудимому, и устанавливался недельный срок для его обжалования.

В целом можно признать, что правовое регулирование института юридической ответственности судебных приставов нашло достаточно полное и системное закрепление в законодательстве второй половины XIX в. На особенностях юридической ответственности судебных приставов сказались двойственность его правового статуса, в котором сочетались как черты государственного служащего, отстаивающего публичный интерес, так и независимо действовавшего профессионала, исполнявшего судебные решения в интересах взыскателя. Действуя независимо, от своего имени и под свою ответственность в вопросах

исполнения судебных решений, судебный пристав выступал в качестве посредника между судом и тяжущимися на стадии исполнения судебных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны. Ч. I. СПб.: Гос. канцелярия, 1867. 358 с.
2. Учреждение судебных установлений // Российское законодательство X–XX в. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1988. С. 32–83.
3. Рогожин А.И. Российское законодательство X–XX в. Т. 6. М.: Юридическая литература, 1988. 431 с.
4. Захаров В.В. Суд и исполнение судебных решений в дореволюционной России (1864–1917 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 186–192.

LEGAL REGULATION OF LEGAL RESPONSIBILITY OF COURT USHERS BY THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

© 2016

N.G. Tarakanova, candidate of History, associate Professor,
Head of the theory and history of the state and law department
F.Sh. Yambushev, candidate of Legal Sciences, associate Professor, Dean of the Law Faculty
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch), Saransk (Russia)

Keywords: bailiff; legal responsibility; law; recovery; sanction.

Abstract: The bases and order of involvement of court ushers to disciplinary, criminal and civil responsibility according to legal acts of the second half of the 19th century are considered. Features of implementation of supervision of executive production from judicial authorities are lit.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2016

А.Н. Тумов, кандидат юридических наук, доцент, адвокат
Адвокатура, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Ключевые слова: правонарушение; уголовно-процессуальное правонарушение; ответственность.

Аннотация: В статье рассматривается комплекс теоретических и практических проблем, связанных с уголовно-процессуальными правонарушениями. Автор определяет понятия «правонарушение», «уголовно-процессуальное правонарушение». Утверждается, что уголовно-процессуальное правонарушение является комплексным, если за его совершение применяются санкции иной отраслевой принадлежности. Рассмотрены типичные уголовно-процессуальные правонарушения, которые совершаются на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Под правонарушением (лат. *transgressio, injuria, delictum*) в теории права понимается «общественно вредное неправомерное (противоправное) виновное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, влекущее за собой юридическую ответственность» [1, с. 623]. Правонарушения являются общественно опасными, наносят ущерб правам граждан и публичным интересам, что находит свое юридическое выражение в противоправности. Это означает предусмотренность их нормами законодательства, установление и разрешение правовыми средствами, наступлением правовых последствий для субъекта совершения. Виновность – необходимый признак правонарушения, поскольку правонарушитель выбирает вредный вариант поведения, пренебрегая субъективными правами граждан, интересами общества, что свидетельствует о цели, неуважение или равнодушие к охраняемым законом ценностям и причинение или допущение социального ущерба. На этой основе излагается структурный анализ правонарушения – объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Уголовное судопроизводство предусматривает значительные ограничения прав и свобод человека, поэтому от законодателя требуется особенно тщательная регламентация этой отрасли права.

В условиях войны, развязанной лицами, совершившими государственный переворот на Украине, встал вопрос о действии законодательства на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). В связи с отсутствием законодательной базы на территории ДНР и необходимостью постоянного регулирования отношений между субъектами права 2 июня 2014 г. Совет Министров ДНР принял постановление № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период». Этим документом установлено, что до принятия Законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами права, Министерством и ведомствам ДНР надлежит применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР. Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР подлежат утверждению Советом Министров Донецкой Народной Республики. Кроме того, был введен в действие на переходный период на территории ДНР Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК УССР) от 28 декабря 1960 г. с изменениями до 2012 г. в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР [2]. Учитывая, что представители государственной власти Донецкой области получили из Киева приказ бежать из Донецкой области и вывозить государственное имущество и документы, работа судов на территории ДНР оказалась заблокирована. Соответственно, оказалось невозможным применение норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с осуществлением судами функции

судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Генеральной прокуратурой ДНР было принято решение о применении на территории ДНР до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса УПК УССР 1960 г. по состоянию до проведения т.н. «малой судебной реформы», т. е. на 12 июня 2001 г., когда суды еще не имели функции судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

После того, как судебная система заработала, в постановление Совета Министров ДНР от 2 июня 2014 г. № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период» были внесены изменения. Так, постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 г. № 1-1 было установлено, что во время действия переходного периода на территории ДНР применяется УПК УССР от 28 декабря 1960 г. в редакции по состоянию на 12 июля 2001 г. [3] (фактически же 12 июля 2001 г. действовал УПК Украины в редакции от 29 июня 2001 г.). Однако при этом неурегулированным оказалось международное сотрудничество по уголовным делам, так как раздел 9, регламентирующий эти вопросы, был включен в УПК Украины только в 2011 г. Далее, постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 июля 2015 г. № 13-13 определено, что до принятия УПК ДНР на территории Донецкой Народной Республики действует УПК УССР от 28 декабря 1960 г.: разделы 1 8 по состоянию законодательства на 29 июня 2001 года; раздел 9 по состоянию законодательства на 10 июля 2011 года [4] (т. е. добавлен раздел, посвященный международному сотрудничеству по уголовным делам).

Особенности правонарушений в уголовном судопроизводстве заключаются в том, что субъектами их совершать могут как лица, которые наделены властными полномочиями так и те, которые их не имеют. Кроме этого, в результате совершения правонарушения могут нарушаться не только нормы УПК и законы Донецкой Народной Республики, но и соответствующие положения Конституции ДНР.

В действующем законодательстве Донецкой Народной Республики предусмотрена ответственность за преступления против правосудия, совершаемые с прямым умыслом (глава 31 Уголовного кодекса ДНР). Исходя из последствий, не менее общественно опасными являются неумышленные противоправные действия субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые наносят ущерб правам личности и интересам правосудия. Учитывая это, предлагается дифференцировать их в зависимости от степени общественной опасности, дополнить уголовное и административное законодательство ДНР соответствующими составами правонарушений и предусмотреть ответственность за их совершение.

С учетом изложенного, под уголовно-процессуальным правонарушением следует понимать общественно опасное деяние, совершенное субъектом уголовно-про-

цессуальных правоотношений, в нарушение требований УПК, законов, Конституции Донецкой Народной Республики, которые наносят ущерб правам и законным интересам участников процесса и влекут за собой ответственность за их совершение.

Действующий в ДНР УПК не содержит понятия уголовно-процессуального правонарушения (так же как и УПК РФ). УПК Украины содержит такую меру обеспечения уголовного производства, как наложение денежного взыскания в случаях:

1) если подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, гражданский ответчик, представитель юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, который был в установленном настоящим Кодексом порядке вызван (в частности, имеется свидетельство получения им повестки о вызове или ознакомления с ее содержанием другим путем), не из явился без уважительных причин либо не сообщил о причинах своего неприбытия (ч. 1 ст. 139 УПК Украины);

2) в случае применения к подозреваемому, обвиняемому личного обязательства. При этом им письменно под расписку сообщаются возложенные на них обязанности и разъясняется, что в случае их невыполнения к ним может быть применена более жесткая мера пресечения и может быть наложено денежное взыскание (ч. 2 ст. 179 УПК Украины);

3) в случае невыполнения поручителем взятых на себя обязательств при применении меры пресечения в виде личного поручительства (ч. 5 ст. 180 УПК Украины);

4) если обвиняемый, к которому не применена мера пресечения в виде содержания под стражей, не явился по вызову в судебное заседание (ч. 1 ст. 323 УПК Украины);

5) если на судебное заседание не явился по вызову потерпевший, гражданский ответчик, свидетель, надлежащим образом уведомленный о времени и месте судебного заседания (ст. 325, ч. 2 ст. 326, ч. 1 ст. 327 УПК Украины);

6) при нарушении родителями, опекунами, попечителями, администрацией детского учреждения обязательства о взятии под надзор несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 493 УПК Украины) [3, с. 392–393].

Отметим, что действующий в ДНР УПК также содержит нормы о наложении денежного взыскания:

1) если свидетель не явился без уважительных причин (ст. 70);

2) на поручителя, если обвиняемый уклоняется от явки (ст. 152, 153);

3) на родителей, опекунов, попечителей в случае нарушения ими обязательств, связанных с передачей несовершеннолетнего обвиняемого им под надзор (ст. 436) [6].

УПК РФ также содержит нормы о применении денежного взыскания:

1) в случае неисполнения поручителем своих обязательств (ст. 103);

2) к лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый был отдан под присмотр, в случае невыполнения ими принятого обязательства (ст. 105);

3) к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом (ст. 111);

4) в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушениями ими порядка в судебном заседании (ст. 117);

5) к лицу, присутствующему в зале судебного заседания при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или судебного пристава (ст. 258);

6) за неявку присяжного заседателя в суд без уважительной причины (ст. 333) [7].

По мнению В.Д. Чабанюка, наиболее научно обоснованной и имеющей практическое значение является

классификация уголовно-процессуальных правонарушений в зависимости от их совершения на определенных стадиях уголовного судопроизводства (возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и на судебных стадиях уголовного процесса) [8, с. 196–200].

На стадии возбуждения уголовного дела совершаются следующие уголовно-процессуальные правонарушения:

1) при принятии заявлений и сообщений о преступлениях (игнорирование заявлений и сообщений о преступлениях, укрытие преступлений от учета; отказ заявителю в принятии заявления и его регистрации; регистрация неполных данных, содержащихся в заявлениях и сообщениях о преступлении; незаконное направление заявлений и сообщений о преступлении в другие органы);

2) при проверке заявлений и сообщений о преступлении (незаконное производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, нарушение сроков разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, нарушение требований законодательства о способах проверки заявлений и сообщений о преступлениях);

3) при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела (ошибочное определение оснований для возбуждения уголовного дела; неправильная уголовно-правовая квалификация, отсутствие в постановлении указания на поводы для возбуждения уголовного дела; несвоевременность принятия решения о возбуждении уголовного дела; вынесение постановления о возбуждении уголовного дела неуполномоченным на то лицом; начало производства по уголовному делу без вынесения постановления о его возбуждении);

4) при отказе в возбуждении уголовного дела (неправильное применение оснований; неуведомление заинтересованных лиц об отказе в возбуждении уголовного дела, неразъяснение им права на обжалование принятого решения).

На стадии предварительного расследования можно выделить следующие уголовно-процессуальные правонарушения:

1) при проведении следственных действий (безосновательное их проведение; неразъяснение прав участникам, отсутствие понятых, нарушение процессуального порядка проведения; фальсификация протоколов, проведение их без разрешения суда или согласия прокурора, проведение неуполномоченным на то лицом и непредусмотренными законом способами, допрос свидетелей, потерпевших, не достигших 14-летнего возраста, без участия педагога и др.);

2) нарушение права подозреваемого или обвиняемого на защиту (незаконное склонение к отказу от защитника; необеспечение участия защитника в деле; допуск к защите лиц, не имеющих на это право);

3) при предъявлении обвинения (беспочвенность формулировки обвинения; несвоевременность и неконкретность предъявленного обвинения; невручения копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, нарушение порядка предъявления обвинения; неразъяснение обвиняемому его прав; неразъяснение сущности предъявленного обвинения; отсутствие защитника при предъявлении обвинения и др.);

4) при применении мер принуждения (незаконность задержания подозреваемого в совершении преступления; незаконное заключение под стражу, нарушение сроков задержания и содержания под стражей);

5) при прекращении уголовных дел (неправильное определение оснований прекращения уголовного дела; ненаправленные копии постановления о прекращении уголовного дела);

6) при приостановлении досудебного расследования (приостановление уголовного дела с объявлением лица, не признанного обвиняемым, в розыск);

7) безосновательное прекращение производства по делам по болезни обвиняемого при отсутствии соответствующих документов;

8) приостановление производства в связи с необходимостью проведения судебных экспертиз;

9) составление обвинительного заключения (неуказание в обвинительном заключении доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение; изложение в обвинительном заключении обвинения, существенно отличающегося от формулировки, приведенной в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, наличие разногласий между описательной частью обвинительного заключения – обстоятельствами дела, установленными следователем и резолютивной частью обвинения);

10) при окончании предварительного расследования (неознакомление обвиняемого и участников предварительного следствия с материалами дела; затягивание сроков ознакомления с материалами дела, необоснованное отклонение ходатайств защитников);

11) иные правонарушения (связанные с нарушением сроков расследования; односторонность или неполнота расследования; непривлечение к уголовной ответственности других лиц; неправильное объединение или выделение уголовных дел [8, с. 196–200]; невыполнение постановления о приводе подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего; препятствование возмещению судебных расходов участникам процесса; необоснованное отклонение или рассмотрение с нарушением установленных сроков ходатайств участников процесса; невыполнение постановлений, законных требований, непредоставление информации на запросы прокурора, органов предварительного следствия и дознания, защитника).

За совершение уголовно-процессуальных правонарушений следует предусмотреть уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность. Таким образом, головно-процессуальное правонарушение может быть комплексным, если за его совершение применяются санкции иной отраслевой принадлежности.

Исходя из того, что человек, его честь и достоинство признаются наивысшей социальной ценностью, предлагаем установить уголовную ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела, применение меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе если они совершены по неосторожности в виде преступной небрежности.

Предлагается установить административную ответственность за нарушение порядка проведения следственных действий, в частности, неразъяснение прав участникам и присутствующим при проведении следственного действия, их проведение в необходимых случаях без присутствия понятых, допрос свидетелей, потерпевших, не достигших 14-летнего возраста, без участия педагога, нарушение порядка предъявления для опознания, отсутствие мотивированного постановления суда или санкции прокурора на проведение обыска, проведение следственных действий в случаях, предусмотренных законом, без участия переводчика, невручение заинтересованным лицам копии протоколов выемки, обыска, наложения ареста на имущество или постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Следует принять ведомственные нормативные акты, предусматривающие дисциплинарную ответственность за совершение несущественных правонарушений, не повлиявших на принятие процессуальных решений и получения недостоверных доказательств (отсутствие в протоколе следственного действия подписей присутствующих или его участников; отсутствие сведений о времени и месте проведения действия; неполнота разъяснения прав участникам следственных действий; неуказание в постановлениях о признании в качестве вещественного доказательства наименования предмета, документа; отсутствие ссылки в протоколах или постановлениях на

соответствующие статьи законодательства).

Возмещение имущественного вреда и компенсация морального вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда государством должно быть предусмотрено на законодательном уровне независимо от наличия реабилитационных решений по делу. Однако в ДНР такой закон еще не принят, а соответствующий Закон Украины не утвержден Советом Министров ДНР в порядке, предусмотренном постановлением от 2 июня 2014 г. № 9-1. Таким образом, материальная компенсация вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в ДНР в настоящее время невозможна. Считаем, что этот вопрос должен быть разрешен законодателем в срочном порядке.

Кроме того, целесообразно закрепить в УПК ДНР сроки исполнения следователями и органами дознания указаний прокурора, а также предусмотреть перечень уголовно-процессуальных правонарушений, при совершении которых лицо, производящее дознание, или следователь устраняются прокурором от дальнейшего ведения предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скакун О.Ф. Теорія держави і права (енциклопедичний курс). Харьков: Еспада, 2006. 776 с.
2. О применении законов на территории ДНР в переходный период: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 2 июня 2014 года № 9-1 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014go-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/.
3. О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении законов на территории ДНР в переходный период» № 9-1 от 02.06.2014 года: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10 января 2015 года № 1-1 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN1_1_10012015.pdf.
4. О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период»: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 июля 2015 года № 13-13 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN13_13_22072015.pdf.
5. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментарі: у 2 т. Т. 1 / за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, А.В. Портнова. Харьков: Право, 2012. 768 с.
6. Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28 грудня 1960 року (за станом на 29 червня 2001 року) // Кримінально-процесуальний кодекс України. URL: zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/ed20010629/print1477438105471933.
7. Уголовно-процесуальний кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/popular/upkrf/.
8. Чабанюк В.Д. Классификация уголовно-процессуальных правонарушений // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Киев: Университет экономики и права «Крок», 2006. Кн. 1. С. 196-200.

**THE CRIMINAL-PROCEDURAL OFFENCES IN PRE-TRIAL INVESTIGATION REGULATORY
DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

© 2016

A.N. Titov, candidate of legal sciences, associate professor, lawyer
The Bar, Donetsk (Donetsk People's Republic)

Keywords: offence; criminal-procedure offence; responsibility.

Abstract: The article related to criminal-procedural offences is examined in the thesis. The author defines general theoretical concept of "offense", "offense criminal procedure". It was found that procedural criminal offense can be complex, if its commission sanctioned another industry sector. Typical criminal-procedural offences were examined which were accomplished on the stages of criminal case excitation and pre-trial investigation.

Р.Л. Хачатуров, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
«История государства и права»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: ответственность; обычай; нравственность; религия; табу; кровная месть; обычное право; право.

Аннотация: Рассматриваются условия происхождения нравственной ответственности и юридической ответственности как виды социальной ответственности в процессе возникновения и развития человеческого общества. Дается характеристика табу и обычаев родового строя, трансформация обычаев в обычное право. В связи с возникновением религиозной ответственности приводится текст «Книги мертвых», предусматривающей загробный суд, который устанавливал виновность и меры наказания умершего. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычаев родового строя.

Образно говоря, «право начинается с ответственности». Когда возникла ответственность как социальное явление? Большинство ученых на этот вопрос давали следующий ответ: ответственность как социальное явление и средство общественного регулирования появилась вместе с зарождением человеческого общества. В доклассовом обществе постепенно складывались обычаи и нормы морали, регулирующие первобытнообщинные отношения. Генезис ответственности исследовался в основном в период разложения родового строя и формирования классового общества. На этом рубеже истории человечество уже имело механизм регулирования общественных отношений, развивался институт ответственности нравственной.

Истоки нравственности связаны с формированием человека как разумного социального существа, поэтому для выяснения вопроса об условиях и обстоятельствах происхождения нравственности историки обратились к древнейшему прошлому человеческого рода.

Человеческий род существует на нашей планете около двух миллионов лет. Этнография, археология, палеоантропология по крупицам собрали и обобщили источники о том, как возникали нравственные отношения и ответственность как социальное явление. Эти отношения складывались очень медленно, являлись результатом длительного процесса.

Историки приводят убедительные доказательства, что труд по изготовлению орудий особым образом организовывал психику древнейших гоминоид, развивая в головном мозге те структурные подразделения, которые контролируют внимание, сдержанность, самодисциплину – то есть те качества, которые необходимы для подавления агрессивности и выработки социального поведения индивида [1, с. 35]. Нам кажется, что эти же качества необходимы и для возникновения ответственности.

Значительный интерес представляют данные Я.Я. Рогинского [2, с. 185] относительно психологии древнейших гоминоид, связанных с поведением индивида в стаде. По мнению автора, взаимопомощь была развита в неандертальских коллективах (современная территория ФРГ, более 200 тысяч лет назад). Взаимопомощь исключала из жизни неандертальцев уничтожение одних индивидов другими, ибо коллектив изгонял или убивал тех особей, чьи эгоистические устремления были вредны для стада. Постепенно в этом коллективе накапливались такие свойства, которые были необходимы для укрепления социальной жизни.

На уровне первобытного человеческого стада внутри стада постепенно начали складываться такие динамические стереотипы поведения, которые можно рассматривать как эмбрионы последующих нравственных отношений. К числу первичных стереотипов поведения у неандертальцев относятся: добросовестный труд, подчинение старшим, охрану детей, дружбу и взаимную привязанность индивидов стада [1, с. 68].

Известно, что первобытнородовой строй складывался по материнской линии. Матриархат охватывает исто-

рический период продолжительностью около 40 тыс. лет; его начало восходит к древнему каменному веку. В матриархальном обществе было уважительное отношение к женщине, убийство матери или покушение на материнское достоинство считалось тягчайшим проступком, не подлежащим прощению [3, с. 44].

При материнском родовом строе сформировалась нравственная ответственность соблюдения экзогамии, то есть строгой обязанности не вступать в брак внутри рода. Виновных мужчин публично подвергали жестоким мучениям и вешали, а виновных женщин живыми сжигали на кострах. Если нарушенное родство было менее близким (например, сожительством с двоюродной сестрой), наказание ограничивалось изгнанием из рода [4, с. 60–61]. Изгнание виновного из рода в большинстве случаев заканчивалось тоже смертью.

При родовом строе была создана хорошо продуманная система воспитания (ответственности в том числе) подрастающего поколения. Суть этой системы состояла в том, что по достижении определенного возраста мальчик должен был пройти учебные занятия и испытания на выносливость и волю, постигнуть и воспринять традиции рода и племени. Особое внимание уделялось воспитанию дисциплины, безупречному повиновению старшим, соблюдению обычаев и нравственных правил. У разных народов воспитание продолжалось от нескольких месяцев до полутора-двух лет [1, с. 68].

Жизнь первобытного общества была регламентирована положительными предписаниями и запретами, система которых в исторической литературе получила название «табу».

В.Ф. Зыбковец свел многочисленные табу в следующие 10 групп:

1. Защита трудовой деятельности.
2. Защита огня и жилища.
3. Сбережение орудий труда и оружия.
4. Защита слабых – женщин, детей и стариков.
5. Охрана вождей и жрецов.
6. Защита от опасностей.
7. Защита от опасностей, связанных с употреблением некоторых видов пищи.
8. Ограничения относительно отдельных видов пищи.
9. Запреты и ограничения, связанные с браком, половым актом, родами и т. п.
10. Защита общественной и личной собственности.

Для характеристики того, насколько табу связывало волю и сознание человека первобытной формации, этнографы приводят многочисленные факты.

Вождь одного из племен Новой Зеландии бросил в пути остатки своего обеда. Проходивший юноша съел их. Едва он кончил трапезу, ему сказали, что он съел запрещенный обед вождя. Услышав это сообщение, юноша упал на землю, у него начались мучительные судороги, и вскоре он умер. Зажигалка вождя маори погубила несколько его соплеменников. Вождь потерял ее, соплеменники нашли ее и пользовались ею. Узнав, кому принадлежит эта зажигалка, они скончались от страха [5].

По мере разложения первобытнообщинного строя, пишет С.С. Алексеев, стали формироваться «специфические способы регулирования, которые явились промежуточными образованиями между нормами первобытнообщинного строя и правом. Одним из таких промежуточных образований явилась «система табу», а затем общинное право (соответствующее во многих случаях особой стадии в процессе возникновения государства – военной демократии)» [6, с. 18–19].

На соответствующих этапах развития тотем был всеобщим принципом родовой организации у всех народов без исключения. В отличие от поздних социально-правовых запретов, подчеркивает Ю.М. Бородай, опирающихся на принуждающую силу государства, табу первобытных людей – это прежде всего самоограничение, действующее изнутри [7, с. 199]. Страх перед непонятными силами и стихийная привычка, пишет Е.М. Пеньков, – вот, что обеспечивало безотказное действие обычаев и табу. «Табу, по существу, выступало единственным элементом механизма регулирования действия людей» [8, с. 14].

Представляет значительный интерес табу на кровосмешение – запрещение сексуальных отношений между некоторыми категориями родственников, обычно близких по крови. Некоторые формы обнаруживаются во всех известных обществах, хотя связи, подпадающие под табу, видоизменяются. Чаще всего это связи между детьми и родителями, братьями и сестрами. В одних обществах активно поощряются сексуальные отношения между кузенами, а в других они считаются кровосмешением.

Для универсальности некоторой формы табу выдвигались различные объяснения. Одно из них – ныне известные генетические последствия. Запреты существовали для того, чтобы люди заключали браки за пределами своей социальной группы и тем самым формировали союзы с другими социальными группами.

Ввиду разнообразия способов, которыми выражается табу, акцент на универсальности, а следовательно, на универсальных объяснениях, вероятно, не уместен. Более плодотворная линия исследования – ответ на вопрос: почему определенные общества обозначают как кровосмесительные именно одни, а не другие связи [9, с. 314–315].

Правила поведения, сформированные и закрепленные в табу, осознавались первобытным человеком как непреложные правила, нарушение которых влечет за собой тяжчайшие последствия.

В период матриархата индивид в процессе нравственного воспитания получал двойную нравственную ориентацию, и соответственно у него формировалась такая же (двойная) позитивная ответственность. Послушание, скромность, ответственность были обязательными нормами поведения индивида только среди сородичей и соплеменников, за пределами же рода и племени, в отношениях с чужими, действовали совершенно иные принципы и нормы: подозрительность, злобность, мстительность.

Из сказанного следует, что индивид родового общества воспитывался одновременно в полярно противоположных нравственных принципах, следовательно его нравственность и ответственность в содержательном отношении не имеют однозначной оценки.

Большой интерес для исследования истории становления социальной ответственности имеет древнейший обычай кровной мести, возникший для регулирования межродовых и межплеменных отношений.

Кровная месть существовала у всех народов мира. Всечеловеческий характер кровной мести объясняется не только системой воспитания родового общества, но и необходимостью – другого способа защитить жизнь и свободу не существовало. Обязанность мести – это высокий нравственный, а с появлением религии, и религиозный долг, забвение которого порождает изгнание из рода и, наоборот, месть влечет за собой общий почет.

Для защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать

на это. Тот, кто причинял зло представителю данного рода и племени, причинял зло всему роду и племени.

У ирокезов, если члена рода убивал кто-нибудь из чужого рода, весь род убитого был обязан ответить кровной местью. Сначала делалась попытка к примирению: совет рода убийцы собирался и делал совету рода убитого предложение покончить дело миром, предлагая значительные подарки. Если предложение принималось, то дело считалось улаженным, в противном случае назначался один или несколько мстителей, которые обязаны были выследить и умертвить убийцу. Если это выполнялось, род убитого не имел права жаловаться – дело признавалось поконченным.

У арабов месть считалась доблестью, мстителей восхваляли в песнях, а отказ от мести считался позором.

У древних германцев месть была обязанностью наследников убитого: они не могли получить наследство, пока не отомстят за убийство родственника.

Кровная месть существовала у евреев: ближайший родственник убитого, который обязан был мстить, считался опозоренным до тех пор, пока ему не удавалось отомстить.

У исландцев убийство оскорбителя считалось необходимым для поддержания достоинства рода, но вражда должна была вестись открыто и иметь известные пределы.

Обычай кровной мести имел широкое распространение у народов Кавказа и Закавказья.

Еще сто лет назад на протилии крови была построена сложная система нравственных и юридических отношений Дагестана. Пролита родная кровь – и все, в чьих жилах течет хоть капля той же крови, призываются обычаем к кровной мести, чтобы успокоить неотомщенную память убитого родственника.

Однако не всякое убийство вызывало кровную месть. Разбойник, нападающий из засады ради грабежа, оскорбитель женской чести, застигнутый в объятиях жены, сестры, дочери или матери, убиваются горцем без ответа, без права возмездия со стороны убитого. По обычаю, убийца «выходит в канлы», то есть удаляется в искупительное изгнание из своего селения. Чтобы не отвечать за убийцу, его родственники немедленно должны внести установленную пеню родным убитого.

Через несколько лет «канлы» могут просить о примирении. Если все родственники убитого, мужчины и женщины, согласятся простить убийцу, то устраивался пир с подарками.

После каждого убийства между родственниками убитого и родственниками совершившего убийство возникало право мести, которое нередко переходило от одного поколения к другому.

В селении Гадар кровная месть между двумя родами, начавшаяся из-за убийства в ссоре за курицу, длилась более 200 лет [10, с. 78].

После нескольких тысячелетий существования кровная месть постепенно стала ограничиваться, смягчаться и заменяться выкупом.

Трансформация обычаев в правовые обычаи. Юридическая ответственность в обычном праве. В период возникновения родового общества социальный механизм регулирования общественных отношений был чрезвычайно прост: действия отдельных людей и их общностей регулировались привычками. Механизм регулирования усложнился, когда вместе с развитием производства человек превратился в сознательного субъекта общественных отношений и приобрел способность оценивать свои поступки. Единственным регулятором общественных отношений был обычай, соблюдение которого обеспечивало внутри рода необходимый порядок, а в случае его нарушения применялись меры общественной ответственности.

Возникновение обычая является длительным и сложным процессом, так как обычаи складываются на осно-

ве многократного повторения фактических отношений. Возникнув, обычаи живут долго и имеют консервативный характер, они сохраняются в качестве доставшихся «по наследству» регуляторов общественных отношений и общественной ответственности.

Правовой обычай исторически был первым источником права. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычного права. Международное право формировалось также на основе межплеменных обычаев, к числу таких обычаев относятся неприкосновенность представителей другой стороны, верность данному слову и ряд других правил поведения.

В родовом обществе у всех народов обычаи и нравственность находились в тесной связи, а с возникновением и развитием религии сложились воззрения, что обычаи являются заветами богов, поэтому нарушение обычая – проступок против бога. В связи с возникновением религиозной ответственности представляет значительный интерес т. н. «Книга мертвых», которая представляет собой своего рода руководство для умершего, который после смерти попадает в загробный суд. Загробный суд вершит коллегия из 42 богов, каждый из которых заведует определенным грехом. Умерший предстает перед ней с речью, которая содержит перечень воздержаний, свидетельствующих о его добродетельном и послушном поведении. Считалось, что на суде на одной чаше весов взвешивается сердце умершего (вместилище результатов земных деяний), а на другую чашу помещается легчайшее перо богини порядка и справедливости Маат (перо Истины). Солгавшего ожидает немедленное наказание в присутствии 42 богов – его сердце съедает чудовище Амт (Пожирательница), тем самым лишая покойного возрождения на том свете, в стране блаженства, очень похожей на Египет.

Глава 12

Загробный суд Осириса

(Введение)

Привет тебе, великий бог, Владыка Двух Истин! (...)

Я знаю тебя, я знаю имена сорока двух богов, пребывающих здесь, на великом Дворе Двух Истин, – они поджидают злодеев и пьют их кровь в день, как предстанут злодеи на суд Уннефера. Вот, я знаю вас, Владыки справедливости! К вам прихожу со справедливостью, ради вас отринул несправедливость.

(Первая оправдательная речь умершего)

1. Я не чинил зла людям.
2. Я не нанес ущерб скоту.
3. Я не совершил греха в месте Итины.
4. Я не творил дурного.
5. Имя мое не коснулось слуха кормчего священной лады.
6. Я не кощунствовал.
7. Я не поднимал руку на слабого.
8. Я не делал мерзкого пред богами.
9. Я не угнетал раба пред лицом его господина.
10. Я не был причиной недуга.
11. Я не был причиной слез.
12. Я не убивал.
13. Я не приказывал убивать.
14. Я никому не причинял страданий.
15. Я не истощал припасы в храмах.
16. Я не портил хлебы богов.
17. Я не присваивал хлебы умерших.
18. Я не совершал прелюбодеяния.
19. Я не сквернословил.
20. Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.
21. Я не давил на гиру.
22. Я не плутовал с отвесом.
23. Я не отнимал молока от уст детей.
24. Я не сгонял овец и коз с пастбища их.
25. Я не ловил в силки птицу богов.
26. Я не ловил рыбу богов в прудах ее.

27. Я не останавливал воду в пору ее.
28. Я не преграждал путь бегущей воде.
29. Я не гасил жертвенного огня в час его.
30. Я не пропускал дней мясных жертвоприношений.
31. Я не распугивал стада в именах бога.
32. Я не чинил препятствий богу в его выходе. (...)
(Вторая оправдательная речь умершего)
1. О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла!
2. О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не крал!
3. О Денджи, являющийся в Гермополе, я не завидовал!
4. О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил!
5. О Нехехау, являющийся в Ра-Сетау, я не убивал!
6. О Рути, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!
7. О Ирти-ем-дес, являющийся в Летополе, я не лицемерил!
8. О Неби, являющийся задом, я не святотатствовал!
9. О сед-кесу, являющийся в Гераклеополе! Я не лгал!
10. О Уди-Несер, являющийся в Мемфисе, я не крал съестного!
11. О Керти, являющийся на Западе, я не ворчал попусту!
12. О Хеджи-ибеху, являющийся в Фаюме, я ничего не нарушил!
13. О Унем-сенф, являющийся у жертвенного алтаря, я не резал коров и быков, принадлежащих богам!
14. О Унем-бесеку, являющийся в подворье 30-ти, я не захватывал хлеб в колосьях!
15. О Владыка Истины, являющийся в Маати, я не отбирал печеный хлеб!
16. О Тенми, являющийся в Бубасте, я не подслушивал!
17. О Аади, являющийся в Гелиополе! Я не пустословил!
18. О Джуджу, являющийся в Анеджи! Я не ссорился из-за имущества!
19. О Уамти, являющийся в месте суда, я не совершал прелюбодеяния!
20. О Манитеф, являющийся в храме Мина, я не совершал непристойного!
21. О Херпуру, являющийся в Имад, я не угрожал!
22. О Шед-Херу, являющийся в Урит, я не гневался!
23. О Пехен, являющийся в Хеха-Джи, я не был глух к правой речи!
24. О Сер-Херу, являющийся в Унси, я не был несносен!
25. О Басти, являющийся в Шетит, я не подавал знаков в суде!
26. О Херефхаеф, являющийся в Тепхет-Джат, я не мужеложествовал!
27. О Кенемтче, являющийся во мраке, я не оскорблял другого!
28. О Инхетенеф, являющийся в Саисе, я не был груб с другим!
29. О Неб-Херу, являющийся в Неджефет, я не был тороплив в сердце моем!
30. О Неб-Аци, являющийся в Сиуте, я не был болтлив!
31. О Нефертум, являющийся в Мемфисе, нет на мне пятна, я не делал худого!
32. О Тем-Сен, являющийся в Бусирксе, я не оскорблял царя!
33. О Хеи, являющийся в Куне, я не шумел!
34. О Уджи-рехит, являющийся в подворье, я не кощунствовал!
35. О Нехеб-Неферт, являющийся в Нефер, я не надменничал!
36. О Инаеф, являющийся в Югерт, я не оклеветал бога в городе своем [11, с. 27–29].

В процессе разложения первобытного общества и возникновения классового общества формировались предпосылки становления новой формы социальной ответственности – юридической ответственности.

Институт юридической ответственности возник в период становления государства и права.

Предпосылки юридической ответственности формировались в системе социального регулирования и социальной ответственности доклассового строя, а возникновение ее было подготовлено развитием социальной ответственности.

История государства и права всех народов свидетельствует о том, что важнейший источник (точнее – способ) формирования права – это санкционирование первобытных обычаев. Не случайно нормы обычного права обозначаются в римском праве термином *mores maiorum* – обычаи предков.

Учение о происхождении обычного права имеет свою историю. Римские юристы объясняли сущность и происхождение устного обычного права и писаного законодательства одинаково. В республиканский период нормативность писаного закона признавалась соглашением народа, выраженным в голосовании. Нормативность обычного права признавалась тоже соглашением народа, но выраженным без голосования, молчаливо. Эти концепции происхождения обычного права без существенных изменений и отклонений сохранились вплоть до начала XIX в., когда историческая школа юристов пересмотрела этот вопрос. Один из основателей этой школы, Пухта, отмечал, что источником обычного права является народное правосознание, которое считалось проявлением народного духа, а в народном духе якобы мистически заложены идеи права. Представление о народном духе как о мистическом носителе идеи права вскоре было оспорено. В XIX в. были распространены две точки зрения по вопросу о происхождении обычного права. Одна из них называлась теорией стихийного образования обычая, вторая – теорией первоначального индивидуального творчества. По первой теории, лежавшее в основе обычного права однообразное, массовое поведение людей складывается стихийно и инстинктивно. Представители другой точки зрения отмечали, что однообразное поведение складывается не стихийно, а путем первоначальной деятельности отдельных, более сильных индивидов, которым затем подражала остальная масса.

Примитивный характер производства материальных благ обуславливал простоту связей между людьми, между человеком и обществом и четкий механизм нормативного регулирования. Единственным регулятором общественных отношений был обычай, и его соблюдение обеспечивало внутри рода необходимый порядок. Характерная особенность обычаев состояла в том, что они создавались непосредственно обществом, соблюдались добровольно, выражали и защищали интересы всех членов рода. В случае нарушения обычаев «все вопросы решают сами заинтересованные лица и в большинстве случаев вековой обычай все уже урегулировал» [12, с. 98]. Поэтому первобытный строй не мог еще обрести государственных признаков, а обычай – юридических.

Возникнув, обычаи проходят длительный процесс развития. По мере прогресса человеческого общества усложняются общественные связи, отношения между индивидами, между человеком и обществом. Все это приводит к появлению новых обычаев, которые шире по объему и глубже по содержанию регулируют общественную жизнь.

Формирование обычая является длительным и сложным процессом. Обычаи складываются на основе многократного применения и повторения фактических отношений.

Возникнув, обычай живет долго, порой целые исторические эпохи, и имеет консервативный характер.

Новый общественный строй переносит из прошлого многое, использует и опирается на ранее достигнутые результаты. Важная роль в этой объективной закономерности принадлежит обычаям. Благодаря обычаям, общество получает от предыдущих поколений не только материальные ценности, но и воспринимает их культуру, быт

и другие духовные богатства.

Исторический правовой обычай был первым источником права, регулировавшим общественные отношения в «родившемся» из первобытно-общинного строя государстве. Первые законодательные акты, принятые государством на ранней стадии его развития, представляли собой свод обычаев, действовавших еще в родовом строе.

Марксизм объясняет трансформацию обычая в закон в неразрывной связи с экономическим развитием общества. Подчеркивая это очень важное положение, К. Маркс говорил: «...господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения» [12, с. 356]. «При патриархальном строе, при кастовом строе, при феодальном и цеховом строе разделение труда в обществе совершалось по определенным правилам. Были ли эти правила установлены неким законодателем? Нет. Вызванные к жизни первоначально условиями материального производства, они были возведены в законы лишь гораздо позднее» [12, с. 153].

Родовой строй не знал, что такое право и обязанность в юридическом смысле слова. Ф. Энгельс, характеризуя первобытно-общинный строй древних индейцев, писал: «Для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, является ли еда, сон, охота – правом или обязанностью?» [12, с. 159].

Правила поведения, сформированные и закрепленные в обычаях, осознавались первобытным человеком как непреложные правила, нарушение которых влечет за собой тягчайшие последствия. Большинство социальных норм доклассового строя рассматриваются одновременно как обычаи и как нормы морали, нравственности и как веления первобытной религии. Разделение на чисто нравственные или религиозные нормы и на обычные нормы здесь невозможно.

С возникновением классов и государства часть обычаев была трансформирована в право. Обычное право, так же как и государство, в своем развитии постепенно обнаруживает классовый характер – оно выражает волю господствующего класса. Возникшее в классовом обществе обычное право стало глубоко отличным от обычаев первобытного строя. Вместе с тем в обычном праве долгое время сохраняются пережитки первобытно-общинного строя. Так, например, государство придает силу закона многим обычаям, существовавшим в родовом обществе, – обычай кровной мести, талион и т. д.

Разделение социальных норм на обычные, нравственные и религиозные при исследовании обычая затруднительно. Например, кровная месть есть право каждого, вместе с тем и его обязанность. Кровная месть существовала у всех народов мира с самых древнейших времен.

Какими причинами было вызвано отмирание мести? Месть господствовала в период первобытно-общинного строя. Вместе с расслоением первобытного общества и ослаблением кровных связей ослабевала и месть. Месть была религиозным долгом, следовательно, она могла существовать до тех пор, пока была в соответствии с религиозными воззрениями и должна была отмереть тогда, когда религия осуждала и запрещала ее. Такой религией была христианская, утвердившаяся в Древней Руси в конце X в. Заключение брака до принятия христианства являлось частным и светским делом, а христианство превратило этот акт в таинство. Воровство в племенных обществах считалось вопросом, подлежащим разрешению между обидчиком и обиженным. Между тем ветхозаветная религия возвела «не укради» на пьедестал божественной заповеди. Церковь учила не проливать кровь, с появлением государства законом запрещался обычай кровной мести, но фактическое уничтожение кровной мести в феодальном обществе оставалось утопией.

В своем зарождении институт мести не имел никакого отношения к государству и праву. В его основе лежали общественные отношения первобытного строя. Возникновение и развитие кровной мести в истории человечества характеризуется как социальное, а не биологическое явление.

После нескольких тысячелетий существования кровная месть постепенно стала ограничиваться. По мере развития производительных сил и обмена у всех народов месть постепенно заменяется выкупом. Лишение жизни, нанесение телесных повреждений, уничтожение имущества и различные межплеменные конфликты стали рассматриваться как причинение материального ущерба. Это вызвало появление композиций.

Кровная месть оставалась обычаем до тех пор, пока не потребовалось ее ограничить и отменить правом. Но это стало возможным не ранее, чем вещи приобретали характер имущества, что позволило использовать их в качестве эквивалента нанесенного вреда и меры искупления. Факты свидетельствуют о том, что оскорбление, ранение, лишение жизни человека, известные задолго до появления государства и права, оставались делом пострадавших, частной расправы в течение определенного времени и после того, как возникли государство и право.

Отмечая обязанность членов рода оказывать друг другу помощь и защиту, Ф. Энгельс писал, что писаная история «показывает нам одни лишь обломки этого обычая; римское государство сразу выступило на сцену как такая могущественная сила, что право защиты от нанесения зла перешло к нему [12, с. 122].

В период возникновения государства процесс становления ответственности, которая с XVIII–XIX вв. именуется уголовной, носил противоречивый характер. Так, в Древнем Египте существовала каста воров. Все горожане должны были регистрироваться в особых списках, где указывались источники их существования; это касалось и воров. Был и старшина касты, у которого каждый вор должен был встать на учет и сдавать ему все наворованное.

Пострадавший подавал старшине список украденных у него вещей с указанием дня и часа их похищения. Таким образом, похищенные вещи легко можно было найти, и старшина касты воров возвращал их пострадавшему после уплаты им одной четверти их стоимости, что составляло доход вора [13, с. 426–427].

В те древние времена по современной терминологии уголовное право и уголовная ответственность в определенном смысле брали на себя роль права вообще, стимулировали процесс укрепления государства.

В литературе дискуссионным остается вопрос о времени возникновения, генезисе и исторических формах государства и права. Большинство марксистских исследователей придерживается мнения, что данные феномены существуют с момента образования классов. Что касается представителей зарубежной политико-правовой доктрины, то многие из них признают существование политических организаций и правовых систем уже в доклассовом обществе. Существование права со времен неолитической революции до становления классовой организации обосновывают и правоведы [14, с. 65–66, 72].

Известно, что в первобытном обществе совершались общественно опасные действия – насилие, воровство и др. Не потому ли понятие кражи определялось в законах раньше, чем понятие собственности, а отношения, возникающие при займе, фиксировались на тот случай, если взятый не хочет отдать.

На наш взгляд, отдельные признаки юридической ответственности, как и признаки государства и права вообще, формировались не одновременно, а в течение длительного периода существования доклассового общества.

Как известно, переход от материнского рода к отцовскому происходил в новом каменном веке (неолите). В Европе и Азии памятники неолита имеют возраст

в 5–7 тысячелетий, в странах Ближнего Востока период неолита более древний, но по масштабам истории человечества это не столь далекий период.

Когда избыток сельскохозяйственной продукции позволил нанять и эксплуатировать работников, началось господство мужчин над женщинами, произошел переход к патриархальному родовому строю, который совершил переворот в нравственных отношениях, воззрениях и нормах.

Как отмечает известный американский психолог Э. Фромм, победа в человеческом роде мужского пола над женским была обусловлена экономической властью мужчин и созданной ими военной машиной [15, с. 198].

В обществе, вследствие возникающей частной собственности на домашних животных и землю, все более проявляется имущественное неравенство: с одной стороны, возникают богатые патриархальные семьи, родо-знать, с другой – увеличивается число бедных. Общество еще не создало государство, но знать принимает меры для его создания, и вместе с этим наступает предистория права и юридической ответственности. В этой связи представляет интерес авеста – свод священных, обычных и юридических норм древних ариев.

Становление юридической ответственности у Ариев. Об ариях вновь заговорили не так давно в связи с открытием города-храма и обсерватории, оставленных ариями примерно 5 тыс. лет назад. Место этих сооружений обнаружили в июне 1987 г. при слиянии речек Карабанки и Утяганки в урало-казахском регионе. Название древнего города Аркаим связывается с именем первого правителя ариев. Всего насчитывают свыше дюжины ветвей арийского древа, а местом проживания древних ариев считают, помимо Ирана, также Персидскую державу, Индию и Китай.

До нас дошли две редакции Авесты. В первой она предстает сборником молитв на так называемом сакральном авестийском языке и алфавите. Эти молитвы и сегодня читаются зороастрийскими (парсийскими) священниками при богослужении.

Вторая редакция предназначена не для чтения, а для систематического изучения.

Время создания Авесты относится к периоду перехода древнеиранских племен к оседлому образу жизни, а также обособления иранских племен от индийских, скифо-сарматских и других индоевропейских народов. Еще до раздела индийских и иранских ариев сложился культ Митры (божества договора), сложилось понятие истинного порядка (авест. – аша, древнеперс. – арта, древнеинд. – рта). В Авестийском писании нашли выражение идеи необходимости обеспечивать мирные условия существования оседлого скотоводства и земледелия под началом сильной власти и путем решительной борьбы с соседями-кочевниками, а также проповедь единобожия, необходимости и святости постоянной борьбы с врагами, борьбы добра со злом, правды с ложью.

Общинный земледельческий быт породил расслоение на владельцев движимого и недвижимого имущества, имущественный обмен дал жизнь договорным формам – устным, ритуальным (с рукопожатием) и др. За неисполнение договора полагалось телесное наказание ударами шипом (за обман в устном соглашении в два раза меньше, чем в договоре с рукопожатием). Обязательства подкреплялись клятвой, договоренность почиталась высоко – она обязывала к верности, которая одинаково признавалась не только для праведника, подчиняющегося религиозному закону, но и для злодея.

Древние иранцы считали, что существует закон природы, согласно которому солнце движется равномерно, равномерно происходит смена времен года и тем самым обеспечивается порядок в окружающем мире. Этот закон известен индоариям как рта (в авестийском языке ему соответствует слово аша). Считалось, что аша руководит поведением человека; таким образом, аша воспри-

нимался в двойном значении – как порядок в вещественном мире и как справедливость, истина и праведность в добродетельном поведении людей. Добродетель считалась принадлежностью естественного порядка вещей, а порок, зло и ложь – нарушением такого порядка.

Различались торжественная клятва, по которой человек обязывался делать или не делать что-либо, совершить поступок и т. д., а также соглашение или договор, по которому две стороны договаривались о чем-либо. В обоих этих случаях считалось, что в произнесенной клятве-обещании таится сила. «Эта сила считалась божеством, которое будет содействовать и поддерживать человека, верного своему слову, но оно не поразит жестоко лжеца, нарушившего слово».

Среди преступников различали виновников в приобщении верующего к другой вере, в причинении вреда побоями, в мужеложстве, в действиях против собаки, охраняющей стада и дом. Особо почтительное отношение проявлялось к огню, воде и земле; полагалось оберегать их чистоту больше, чем чистоту собственного тела. В брак вступали по договору с 15 лет, возможен был также «брак внутри родни». Преждевременное прерывание беременности воспрещалось – наказывали мать и отца ребенка и бабу, сделавшую аборт. Преследовались также и иные преступления против нравственности, сокращавшие рождаемость детей (мужеложство, проституция), и, напротив, проявлялась терпимость к кровосмесительным бракам с матерью, сестрой или дочерью.

Сурово преследовался отказ – по скупости или жадности – в справедливой просьбе. Скупого человека считали «вором испрашиваемой вещи». Судебное разбирательство было прерогативой общины, особую роль выполняли при этом учителя закона (жрецы), судьи закона. Процедура разбирательства начиналась с произнесения формулы, которой признавалась существующая в законе обязывающая и справедливая сила предписаний.

Разбирательство сопровождалось чтением молитв, произносимых в определенном виде в следующих случаях: по делам лиц, подлежащих прощению; по делам подлежащих смертной казни; молитвенная формула при очищении оскверненного.

Имеются мнения о том, что почитаемая российскими духоборами в качестве святого писания «Животная книга» описывает центр мироздания в полном соответствии с древнейшей арийской традицией, зафиксированной в древнеиндийских Ведах и в Авесте.

После открытия в 1987 г. на Урале древнего поселения Аркаим последовали открытия похожих городов-обсерваторий в Прибалтике, на Севере, в Печорах, в Сибири, на Востоке, в Крыму и на Кавказе. Это дало основание предположить, что арийская цивилизация, восходящая к 3-му тысячелетию до н.э., была матерью 15 народов, разошедшихся по всей индоевропейской (евразийской и афроевразийской) территории, охватившей своей культурной активностью все северное полушарие [16, с. 125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М.: Политиздат, 1974. 132 с.
2. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1969. 264 с.
3. Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л.: Из-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 198 с.
4. Золотарев А.М. Родовой строй в первобытной мифологии. М.: Наука, 1964. 328 с.
5. Фрейд З. Тотем и табу. М.: ГИЗ, 1923. 315 с.
6. Алексеев С.С. Проблемы теории права. В 2 т. Т. 1. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1972. 396 с.
7. Бородай Ю.М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины // Принцип историзма в познании социальных явлений. М.: Наука, 1972. С. 43–53.
8. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. М.: Мысль, 1972. 198 с.
9. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече, 1999. 543 с.
10. Живописная Россия. Кавказ. Т. 9. М.: Т-во М.О. Вольф, 1888. 232 с.
11. Антология мировой правой мысли. Т. 1. / под ред. Л.А. Морозова. М.: Мысль, 1999. 829 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXI. М.: Политиздат, 782 с.
13. Эберс Г. Уарда. М.: Правда, 1981. 432 с.
14. Черных Е.Н., Венгеров А.Б. Нормативная система в структуре древних общин // Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное. М.: Мысль, 1984. С. 65–67.
15. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 238 с.
16. Гальперин С.Д. Очерки истории первобытного права. СПб.: Н.К. Мартынов, 1893. 304 с.

THE ORIGINS OF LEGAL LIABILITY

© 2016

R.L. Khachaturov, doctor of law, Professor, Professor of the Department “History of state and law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: responsibility; traditions; morality; religion; taboo; blood feud; customary law; law.

Abstract: Considers the conditions of the origin of moral responsibility and legal responsibility types of social responsibility in the process of emergence and development of human society. The characteristic of the taboos and customs of the tribal system, the transformation of customs in the common law. In connection with the emergence of religious responsibility is the text of the book of the dead, providing for the afterlife court, which established guilt and punishment of the deceased. The first legislative acts adopted by the government at an early stage of its development, represented the customary laws of the tribal system.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

© 2016

А.М. Цалюк, кандидат юридических наук, начальник кафедры «Административное право»
Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики,
Донецк (Донецкая Народная Республика)

Ключевые слова: административная ответственность; безопасность дорожного движения; государственная автомобильная инспекция.

Аннотация: Исследуется проблема применения законодательных актов об административной ответственности в сфере нарушений безопасности дорожного движения.

Положение о формировании, построении и дальнейшем развитии правового государства в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) закреплено в Конституции ДНР [1]. Однако при практической реализации задекларированных лозунгов возникает существенный перечень объективных и субъективных причин, факторов и явлений, которые порождают проблемы при воплощении в реальность намеченных планов и отодвигают перспективы правового государства ДНР как полноправного члена мирового сообщества. Среди объективных причин можно выделить, в частности, наследство исторического пути развития государства и населения.

Следует указать, что Совет Министров ДНР принял ряд нормативных актов о применении законов на территории ДНР в переходный период, в которых обозначил приоритетное применение органами исполнительной власти ДНР Декларации о суверенитете ДНР и Конституции ДНР. До принятия соответствующих законов ДНР допускается применение нормативно-правовых актов Украины или законов других государств, в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете ДНР и ее Конституции. При этом на министерства и ведомства возлагается обязанность по подготовке проектов временного законодательства [2–4].

Очевидно, что правительство ДНР избрало путь точечного регулирования наряду с таким же избирательным использованием законодательства других государств, а также ранее действовавшего на территории ДНР законодательства в части, не противоречащей местному праву. В то же время это не препятствует использованию модельных законов при разработке своих правовых актов.

Следует указать, что ДНР еще предстоит выполнить огромный объем работы по формированию своей законодательной базы. По состоянию на сегодня в текстах правовых актов ДНР встречается множество погрешностей, недостатков юридико-технического характера, невысокое качество текстов законов вообще характерно для начальных шагов в правотворческой деятельности. Важно, чтобы при использовании не самых совершенных законов те лица, которые применяют их на практике, руководствовались не только революционным правосознанием, а также «буквой закона», при этом нарабатывая свои предложения к их усовершенствованию.

Рассмотрим одно из таких противоречий. В эксклюзивном интервью корреспонденту Государственного медиа-холдинга заместитель начальника Управления Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел (далее – УГАИ МВД) ДНР подполковник полиции Сергей Паршиков дал разъяснения по взиманию штрафа инспекторами ГАИ с нарушителей дорожного движения. В настоящее время ГАИ МВД ДНР в работе руководствуется Кодексом Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) и Правилами дорожного движения ДНР [5], соответственно, все штрафы будут определяться инспекторами ГАИ, оговоренными в данном Кодексе. Сейчас идет процесс разработки и согласования Кодекса об административных правонарушениях ДНР, который будет более детально

регламентировать отдельные направления деятельности, в том числе в сфере безопасности дорожного движения. По словам заместителя начальника Управления ГАИ МВД ДНР, сейчас не привлекаются к административной ответственности участники дорожного движения, не имеющие договора обязательного страхования гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств. То же касается и водителей с временным талоном о регистрации транспортного средства, которые не могут его продлить по независящим от них причинам. Такие меры приняты по причине выполнения своих функций межрайонные регистрационно-экзаменационные отделы УГАИ МВД ДНР не в полном объеме.

В настоящее время, это является важным потому, что УГАИ МВД ДНР совместно с Генеральной прокуратурой и Министерством финансов ДНР согласован алгоритм задержания транспортных средств, порядок изъятия водительских удостоверений и оплаты штрафов. Как указал заместитель начальника УГАИ МВД ДНР Сергей Паршиков, при составлении административного протокола в отношении водителя у него изымается водительское удостоверение и выдается временное разрешение на право управления транспортным средством. При этом водитель может с документом, удостоверяющим личность, и данным разрешением полноправно участвовать в процессе дорожного движения до принятия решения по данному административному нарушению.

Есть и отдельная категория правонарушений, за которые предусмотрено лишение права управления. В этом случае водительское удостоверение может быть изъято на то время, которое будет вынесено в результате рассмотрения правонарушения, с последующей необходимостью пересдачи экзамена по знанию Правил дорожного движения. «Эта мера вызвана тем, что исполнительная служба находится в стадии становления и в данный момент не работает, т. е. исполнить каким-либо другим способом взыскание и обеспечить неотвратимость наказания мы можем, только изъяв водительское удостоверение (автор статьи не согласен с позицией УГАИ МВД ДНР, поскольку она противоречит принципам законности, так как решение об изъятии водительского удостоверения, а тем самым и лишении гражданина на право управления транспортным средством, почти во всех случаях, и взыскание штрафов не относится к компетенции ГАИ). Данным решением права гражданина не ограничиваются, но обеспечивают полное исполнение наказания, – указал Паршиков. – Инспектор выдает временное разрешение на право участия в дорожном движении, выписывает протокол, в котором указывает сумму штрафа, при этом предоставляет нарушителю банковские реквизиты для оплаты штрафа и адреса отделений Центрального Республиканского банка. Для упрощения этой процедуры определен еще один порядок – оплату штрафа можно будет произвести непосредственно в подразделениях ГАИ, в службе административной практики, где нарушитель сразу же может получить свое водительское удостоверение. После оплаты штрафа вносится отметка в базу данных об исполнении взыскания» [6].

Таким образом, в настоящее время у водителей транспортных средств абсолютно за все административные нарушения изымаются водительские удостоверения, и, на усмотрение сотрудника ГАИ, устанавливается размер штрафа. Это положение, следует отметить, входит в противоречие со статьей 221 КУоАП, где четко прописано, что средние и тяжкие нарушения рассматривает исключительно суд. В частности это касается статей 122, 122-2, 122-4, 122-5, части 3 статьи 123, 124, части 4 статьи 127, части 2 статьи 127-1, 130. Тем самым нарушаются права человека и Конституция ДНР, а также сотрудниками правоохранительных органов реализуются полномочия судебной ветви власти, которая в настоящее время функционирует в ДНР [7–10].

Поэтому решение Управления ГАИ МВД ДНР, согласованное с Генеральной прокуратурой и Министерством финансов ДНР о порядке задержания транспортных средств, изъятия водительских удостоверений и порядок оплаты штрафов, является таким, что не соответствует Конституции ДНР. Так как изменения в КУоАП (или принятие временного переходного положения) может вноситься только Народным советом, при подписании таких изменений Главой ДНР.

Тем самым необходимо ускорить процесс разработки, обсуждения и принятия Кодекса об административных правонарушениях ДНР с учетом всех достижений мировой практики в административном законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 года // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
2. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 г. // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
3. О внесении изменений в Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики о примене-

- нии закона на территории ДНР в переходной период № 9-1 от 02.06.2015 года: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 1-1 от 10.01.2015 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
4. О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики Кодекса Украины об административных правонарушениях: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27.02.2015 г. № 2-22 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
5. Об утверждении Правил дорожного движения Донецкой Народной Республики: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.03.2015 г. № 3-12 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
6. Интервью заместителя начальника Управления ГАИ МВД ДНР подполковника полиции Сергея Паршикова Государственному медиа-холдингу // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: old.dnr-online.ru/news/predstavitel-gai-mvd-dnr-rasskazalo-vzyskanii-shtrafov-inspektorami/.
7. КоАП Украины от 17.07.2015 года // Верховна Рада Украины: официальный сайт. URL: rada.gov.ua/.
8. О создании судебной системы: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 40-1 от 22.10.2014 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
9. О судебной системе: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 40-2 от 22.10.2014 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.
10. О внесении изменений в Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.10.2014 года № 40-2 «О судебной системе»: постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 40-1 от 22.10.2014 // Донецкая народная республика: официальный сайт. URL: dnr-online.ru.

ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITIES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

© 2016

A.M. Tsalyuk, candidate of Legal Sciences, head of the Department administrative Law
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the People's Republic of Donetsk,
Donetsk (Donetsk People's Republic)

Keywords: administrative responsibilities; road safety; the State Automobile Inspectorate.

Abstract: The problem of application of legislation on administrative responsibility in the field of road traffic safety.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

© 2016

Т.В. Шутемова, старший преподаватель
кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; предварительное расследование; прокурор; следователь.

Аннотация: Исследуется проблема юридической ответственности на стадии предварительного расследования на примере выполнения своих процессуальных обязанностей прокурором как субъектом уголовного судопроизводства. Отмечается влияние нестабильности уголовно-процессуального законодательства на выполнение возложенных на прокурора обязанностей по уголовному преследованию и надзору за процессуальной деятельностью органов следствия.

Система юридической ответственности, как пишет Р.Л. Хачатуров, это совокупность и взаимодействие норм и институтов права, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок. Системное единство юридической ответственности обеспечивается предметом и методом правового регулирования и едиными принципами, а также функциями юридической ответственности [1, с. 48]. По его мнению, позитивная уголовно-процессуальная ответственность представляет собой связь общего характера (общее правоотношение) между участником процесса и государством, предполагающую право государства требовать от субъектов судопроизводства исполнения ими своих процессуальных обязанностей. Неисполнение процессуальных обязанностей влечет возникновение негативной ответственности и применение санкций. Уголовно-процессуальная деятельность определяется им как необходимость действовать в интересах правосудия, используя права и выполняя обязанности, а также обязанность нести меры правового воздействия в случае недобросовестного поведения, правонарушения [1, с. 48]. Рассмотрим положения, высказанные Р.Л. Хачатуровым, на примере выполнения прокурором как субъектом уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей на стадии предварительного расследования.

Уголовно-процессуальное законодательство ставит перед прокурором как должностным лицом задачи осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Уголовное преследование, в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ, означает процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Прокурор (прокуратура), как совершенно справедливо отмечает О.В. Воронин, является исключительным должностным лицом (государственным органом), на которое в качестве основной обязанности (задачи) возложена реализация уголовного преследования от имени государства на протяжении всего уголовного процесса. В соответствии с действующим законодательством и национальной правовой традицией прокурор представляет собой единственное должностное лицо, придающее преследовательской деятельности иных компетентных органов и должностных лиц окончательный характер уголовного преследования, как в досудебном, так и судебном производстве. В этом заключается принципиальное отличие прокурорского уголовного преследования от уголовного преследования, осуществляемого иными лицами [2, с. 26].

Изменения уголовно-процессуального законодательства 2007 г. привели к существенному изменению статуса прокурора в досудебном производстве и, по сути, как констатируют ученые и практики, отстранили прокурора от «активного участия в формировании доказательственной

базы по уголовному делу и от возможного своевременного восполнения неполноты предварительного следствия» [3, с. 252; 4, с. 83]. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов органами следствия происходит в условиях дисбаланса процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа в сторону последнего [5, с. 30].

Современный УПК РФ предоставляет прокурору следующие источники получения информации по возбужденному органами предварительного следствия уголовному делу:

1) копии постановлений следователя о возбуждении уголовного дела, о принятии следователем уголовного дела к своему производству, о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, постановлений о соединении уголовных дел, если прокурор определял подследственность, сообщение о задержании подозреваемого, о приостановлении следствия, о прекращении уголовного дела, обвинительное заключение;

2) материалы обоснования следователем ходатайств перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, залога, о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста, ходатайств о проведении следственных и иных процессуальных действий, для выполнения которых необходимо судебное разрешение (ч. 2 ст. 29, ст. 165 УПК РФ), копии постановлений суда, выносимых по ходатайствам следователя;

3) уведомление следователя с прилагаемыми материалами в случае производства следственных действий, требующих судебного разрешения, в исключительных случаях без такого разрешения, постановление судьи, принятое по результатам рассмотрения уведомления;

4) материалы заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым;

5) жалобы участников уголовного судопроизводства в порядке главы 16 УПК РФ.

Отметим, что представление копий некоторых важных постановлений и иных документов, указанных в п. 9.2.3.3 Инструкции по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации (утв. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29.11.2012 г. № 450) для помещения их в надзорное производство, действующий УПК РФ не предусматривает (например, копий постановлений о продлении срока предварительного следствия, о производстве предварительного следствия следственной группой, о соединении и выделении уголовных дел, поручения следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий). Приказом Генерального прокурора от 02.06.2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», устанавливающим перед прокурорами требование наладить действенный надзор за исполнением законов в части соблюдения сроков предварительного следствия и в необходимых случаях запрашивать соответствующие сведения,

сделана попытка компенсировать пробел уголовно-процессуального законодательства. Этим же приказом определена обязанность прокуроров оценки поступающих в прокуратуру постановлений следователя и обязанность участия в рассмотрении судом ходатайств следователя и жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

По мотивированному письменному запросу прокурору может быть предоставлена возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела (п. 2.1 ст. 37 УПК РФ).

Практика истребования прокурорами уголовных дел из следственных показывает, что запросы формально мотивированы «необходимостью проведения проверки по поступившей жалобе», «запросом вышестоящего органа прокуратуры, «истечением установленного срока расследования по уголовному делу». В запросе, кроме ссылки на ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ, содержится ссылка на п. 16 ч. 2 ст. 37 УПК РФ [6, с. 200]. В этом случае у прокурора складывается более полная картина об обстоятельствах расследуемого события, однако он не располагает достаточными полномочиями для дачи указаний следователю о ходе расследования, возможно направление информации или требования об устранении нарушений, например, по рассмотренной жалобе. Игнорирование необходимости для прокурора в ходе расследования уголовного дела видеть перспективы поддержания государственного обвинения превращает надзор в формально-бюрократический вместо конструктивно-делового.

Государство в лице законодателя, сохранив требования к деятельности прокурора в досудебном производстве по осуществлению уголовного преследования и надзора, сознательно изменило правовой статус прокурора по отношению к предварительному следствию, законодательно ограничив реальные возможности выполнения прокурором возложенных на него обязанностей. Юридическая ответственность за некачественное неисполнение прокурором своих обязанностей в исследуемой ситуации, таким образом, должна быть возложена на государство в лице законодателя.

Государством в лице законодателя создано и двусмысленное положение, когда государство в судебном заседании, например, при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, могут представлять два должностных лица со стороны обвинения (прокурор и следователь), имеющие разные мнения по рассматриваемому вопросу. Представляется верным утверждение Н.А. Колоколова о том, что позиция обвинения на всех стадиях уголовного процесса должна быть единой, а заключая обвиняемого под стражу вопреки мнению прокурора, суд неизбежно становится на сторону обвинения, что не только несвойственно природе независимого суда, но и прямо противоречит Конституции РФ (ч. 3 ст. 123), уголовно-процессуальному закону (ст. 15 УПК РФ) [4, с. 92].

В законодательных мотивах к ст. 282 Устава уголовного судопроизводства говорится: «... чтобы обвинительная власть, вверенная прокурорам, имела надлежащее значение, необходимо, чтобы ее требования пользовались

должным уважением. <...> Если предоставить следователю, по собственному его усмотрению, отказывать в исполнении требований прокурора, то нельзя не опасаться, что между этими лицами будут весьма часто возникать столкновения и трения, которые расплодят переписку, без всякой пользы для правосудия, усложнят производство и затруднят не только следователя и прокурора, но и самый суд, а главное – будут иметь неизбежным последствием несвоевременность следственных действий и утрату следов преступления» [7, с. 157–158]. В современный исторический период соотношение процессуальной самостоятельности следователя и прокурорского надзора в досудебном производстве колеблется от безграничной прокурорской власти прокурора (полномочия прокурора по УПК РФ с 01.07.2002 по 07.09.2007) до ее беспомощности и попытками выравнивания баланса (с 07.09.2007 по настоящее время).

Такое отношение отечественного государства в лице законодателя к соотношению правовых статусов компетентных должностных лиц, действующих в уголовном судопроизводстве от имени государства, существенно затрудняет реализацию юридической ответственности на стадии предварительного расследования. Право государства требовать выполнения определенных обязанностей должно быть основано на предоставлении реальной возможности выполнять такие обязанности. Отсутствие таких возможностей порождает требование к самому государству в их обеспечении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хачатуров Р.Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 47–49.
2. Воронин О.В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1. С. 24–32.
3. Бушковская Е.Н. Некоторые вопросы реализации полномочий прокурора в досудебном производстве // Проблемы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 250–252.
4. Колоколов Н.А. Следователь vs прокурор? Не противостояние – сотрудничество // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 83–92.
5. Амирбеков К.И. Баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа: концептуальный подход // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2013. № 1. С. 28–35.
6. Спиринов А.В. Какими должны быть полномочия по истребованию уголовных дел и материалов проверок? // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2015. № 1. С. 198–202.
7. Хейфиц Ю. По поводу заметки «Пререкание между судебным следователем и прокурорским надзором» // Журнал Министерства Юстиции. Год семнадцатый. 1911. № 8. С. 157–160.

THE PROBLEMS OF THE REALIZATION OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2016

T.V. Shutemova, senior lecturer, department of organization of the fight against economic crimes
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: legal responsibility; preliminary investigation; prosecutor; investigator.

Abstract: The author examines the issue of legal responsibility in the stage of preliminary investigation on the example of the prosecutor during the preliminary investigation. The author notes the impact of the instability of the criminal procedure law in the activities of the public prosecutor.

НАШИ АВТОРЫ

Александров Илья Андреевич, преподаватель кафедры «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Безверхов Артур Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета.
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Россия, г. Самара, ул. А. Павлова, 1.
Тел.: 8 846 337-99-30
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

Быков Сергей Владимирович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии управления.
Адрес: Самарская гуманитарная академия, 445045, Россия, г. Тольятти, ул. Л. Чайкиной, 87.
Тел.: (8482) 24-78-62
E-mail: bykov@tfsaga.ru

Верхова Елена Анатольевна, адвокат Палаты адвокатов Самарской области, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: lenkaok@mail.ru

Володин Михаил Сергеевич, магистрант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: jus@tltsu.ru

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 927 216-28-99
E-mail: gana46@yandex.ru

Гогина Галина Николаевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 59.
Тел.: 8 937 233-82-82
E-mail: gana46@yandex.ru

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445000, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 906 339-55-55
E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Ельчанинова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры «Теория и история государства и права».
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.
Тел.: 8 927 204-62-93
E-mail: olga220169_69@mail.ru

Закомолдин Руслан Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и уголовный процесс».
Адрес: Филиал Самарской гуманитарной академии в г. Тольятти, 445045, Россия, г. Тольятти, ул. Л. Чайкиной, 87.
Тел.: 8 987 935-64-79
E-mail: rus.zakomoldin@mail.ru

Иванова Ольга Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-93-65
E-mail: olivka8811@mail.ru

Касаткин Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права».
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.
Тел.: (8462) 05-67-28
E-mail: kasatka_s@bk.ru

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-31

E-mail: vladimirkornukov@gmail.com

Макарова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рьяльская, 24в.

Тел.: (8462) 05-67-28

E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Максимихина Юлия Олеговна, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 927 021-60-72

E-mail: julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Михеева Ирина Вячеславовна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право».

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12.

Тел.: 8 910 383-81-01

E-mail: imikheeva@hse.ru

Моисеев Александр Владимирович, преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: ur63@yandex.ru

Мычак Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 909 364-74-69

E-mail: Mychak_tatyana@mail.ru

Немова Елена Николаевна, преподаватель кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: nemova0303@yandex.ru

Норвартян Юрий Сергеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и криминология».

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел.: (846) 337-99-76

E-mail: norvartyan@yandex.ru

Одоева Ирина Владимировна, аспирант.

Адрес: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17.

Тел.: 8 900 911-75-00

E-mail: i.v.odoeva@yandex.ru

Оспеников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Самарская гуманитарная академия, 443011, Россия, г. Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Тел.: 8 927 296-67-18

E-mail: desmandado@yandex.ru

Попрядухина Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-63-91

E-mail: deekei@list.ru

Пяткин Валерий Николаевич, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин.

Адрес: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Тел.: (8342) 23-37-55

E-mail: dep-mail@adm.mrsu.ru

Савельев Юрий Михайлович, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 610-15-49

E-mail: yusproc@gmail.com

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Саргсян Аделина Арменовна, магистрант кафедры уголовного и уголовно-процессуального права.
Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.
Тел.: (37477) 94-90-03
E-mail: adelina-sargsyan@mail.ru

Смагина Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры «Гражданское право, гражданский процесс и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: 8 987 961-28-11
E-mail: anastasiasmgn@rambler.ru

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Теория государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 8 917 970-19-91
E-mail: lawboxer@gmail.com

Танянян Ани Вагеовна, магистрант кафедры уголовного и уголовно-процессуального права.
Адрес: Российско-Армянский (Славянский) университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.
Тел.: (37477) 05-68-66
E-mail: ani-tananyan@mail.ru

Тараканова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права».
Адрес: Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 430027, Россия, г. Саранск, Транспортная, 17.
Тел.: 8 906 379-76-10
E-mail: ngtarakanova@mail.ru

Титов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, адвокат.
Адрес: Адвокатура, 83001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 3/48.
Тел.: 8 380 959-07-47-47
E-mail: atitov77@mail.ru

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «История государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: jus@tlt.ru

Цалюк Алексей Михайлович, кандидат юридических наук, начальник кафедры «Административное право».
Адрес: Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики, 283054, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, пр-т Засядько, 13.
Тел.: (3805) 0106-39-84
E-mail: calyuk@mail.ru

Чесноков Павел Андреевич, студент кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12.
Тел.: 8 910 103-93-42
E-mail: pavchesnokov@yandex.ru

Шутемова Тамара Васильевна, старший преподаватель кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями.
Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
Тел.: (846) 933-87-81
E-mail: shutemtv2015@rambler.ru

Ямбушев Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета.
Адрес: Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», 430027, Россия, г. Саранск, Транспортная, 17.
Тел.: 8 909 326-22-74
E-mail: yfs76@list.ru

OUR AUTHORS

Aleksandrov Ilya Andreevich, lecturer of the chair “Theory of state and law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Bezverkhov Artur Gennadyevich, doctor of legal Sciences, Professor, Dean of the law faculty.
Address: Samara State University, 443011, Russia, Samara, Pavlov Street, 1.
Tel.: 8 846 337-99-30
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

Bykov Sergey Vladimirovich, doctor of Psychology, professor of Psychology of Management.
Address: Samara Humanitarian Academy, 445045, Russia, Togliatti, L. Chaykina Street, 87.
Tel.: (8482) 24-78-62
E-mail: bykov@tfsaga.ru

Chesnokov Pavel Andreevich, student of Constitutional and Administrative Law Department.
Address: National Research University “Higher School of Economics”, 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya Street, 25/12.
Tel.: 8 910 103-93-42
E-mail: pavchesnokov@yandex.ru

Dzhalilov Elvis Alimovich, candidate of law sciences, associate professor of “Business and labor law”.
Address: Togliatti State University, 445000, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 906 339-55-55
E-mail: elvis.tlt@gmail.com

Elchaninova Olga Yuryevna, PhD in History, associate Professor, head of the department “Theory and history of state and law”.
Address: Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24“v”.
Tel.: 8 927 204-62-93
E-mail: olga220169_69@mail.ru

Gogin Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of Chair “Theory of State and Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 216-28-99
E-mail: gana46@yandex.ru

Gogina Galina Nikolayevna, PhD (Economics), Professor of Chair “Accounting, Analysis and Auditing”.
Address: Togliatti State University, Russia, Togliatti, 445020, Ushakov Street, 59.
Tel.: 8 937 233-82-82
E-mail: gana46@yandex.ru

Ivanova Olga Mikhaylovna, candidate of legal sciences, associate professor of the chair “Criminal procedure and criminalistics”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: olivka8811@mail.ru

Kasatkin Sergey Nikolayevich, candidate of law, professor at the Department of theory and history of state and law.
Address: Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24“v”.
Tel.: (8462) 05-67-28
E-mail: kasatka_s@bk.ru

Khachaturov Rudolf Levonovich, doctor of law, Professor, Professor of the Department “History of state and law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street. 14.
E-mail: jus@tltsu.ru

Kornukov Vladimir Mikhaylovich, doctor of legal sciences, professor, professor of the chair “Criminal procedure and criminalistics” Institute of law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: vladimirkornukov@gmail.com

Makarova Natalya Alekseevna, candidate of juridical sciences, senior lecturers of the Chair "Theory and History of State and Law".

Address: Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24^а.

Tel.: (8462) 05-67-28

E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Maksimikhina Yulia Olegovna, the teacher of department of "Criminal trial and criminalistics".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 8 927 021-60-72

E-mail: julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Mikheeva Irina Vyatcheslavovna, Doctor of Law, D. Sc., Head of the Constitutional and Administrative Law Department.

Address: National Research University "Higher School of Economics", 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya Street, 25/12.

Tel.: 8 910 383-81-01

E-mail: imikheeva@hse.ru

Moiseev Aleksandr Vladimirovich, lecturer of the chair "Theory of state and law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belarusian Street, 14.

Tel.: (8482) 53-94-17

E-mail: ur63@yandex.ru

Mychak Tatyana Vladimirovna, senior lecturer of "Criminal trial and criminalistics".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 8 909 364-74-69

E-mail: Mychak_tatyana@mail.ru

Nemova Elena Nikolaevna, lecturer of "Civil law, civil process and labour law" department.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: nemova0303@yandex.ru

Norvartyan Yuriy Sergeevich, PhD (Law), senior lecturer of Chair "Criminal Law and Criminology".

Address: Samara State University, 443011, Russia, Samara, Akademik Pavlov Street, 1.

Tel.: (846) 337-99-76

E-mail: norvartyan@yandex.ru

Odoeva Irina Vladimirovna, post-graduate student.

Address: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 163002, Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina Emb., 17.

Tel.: 8 900 911-75-00

E-mail: i.v.odoeva@yandex.ru

Ospennikov Yuri Vladimirovich, doctor of jurisprudence, professor of chair of the "Theory and history of state and law".

Address: Samara Humanitarian Academy, 443011, Russia, Samara, 8th Radialnaya Street, 31.

Tel.: 8 927 296-67-18

E-mail: desmandado@yandex.ru

Popryadukhina Irina Viktorovna, candidate of law science, assistant professor of "Civil law, civil procedure and labour law".

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: (8482) 53-63-91

E-mail: deekei@list.ru

Pyatkin Valery Nikolaevich, senior Lecturer of the Department legal discipline.

Address: Ogarev Mordovia State University, 430005, Russia, Saransk, The Bolshevik Street, 68

Tel.: (8342) 23-37-55

E-mail: dep-mail@adm.mrsu.ru

Sargsyan Adelina Armenovna, master of the Department of Criminal Law.

Address: Russian-Armenian (Slavic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.

Tel.: (37477) 94-90-03

E-mail: adelina-sargsyan@mail.ru

Savelyev Yuriy Mikhailovich, senior lecturer of Theory of State and Law Department.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 8 927 610-15-49

E-mail: yusproc@gmail.com

Savelyeva Olga Yurievna, candidate of legal Sciences, associate Professor of criminal law and criminology.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: (8482) 53-94-31

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Shutemova Tamara Vasilievna, senior lecturer, department of organization of the fight against economic crimes.
Address: Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Sovetskoi Armii Street, 141.
Tel.: (846) 933-87-81
E-mail: shutemtv2015@rambler.ru

Smagina Anastasia Yurievna, assistant professor of the chair “Civil law, civil procedure and Labor law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 987 961-28-11
E-mail: anastasiasmgn@rambler.ru

Stepanova Vera Vladimirovna, senior lecturer of Theory of State and Law Department.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 917 970-19-91
E-mail: lawboxer@gmail.com

Tananyan Ani Vageovna, master of the Department of Criminal Law.
Address: Russian-Armenian (Slavic) University, 0051, Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.
Tel.: (37477) 05-68-66
E-mail: ani-tananyan@mail.ru

Tarakanova Natalya Gennadyevna, candidate of History, associate Professor, Head of the theory and history of the state and law department.
Address: Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch), 430027, Russia, Saransk, Transportnaya Street, 17.
Tel.: 8 906 379-76-10
E-mail: ngtarakanova@mail.ru

Titov Andrey Nikolaevich, candidate of legal sciences, associate professor, lawyer.
Address: The Bar, 83001, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Universitetskaya Street, 3/48.
Tel.: 8 380 959-07-47-47
E-mail: atitov77@mail.ru

Tsalyuk Aleksey Mikhailovich, candidate of Legal Sciences, head of the Department administrative Law.
Address: Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the People’s Republic of Donetsk, 283054, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Zasyadko Prospect, 13
Tel.: (3805) 0106-39-84
E-mail: calyuk@mail.ru

Verkhova Elena Anatolievna, lawyer of Chamber of lawyers of Samara region, senior lecturer of “Criminal process and criminalistics”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: lenkaok@mail.ru

Volodin Mikhail Sergeevich, undergraduate.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-31
E-mail: jus@tltsu.ru

Yambushev Fail Shamilyevich, candidate of Legal Sciences, associate Professor, Dean of the Law Faculty.
Address: Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch), 430027, Russia, Saransk, Transportnaya Street, 17.
Tel.: 8 909 326-22-74
E-mail: yfs76@list.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the chair “Criminal law and criminal procedure”.
Address: The branch of Samara Humanitarian Academy in Togliatti, 445045, Russia, Togliatti, L. Chaikina Street, 87.
Tel.: 8 987 935-64-79
E-mail: rus.zakomoldin@mail.ru